КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.
НОЯБРЬ.

Годъ десятый. ТОМЪ XXXV. 1891 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Тревожные годы. Очеркъ изъ общественной и политической жизни г. Кіева и юго-западнаго края въ 1811—1812 гг. Пожарные тревоги. (Окончаніе). О. Левицкаго (170—194).

II. Очерки Переяславщины. А. Стороженка (195—215).

III. Изъ исторіи селъ и селянъ лѣвобережной Малороссіи. Ал. Лазаревскаго (216—231).

IV. Путешествіе Императрицы Екатерины II въ южную Россію въ 1787 г. Г. В. Есипова. (232—245).

V. Кіевскій воевода П. В. Шереметевъ и нѣжинскій магистратъ (1666—1669 гг.). В. Эйнгорна (246—258).

VI. Табачная контрабанда среди кіевскихъ мѣщанъ. А. А. (257—266).

VII. Къ исторіи апокрифическихъ сказаній. Мирова (267—275).

VIII. Записки Михаила Чайковскаго (Садыкъ-паши). XI. (276—291).

IX. Документы, извѣстія и замѣтки. Памятники козацкой старины въ музеѣ Императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей. Н. Б. Свѣдѣнія о задунайскихъ запорожцахъ въ 1826 году. А. Л. Къ исторіи церквей г. Остра. А. Л. „Письмо—Апокрифъ". Собщ. Хр. Ящуржинскій. Великорусскіе чиновники въ Кіевѣ въ двадцатыхъ годахъ XVIII столѣтія. В. Щербины. Письмо П. Д. Юркевича къ прот. П. И. Катранову. Дѣло о П. И. Богдановичѣ, типографщикѣ и переводчикѣ „Монтюглевой" Исторіи математики. Николая Стороженскаго. (292—312).

X. Библіографія. Сборникъ извѣстій, относящихся къ мѣстной антропологіи. В. А. Изданія статистическихъ комитетовъ южной Россіи въ 1891 г. Р. И. А. Шляпкинъ. Св. Димитрій Ростовскій и его время (1651—1709 г.). Ал. Маркевича. Городъ Кременчугъ. Историческій очеркъ Ѳ. Д. Николайчика. Н. В. Труды четвертаго археологическаго съѣзда въ Россіи, бывшаго въ Казани съ 31 іюля по 18-е августа 1877 г. Т. II. И. Каманина. Юридическія воззрѣнія и обычаи крестьянъ сѣверо-западнаго края, преимущественно кіевской губерніи. М. Довнаръ-Запольскаго. Обозрѣніе журналовъ (313—344).

Объявленія (1—6).

ПРИЛОЖЕНІЕ: Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1891.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные материалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

ТРЕВОЖНЫЕ ГОДЫ.[1)]

Очерки изъ общественной и политической жизни г. Кіева и юго-западнаго края въ 1811—1812 гг.

I. ПОЖАРНЫЯ ТРЕВОГИ.

(ОКОНЧАНІЕ).

Легко представить, какимъ невѣроятнымъ стѣсненіямъ должно было подвергнуться, благодаря всѣмъ этимъ затѣйливымъ канцелярскимъ измышленіямъ, населеніе огромнаго края, къ тому же не пріученное предшествующей исторической жизнью ни къ паспортамъ, о которыхъ народъ и слухомъ не слыхалъ въ недавнюю пору польскаго владычества, ни вообще къ какимъ либо формамъ государственнаго вмѣшательства въ дѣло народнаго передвиженія. Какъ на то, всѣ эти строгости начались въ такое именно время, когда передвиженіе въ краѣ было особенно интенсивно: съ одной стороны, среди южно-русскаго населенія все еще продолжалось старое колонизаціонное движеніе, столь хорошо памятное въ исторіи предыдущихъ вѣковъ, только теперь, подъ вліяніемъ измѣнившихся обстоятельствъ, оно направлялось не на востокъ, какъ прежде, а на югъ, въ привольныя степи Новороссіи; съ другой—недавно передъ тѣмъ совершившіяся политическія перемѣны въ положеніи края, замѣтно усилившійся крѣпостной гнетъ, стремленіе помѣщиковъ закрѣпостить дотолѣ вольныхъ людей, появленіе въ югозападныхъ губерніяхъ рус-

1) См. „Кіевская Старина“ 1891 г., № 10.

скаго землевладѣнія, упадокъ однихъ и возникновеніе другихъ промысловъ и т. под.—все это создавало цѣлый рядъ поводовъ къ безпрестанному передвиженію не однихъ только крестьянъ, но и представителей другихъ общественныхъ классовъ, почувствовавшихъ себя въ необходимости приспособиться къ новымъ условіямъ экономической жизни. Не трудно представить, какъ мало должно было благопріятствовать этому искони привычному передвиженію неожиданное превращеніе въ цѣломъ краѣ селъ, мѣстечекъ и городовъ въ какіе-то сторожевые полицейскіе посты съ опущенными шлагбаумами, закрытыми въѣздами и выѣздами, дневными и ночными караулами и даже съ записными обо всѣхъ проходящихъ и проѣзжающихъ тетрадями! Плохо приходилось тогда бѣднымъ людямъ, уходившимъ на заработки или на переселеніе, бѣглымъ крестьянамъ, искавшимъ лучшей доли, многочисленнымъ въ то время дезертирамъ, толпами бѣгавшимъ отъ тягостей непривычной военной службы, разнаго рода торговцамъ и промышленникамъ, разносившимъ или развозившимъ по деревнямъ свои издѣлія и товары, ремесленникамъ, искавшимъ работы, и даже нищимъ, побиравшимся Христовымъ именемъ. Но немногимъ лучше было и положеніе привилегированныхъ сословій въ ту смутную пору погони за призракомъ. Представимъ только, каково было путешествовать въ то время хотябы и знатному шляхтичу, даже обладающему надлежащимъ паспортомъ, но выѣхавшему за предѣлы своей околицы. Вотъ онъ подъѣзжаетъ къ лежащему на пути селенію и видитъ, что въѣздныя ворота закрыты и при нихъ стоятъ караульные съ внушительными дубинами на плечахъ. Его останавливаютъ, опрашиваютъ: кто онъ, откуда, куда ѣдетъ и проч., и такъ какъ не наютъ его лично, то требуютъ паспортъ. Но среди караульныхъ не оказывается ни одного грамотнаго, поэтому пріѣзжаго приглашаютъ обождать и посылаютъ за сотскимъ, который не всегда, конечно, находится дома и точно также далеко не всегда оказывается грамотнымъ. Въ самомъ счастливомъ для проѣзжаго случаѣ, т. е. когда сотскій—грамотный или имѣетъ при себѣ грамотнаго человѣка, дѣло ограничится только болѣе или менѣе продолжительною задержкою, во время которой будутъ

вписывать въ шнуровую тетрадь имя и званіе проѣзжаго, откуда и куда онъ ѣдетъ, по какому паспорту и проч., а равно его примѣты, костюмъ, масть лошадей, примѣты его кучера и вообще, согласно инструкціи, „все, что только у проѣзжающаго и на проѣзжающемъ примѣтить можно“. Послѣ этого его пропустятъ, а чрезъ 2—3 версты, у воротъ слѣдующаго селенія, онъ снова долженъ подвергнуться такому же мытарству. Конечно, при подобныхъ безпрестанныхъ задержкахъ путешествіе становится почти невозможнымъ, если даже предположить, что каждая встрѣча съ карауломъ обойдется безъ недоразумѣній. Но горе путнику, если онъ встрѣтитъ не въ мѣру усерднаго или подозрительнаго блюстителя сельскаго благочинія, которому представится что-нибудь „сумнительное“ въ его документѣ или въ наружности, костюмѣ, формѣ экипажа, наконецъ, въ масти и примѣтахъ его лошадей! Тогда его „пристойно упросятъ, дабы онъ обождалъ“, пока сотскій дастъ о немъ знать сельскому начальнику, а этотъ—нижнему земскому суду или же исправнику, и пока отъ послѣдняго получится „резолюція“. И благо еще, если резолюція окажется благопріятной, т. е. послѣдуетъ приказъ о пропускѣ; въ противномъ случаѣ заподозрѣнному путешественнику придется отправиться въ повѣтовый городъ, а оттуда, пожалуй, за карауломъ и въ губернскій или же непосредственно къ генералу Эртелю. Подобныя прискорбныя недоразумѣнія случались въ то время сплошь и рядомъ и дорого обходились несчастнымъ жертвамъ, при всей очевидности ихъ полной непричастности къ какимъ либо законопреступнымъ дѣяніямъ. Представимъ нѣсколько примѣровъ.

Чиновникъ XIV-го класса Ржеплинскій, подканцеляристъ Ляквишъ и корнетъ Гриневичъ отправились какъ-то въ богуславскій (что нынѣ каневскій) повѣтъ погостить у тамошнихъ помѣщиковъ, поиграть съ ними въ карты и вообще пріятно провести время. Въ одномъ селеніи они были задержаны и хотя имѣли надлежащіе документы, удостовѣрявшіе ихъ личности, но въ чемъ-то были заподозрѣны сотскимъ и представлены въ Богуславъ. Тамошній городничій приказалъ обыскать ихъ, при чемъ между ихъ вещами найдены

были порохъ съ сѣрою и разныя „для игранія въ карты и кости обманнымъ образомъ вещи“. Заключивъ по этому, что имѣетъ дѣло съ поджигателями, городничій велѣлъ заковать ихъ въ кандалы и подъ крѣпкимъ карауломъ отправилъ при рапортѣ къ кіевскому военному губернатору, равно какъ и возившаго ихъ еврея-извощика. Болѣе двухъ мѣсяцевъ несчастные любители картежной игры томились въ тюрьмѣ, терпя голодъ и холодъ, пока объ нихъ наводились справки, въ концѣ концовъ вполнѣ подтвердившія данныя ими при слѣдствіи показанія объ ихъ прежней службѣ и вообще объ ихъ личностяхъ. Но и послѣ того не наступилъ конецъ ихъ невзгодамъ. Когда дѣло объ нихъ поступило на окончательное рѣшеніе къ губернатору, послѣдній положилъ слѣдующую резолюцію: „хотя изъ показаній сихъ людей, какъ и изъ прочаго, ничего не открывается подозрительнаго, а видно только, что люди сіи занимаются большею частью картежною игрою; но поелику указомъ 1798 года, 18 февраля, велѣно всѣ уголовныя изслѣдованія, хотябы и виновный не былъ открытъ, отсылать въ судебныя мѣста, а изъ оныхъ въ судебныя палаты для обревизованія, то посему и сіе производство я препровождаю въ кіевское губернское правленіе для поступленія по сему законоположенію“. На основаніи этой резолюціи губернское правленіе постановило: передать дѣло въ богуславскій повѣтовый судъ и отправить туда подсудимыхъ, такъ какъ они были задержаны въ томъ повѣтѣ. Такимъ образомъ нашимъ игрокамъ предстояло вторично отправиться подъ карауломъ въ Богуславъ, и только по особому снисхожденію къ ихъ слезнымъ прошеніямъ М. А. Милорадовичъ разрѣшилъ судить ихъ въ кіевскомъ, а не въ богуславскомъ повѣтовомъ судѣ. Конечно, ихъ оправдали.

Въ м. Ставищахъ былъ задержанъ итальянскій выходецъ Антоніо Ріо, у котораго въ повозкѣ не оказалось ничего подозрительнаго, а найдены были только коробки съ картинами и разнымъ мелкимъ товаромъ. На допросѣ въ таращанскомъ нижнемъ земскомъ судѣ онъ показалъ, что болѣе восьми лѣтъ ѣздитъ по разнымъ россійскимъ городамъ для продажи эстамповъ, въ 1804 г. принялъ россійское подданство и приписался

къ мѣщанамъ г. Житомира, въ удостовѣреніе чего предъявилъ паспортъ, выданный ему изъ житомирскаго магистрата. Но таращанскій исправникъ не далъ вѣры ни показаніямъ Ріо, ни предъявленному имъ документу: онъ составилъ себѣ убѣжденіе, что предъ нимъ находится не кто иной, какъ извѣстный поджигатель Антонъ нѣмецъ, который, по показанію Тршалковскаго, состоитъ начальникомъ партіи, или десятникомъ, въ шайкѣ Пашковскаго; поэтому онъ велѣлъ заковать его въ кандалы, вытребовалъ изъ таращанской инвалидной команды „исправнаго" унтеръ-офицера и при „довольномъ количествѣ провожатыхъ" отправилъ его въ Кіевъ. Къ счастью для Ріо, его хорошо знали въ Кіевѣ и потому ему не долго пришлось томиться подъ стражей: на докладѣ объ немъ губернаторъ Милорадовичъ положилъ такую резолюцію: „Ріо извѣстенъ здѣшнимъ многимъ купцамъ, знающимъ его съ хорошей стороны по продажѣ эстамповъ, и не подвергается никакому подозрѣнію; посему предписываю освободить его изъ-подъ караула и возвратить паспортъ".

Вообще плохо приходилось тогда иностранцамъ—разнаго рода техникамъ, музыкантамъ и т. под., являвшимся въ Россію по приглашеніямъ помѣщиковъ,—ихъ арестовывали на каждомъ шагу и, несмотря на предъявляемые ими законные паспорты, отправляли въ Кіевъ въ слѣдственную о пожарахъ коммиссію или же прямо къ генералу Эртелю. Въ ноябрѣ того же 1811 года въ звенигородскій нижній земскій судъ явился австрійскій подданный Вонцель Мицель для посвидѣтельствованія выданнаго ему на радзивиловской пограничной заставѣ кордоннаго свидѣтельства на право въѣзда въ предѣлы Россіи. А надо сказать, что незадолго предъ тѣмъ разослано было циркулярное предписаніе генерала Эртеля относительно поимки двухъ иностранныхъ ксендзовъ Бенедикта Закони и Антонія Сонети, задержанныхъ по подозрѣнію (со словъ Тршалковскаго) въ поджогѣ м. Бершада и вообще въ принадлежности къ шайкѣ Пашковскаго и бѣжавшихъ изъ-подъ стражи. Присмотрѣвшись къ явившемуся иностранцу, звенигородскій исправникъ нашелъ, что онъ „довольно сходственъ" по примѣтамъ съ однимъ изъ

этихъ ксендзовъ, именно съ Бенедиктомъ Закони, въ особенности тѣмъ, что, подобно послѣднему, „притворяется, будто не знаетъ говорить языками русскимъ и польскимъ". Обыскавъ Мицеля, исправникъ нашелъ у него какую-то „грамоту" и „вѣрши" (стихи) на нѣмецкомъ языкѣ, и это еще болѣе усилило его подозрѣніе. Тогда онъ началъ „секретнымъ образомъ испытывать" Мицеля: „не онъ ли самый есть ксендзъ Закони"?—„съ приличнымъ къ открытію истины усовѣщаніемъ". Но упорный нѣмецъ никакъ „не хотѣлъ въ томъ виниться", а все твердилъ, что онъ вовсе не ксендзъ, а пивоваръ, что отобранная отъ него грамота на нѣмецкомъ языкѣ есть не что иное, какъ удостовѣреніе, данное ему въ Австріи отъ пивовареннаго „мастера" Юзефа Корстора въ томъ, что онъ Мицель „изученъ пивоварству", а „вѣрши" писалъ онъ самъ „для забавы", что вышелъ онъ въ Россію съ товарищемъ Фридрихомъ Клингомъ для пріисканія службы по пивоваренному ихъ мастерству, и что Клингъ уже получилъ мѣсто на заводѣ князя Яблоновскаго въ сквирскомъ повѣтѣ, а самъ онъ отправляется на службу въ другой заводъ того же князя, въ м. Лысянку. Исправникъ и слушать ничего не хотѣлъ: теперь онъ окончательно убѣдился, что въ его рукахъ находится ксендзъ Бенедиктъ Закони, а подъ видомъ пивовара Клинга скрывается не кто иной, какъ его соумышленникъ, ксендзъ Антоній Сонети, вмѣстѣ съ нимъ бѣжавшій изъ-подъ стражи. Чѣмъ всего болѣе бѣдный нѣмецъ „подалъ явное на себя сумнѣніе почесть его вышеписаннымъ ксендзомъ Бенедиктомъ Закони",—такъ это „перемѣною лица и трясеніемъ цѣлаго корпуса", когда ему было объявлено, что его отправятъ въ слѣдственную коммиссію генерала Эртеля: будь онъ на самомъ дѣлѣ честный пивоваръ, а не поджигатель-ксендзъ, чего бы ему такъ страшиться свиданія съ генераломъ! И точно, несчастнаго Мицеля заковали въ кандалы и подъ конвоемъ отправили не въ Кіевъ къ губернатору, а непосредственно въ Могилевъ на Днѣстрѣ, гдѣ въ то время находилась главная квартира Эртеля; а относительно поимки именующаго себя Фридрихомъ Клингомъ сообщены были надлежащія указанія мѣстной полиціи.

Если не въ мѣру ретивое полицейское усердіе не затруднилось въ данномъ случаѣ нѣмцевъ пивоваровъ превратить въ италіанскихъ патеровъ, то какова же была радость черкасскаго земскаго исправника Бутовича, когда къ нему привели двухъ настоящихъ италіанскихъ „ксендзовъ", Антоніо Сигнайго и Якоба Молини, задержанныхъ управителемъ одного имѣнія, къ которому они заѣхали съ прошеніемъ о милостынѣ! Оба они назвали себя италіанцами, уроженцами южной Швейцаріи, иноками С.-Бернардскаго монастыря, что въ Альпахъ, посланными въ Россію и Польшу для испрошенія милостыни, и предъявили цѣлую массу письменныхъ свидѣтельствъ о своихъ личностяхъ, въ томъ числѣ паспорты, выданные имъ изъ иностранной коллегіи, за подписью министра иностранныхъ дѣлъ графа Румянцева. Кромѣ того они заявили, что уже не въ первый разъ пріѣзжаютъ въ Россію за подаяніемъ, и что ихъ хорошо знаютъ весьма многіе помѣщики кіевской губерніи. Но исправникъ всему этому не придалъ никакого значенія; ему показалось подозрительнымъ, что 1) фамилія патера Антоніо въ россійскомъ паспортѣ написана *Синего*, а во французскомъ и въ другихъ бумагахъ *Сигнайго*; точно также Якобъ въ россійскомъ паспортѣ названъ *Малинно*, а въ другихъ документахъ *Молини*; 2) оба они назвали себя „ксендзами", а въ россійскихъ паспортахъ не поименованы таковыми; 3) у Антоніо на правомъ вискѣ примѣтенъ какой-то шрамъ, „уповательно, отъ палашнаго удара знакъ", и 4) объявляютъ себя посланными для испрошенія на монастырь подаянія, а при нихъ, кромѣ 55-ти рублей ассигнаціями и пароконной брички съ вещами, ничего болѣе не оказалось. На этомъ основаніи исправникъ распорядился отправить обоихъ иностранцевъ подъ строгимъ карауломъ въ Кіевъ къ военному губернатору, а послѣдній велѣлъ передать ихъ въ вѣдѣніе слѣдственной о пожарахъ коммиссіи. Это было настоящимъ благодѣяніемъ для бѣдныхъ иностранцевъ: въ Кіевѣ они лично были извѣстны предсѣдателю главнаго суда Проскурѣ, губернскому маршалку графу Потоцкому, графу Ржевускому, полковнику Марченку и другимъ польскимъ и даже нѣкоторымъ малороссійскимъ помѣщикамъ, отъ которыхъ

въ прежніе пріѣзды они получали подаяніе; да и въ коммиссіи засѣдали лица болѣе разсудительныя, нежели чины уѣздной полиціи. Антоніо Сигнайго спросили о происхожденіи шрама на его вискѣ, и онъ объяснилъ, что это слѣдъ ушиба, полученнаго имъ въ дѣтствѣ при паденіи со скалы; а относительно незначительной наличности оказавшихся при нихъ денегъ, оба арестанта дали показаніе, что за нѣсколько дней до ихъ задержанія они отправили въ свой монастырь нѣсколько сотъ червонцевъ чрезъ чигиринскаго помѣщика Чикоцкаго, уѣхавшаго во Францію. Разсмотрѣвъ въ подробностяхъ обстоятельства даннаго дѣла, коммиссія дала заключеніе, что ни Сигнайго, ни Молини не возбуждаютъ противъ себя никакого подозрѣнія, на основаніи чего губернаторъ приказалъ освободить ихъ изъ-подъ стражи и выдать имъ паспорты.

Радовались с.-бернардскіе патеры, что имъ удалось такъ сравнительно благополучно избавиться отъ напасти, пробывъ подъ стражей всего лишь три мѣсяца, и не помышляя уже болѣе о сборѣ милостыни, спѣшили поскорѣе удалиться изъ предѣловъ негостепріимной страны; но радость ихъ была преждевременна: едва отъѣхали они отъ Кіева сотню-другую верстъ, какъ въ одномъ селеніи махновскаго (нынѣ бердичевскій) повѣта ихъ снова задержали и представили мѣстному исправнику. Здѣсь опять ихъ подвергли обыскамъ, допросамъ и секретнымъ выпытываньямъ: не они ли тѣ самые ксендзы, что подожгли Бернадъ и потомъ бѣжали изъ-подъ караула? Напрасно несчастные патеры объясняли, что они уже были судимы по тому же самому подозрѣнію въ кіевской слѣдственной коммиссіи, но оправданы, въ удостовѣреніе чего ссылались на помѣты, сдѣланныя на ихъ паспортахъ: „по сему пашепорту означенный N былъ задержанъ въ городѣ Кіевѣ по велѣнію начальства, нынѣ по разрѣшенію отъ онаго уволняется въ свое отечество. 27 декабря, 1811 года. Полиціймейстеръ и кавалеръ Сталинскій". „Сей пашепортъ у меня явленъ и въ книгу подъ № такимъ-то записанъ. Кіевъ, декабря 28, 1811 года. Чрезъ шлагбаумъ пропустить. Комендантъ Массъ"—ничто не помогало! Исправникъ рѣшилъ, что „хотя по таковымъ обстоятельствамъ не можно

взять настоящаго сомнѣнія въ сихъ ксендзахъ", но въ разсужденіи предписанія генерала Эртеля о поимкѣ бѣжавшихъ ксендзовъ, онъ и этихъ обязанъ задержать и донести о нихъ въ кіевское губернское правленіе, съ просьбою забрать гдѣ слѣдуетъ справку: „точно-ли означенные ксендзы были въ Кіевѣ освобождены, и нѣтъ ли какова сомнѣнія въ дальнѣйшемъ ихъ проѣздѣ, а также могутъ ли они за сими пашепортами быть пропущены чрезъ пограничную стражу для дальнѣйшаго ихъ слѣдованія въ свое отечество, или должны испросить особые пашепорты, и далѣе какъ съ ними поступать?" Чтобы разсѣять поскорѣе это нелѣпое недоразумѣніе, задержанные сами просили исправника послать на ихъ счетъ въ Кіевъ эстафету и уплатили за оба конца установленные прогоны. Но въ Кіевѣ, какъ видно, не очень торопились успокоить черезчуръ подозрительнаго махновскаго исправника, а тѣмъ временемъ несчастныхъ патеровъ постигла совершенно неожиданная участь. Дѣло въ томъ, что исправникъ, въ ожиданіи отвѣта изъ Кіева, затруднялся рѣшеніемъ вопроса: куда бы помѣстить столь важныхъ арестантовъ такимъ образомъ, чтобы они „не могли имѣть ни съ кѣмъ связи и разговоровъ" и не учинили бы вторичнаго побѣга, и наконецъ придумалъ отослать ихъ „для присмотра" въ квартировавшій въ томъ же повѣтѣ татарскій уланскій полкъ. Полковникъ принялъ арестантовъ, но тотчасъ же рапортовалъ о нихъ дивизіонному командиру, а тотъ въ свою очередь донесъ объ этомъ главнокомандующему, князю П. И. Багратіону, отъ котораго въ скорости получено было предписаніе—отправить арестантовъ въ Житомиръ къ волынскому губернатору М. И. Комбурлею для разслѣдованія, не они ли тѣ самые ксендзы, что обвинялись въ поджогахъ и бѣжали изъ-подъ караула. Напрасно кіевскій губернаторъ М. А. Милорадовичъ писалъ (въ февралѣ 1812 г.) Комбурлею, что о тѣхъ швейцарскихъ монахахъ Сигнайго и Молини въ кіевской слѣдственной коммиссіи производилось недавно надлежащее „изслѣдованіе и разсмотрѣніе", что ихъ лично знаютъ „многіе здѣшніе помѣщики нѣсколько тому назадъ лѣтъ, и что по всѣмъ этимъ даннымъ ихъ личности и документы признаны „непод-

верженными никакому сомнѣнію",—увы, теперь судьба несчастныхъ патеровъ зависѣла уже не отъ мѣстныхъ губернскихъ властей, но отъ усмотрѣнія министра полиціи совмѣстно съ главнокомандующимъ. Еще въ мартѣ 1812 г. волынскій вице-губернаторъ, по порученію министра полиціи производившій о нихъ особое дознаніе, доносилъ послѣднему, что „не находитъ въ нихъ насчетъ сумнѣній явныхъ подозрѣній", но въ Петербургѣ о нихъ, видимо, совсѣмъ забыли. Много съ тѣхъ поръ произошло перемѣнъ: исчезла со сцены и самая Эртелевская коммиссія вмѣстѣ съ созданнымъ ею призракомъ; на смѣну мѣстнымъ, пожарнымъ тревогамъ наступили другія, охватившія уже всю Россію: несмѣтныя полчища враговъ наводнили западные предѣлы имперіи, палъ Смоленскъ, сдана и сожжена Москва,—а несчастные швейцарскіе монахи все еще продолжали томиться въ житомирской тюрьмѣ, теряя уже и самую надежду увидѣть когда-либо далекую родину. Наконецъ въ ноябрѣ 1812 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе, объявленное чрезъ министра полиціи главнокомандующему 2-ю западною арміею, о высылкѣ Сигнайго и Молини за границу. Но и тутъ встрѣтилась задержка: патеры заявили, что при вторичномъ арестѣ ихъ въ махновскомъ повѣтѣ отъ нихъ отобраны были деньги, пара лошадей съ бричкою и разное имущество, какъ лично имъ принадлежащее, такъ равно и пожертвованное на монастырь (платки, куски полотенъ, сукна, мѣха и т. под.). Началась переписка о разысканіи и возвращеніи этого имущества, настолько продолжительная, что бѣдные узники предпочли отъ всего отказаться, лишь бы только скорѣе вырваться на свободу. Въ январѣ 1813 г. ихъ препроводили въ Радзивиловъ, но австрійское правительство отказалось ихъ принять, такъ какъ имъ нечѣмъ было содержать себя въ карантинѣ. Прошло еще два мѣсяца, пока ихъ имущество было наконецъ истребовано изъ махновскаго нижняго земскаго суда, и только въ мартѣ 1813 г. несчастные патеры покинули предѣлы негостепріимной страны, гдѣ ихъ совершенно безвинно около полутора года держали подъ стражей.

Случаи подобныхъ недоразумѣній повторялись въ то время такъ часто, что только изъ опасенія наскучить читателю по-

твореніемъ однообразныхъ приключеній мы не рѣшаемся упоминать объ остальныхъ; поэтому признавать ихъ случаями исключительными нѣтъ основанія. Конечно, при тѣхъ чрезвычайныхъ мѣрахъ полицейской охраны, о коихъ мы упоминали, въ руки правосудія попадали не однѣ только жертвы чрезмѣрной подозрительности, но и люди дѣйствительно повинные, если не въ поджогахъ, то въ другихъ уголовныхъ проступкахъ. Но любопытно, что въ общемъ числѣ арестовъ, произведенныхъ въ то время въ кіевской губерніи, едвали не большинство случаевъ падаетъ именно на лицъ, неповинныхъ ни въ какихъ противо законыхъ дѣяніяхъ и подвергшихся арестамъ по однимъ лишь пустымъ подозрѣніямъ. Изъ этого не слѣдуетъ, конечно, заключать, будто все населеніе губерніи состояло въ то время изъ людей добродѣтельныхъ; напротивъ, есть много данныхъ, указывающихъ на то, что преступные элементы въ тогдашнемъ обществѣ были гораздо многочисленнѣе, нежели въ болѣе близкія къ намъ эпохи, но только они умѣли ловко ускользать отъ разставленныхъ для нихъ сѣтей, не взирая на повсемѣстные шлагбаумы, заставы и караулы,—новое подтвержденіе старой истины, какъ мало опасны для дѣйствительныхъ преступниковъ всякаго рода повальныя мѣры полицейской охраны. Даже лица безпаспортныя—бѣглые крестьяне, дезертиры, которыхъ, несомнѣнно, было въ то время великое множество, составляютъ сравнительно ничтожный процентъ въ общемъ числѣ арестованныхъ. Правда, это обстоятельство можетъ быть отчасти объясняемо тѣмъ, что уже въ то время фабрикація фальшивыхъ паспортовъ далеко не была искусствомъ, невѣдомымъ населенію: въ черкасскомъ повѣтѣ были арестованы какіе-то „молдавскіе уроженцы“ Онисимъ Кажанъ и Яковъ Стрѣлецъ, которые, по ихъ собственному признанію, подъ предводительствомъ асаула Чепиги „вербовали крестьянъ въ Черноморію“ и у которыхъ при обыскѣ найдено было множество фальшивыхъ паспортовъ и нѣсколько такихъ же печатей; бѣлоцерковскій сотскій былъ преданъ даже суду за то, что людямъ бѣглымъ и подозрительнымъ продавалъ фальшивые документы и бралъ взятки за отпускъ на свободу имъ же задержанныхъ во-

ровъ. Собственно уголовныхъ преступленій открыто было весьма немного: въ м. Бѣлопольѣ, подъ Бердичевомъ, поймано было нѣсколько цыганъ-конокрадовъ, да въ Бѣлой-Церкви накрыта многочисленная воровская шайка нѣкоего Тихона Портенка (онъ же и Александръ Ольшановскій), состоявшая преимущественно изъ евреевъ (болѣе 20 человѣкъ) и оперировавшая на пространствѣ между Житомиромъ, Бердичевомъ и Кременчугомъ; но любопытно, что и бѣлопольскіе цыгане, и бѣлоцерковскіе евреи съ Портенкомъ во главѣ, при всей очевидности ихъ спеціальныхъ проступковъ, были еще заподозрѣны въ „зажигательствахъ“ и на этомъ основаніи отправлены въ Эртелевскую комиссію, а не преданы, какъ бы слѣдовало, уголовному суду. Но всего поразительнѣе, конечно, то обстоятельство, что ни генерала Пашковскаго, ни его „десятника“ Антона нѣмца, и вообще ни одного изъ выданныхъ Тршалковскимъ поджигателей все еще не удавалось изловить, какъ ни усердствовали полицейскіе чиновники трехъ губерній. Многіе изъ арестованныхъ подозрѣвались въ совершеніи поджоговъ, но пока никто еще не былъ уличенъ въ томъ. Впрочемъ, былъ одинъ такой случай, когда администраціи казалось, будто ей удалось поймать искомаго „злодѣя“, и притомъ необыкновенно важнаго: въ октябрѣ 1811 года былъ задержанъ въ г. Липовцѣ странный субъектъ, назвавшійся польскимъ капитаномъ, который прямо объявилъ о себѣ, что „онъ—тотъ, который зажигаетъ города“; но по разслѣдованіи дѣла оказалось, что это былъ вовсе не поджигатель, а отчаянный фантазеръ, по-нынѣшнему психопатъ, представляющій, однако, настолько любопытный типъ тогдашняго авантюриста, что о немъ стоитъ разсказать подробнѣе.

Отставной сержантъ бывшей польской арміи, Шимонъ Ковальскій (онъ же и Валевскій) въ половинѣ 1810 г. вышелъ изъ герцогства Варшавскаго, шатался нѣкоторое время на Волыни и прибылъ въ Кіевъ. Здѣсь онъ женился на какой-то вдовѣ поручика и, выдавая себя за капитана польской службы, заявилъ властямъ, что не прочь принять русское подданство, если его зачислятъ въ военную службу офицеромъ. Предложеніе это

было отклонено, а между тѣмъ семейная жизнь Ковальскому пришлась не по вкусу, занятій никакихъ у него не было, и вотъ онъ бросаетъ жену и начинаетъ вести бродячую жизнь, переходя отъ одного помѣщика къ другому. Нѣсколько мѣсяцевъ онъ шатался по кіевской и подольской губ. безъ особыхъ приключеній, но со времени кіевскаго пожара начались извѣстныя полицейскія строгости, и Ковальскаго, какъ безпаспортнаго, стали повсюду задерживать на сельскихъ караулахъ. Но храбрый воинъ умѣлъ выпутываться изъ самыхъ затруднительныхъ положеній: въ иныхъ случаяхъ онъ добывалъ себѣ пропускъ однимъ воинственнымъ задоромъ и грознымъ окрикомъ на караульныхъ, въ другихъ—путемъ задабриванія сотскихъ подаркомъ или подкупомъ (одному подарилъ трубку, другому далъ два серебряныхъ рубля), а тамъ, гдѣ ни то, ни другое средство не помогало, онъ просто убѣгалъ изъ-подъ стражи. Такимъ образомъ Ковальскій въ октябрѣ пробрался въ г. Липовецъ, гдѣ въ то время случился пожаръ, истребившій большую часть города. Его, какъ безпаспортнаго, тотчасъ схватили и представили для допроса къ особому чиновнику, присланному кіевскимъ губернаторомъ для производства слѣдствія о пожарѣ. Ковальскій назвался капитаномъ польской службы и на вопросъ: не участвовалъ ли онъ въ поджогѣ города? далъ утвердительный отвѣтъ. Конечно, его немедленно связали и подъ строгимъ конвоемъ препроводили въ Кіевъ, въ слѣдственную о пожарахъ коммиссію. Изъ уваженія къ его якобы капитанскому чину, Ковальскаго посадили въ Кіевѣ не въ тюрьму, а на военную гауптвахту, но ему тамъ что-то не понравилось, и чрезъ недѣлю, не дождавшись даже перваго допроса, онъ успѣлъ скрыться. Въ Кіевѣ подняли большую тревогу; велѣно было экстренно оповѣстить по всѣмъ городамъ, что бѣжалъ-де „весьма важный преступникъ". Но еще раньше полученія этого извѣстія васильковскій городничій арестовалъ безпаспортнаго человѣка, который отказался назвать свое имя, а только заявилъ, что онъ „есть тотъ, который зажигаетъ города", и что третьяго дня онъ бѣжалъ изъ кіевской гауптвахты. Судя по личнымъ примѣтамъ арестованнаго, а равно и по тому, что онъ оказался знающимъ по-нѣмецки,

городничій пришелъ къ заключенію, что ему посчастливилось задержать знаменитаго нѣмца Антона, десятника изъ шайки Пашковскаго, и какъ таковаго онъ поспѣшилъ отправить его за крѣпкимъ карауломъ въ Кіевъ; на самомъ же дѣлѣ арестантъ былъ не кто иной, какъ Шимонъ Ковальскій. На первомъ допросѣ въ слѣдственной коммиссіи онъ отказался дать показаніе по дѣлу о „зажженіи" имъ повѣтоваго города Липовца, а только объявилъ, что ему „извѣстно важное обстоятельство, до безопасности цѣлаго государства касающееся, о которомъ, однакожъ, никому объявить здѣсь не хочетъ, а желаетъ всеподданнѣйше донести о томъ собственно Его Императорскому Величеству". Коммиссія видимо была смущена этимъ таинственнымъ заявленіемъ и, не зная, какъ ей поступать далѣе съ столь интереснымъ колодникомъ, въ тотъ же день донесла обо всемъ губернатору, отъ котораго получена была резолюція: потребовать, чтобы арестантъ открылъ свою тайну. На второмъ допросѣ Ковальскій далъ слѣдующія показанія: 1) въ бытность въ Варшавѣ слышалъ-де онъ отъ своего родственника ксендза Янышевскаго, что въ варшавскомъ кляшторѣ св. Креста хранится книга, въ которой записаны имена польскихъ дворянъ, въ предѣлахъ Россіи деревни имѣющихъ, но дававшихъ тайно деньги на тотъ предметъ, чтобы при удобномъ случаѣ помочь тѣми деньгами сдѣлать революцію для отторженія отъ Россіи присоединенныхъ къ ней польскихъ земель; книга та находится у провинціала ксендза Масловскаго, который отъ польскихъ дворянъ, изъ россійскаго края по паспортамъ въ Варшаву пріѣзжающихъ, принимаетъ денежныя пожертвованія на возстановленіе Польши и записываетъ въ книгу имена жертвователей и сумму пожертвованій, каковой суммы собрано уже въ золотѣ и серебрѣ болѣе двухъ милліоновъ рублей, и что 24 изъ знатнѣйшихъ польскихъ дворянъ изъ Волыни, Подолья и Литвы, разновременно по паспортамъ въ Варшавѣ бывшихъ, учинили тамъ присягу, что они при первомъ удобномъ случаѣ готовы будутъ дѣлать возмущеніе въ присоединенныхъ отъ Польши къ Россіи провинціяхъ, каждый въ мѣстѣ своего пребыванія; въ числѣ сихъ дворянъ, сколько помнитъ Ковальскій,

есть фамиліи Потоцкихъ, Менжинскихъ, Тарнавскихъ и Колоневскихъ; 2) самъ онъ прибылъ въ Россію лишь съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы учинить присягу на вѣрноподданство и вступить въ военную службу, о чемъ по прибытіи въ Кіевъ и заявлялъ въ губернскомъ правленіи, и 3) что случившемуся въ г. Липовцѣ пожару не былъ онъ Ковальскій причиною, Липовца и другихъ городовъ и мѣстечекъ не зажигалъ, ни въ какомъ пожарѣ ни съ которой стороны не участвовалъ и зажигателей нигдѣ и никого не знаетъ.

Въ виду особой важности первой части показанія Ковальскаго, губернаторъ Милорадовичъ счелъ долгомъ увѣдомить обо всемъ министра полиціи съ присовокупленіемъ, что относительно оговоренныхъ Ковальскимъ польскихъ дворянъ, проживающихъ въ кіевской губерніи, „взяты уже такія мѣры, чтобы могъ быть приличнымъ образомъ за поведеніемъ ихъ надзоръ", а о тѣхъ, кои проживаютъ въ волынской губ., сообщено тамошнему губернатору для соображенія. Въ январѣ 1812 г. Милорадовичъ получилъ отъ министра слѣдующее секретное увѣдомленіе: „Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ содержащагося въ кіевской крѣпости по извѣстному вашему высокопревосходительству дѣлу именующаго себя польской службы капитаномъ Шимона Ковальскаго доставить подъ присмотромъ сюда". Ковальскаго отправили въ Петербургъ, но слѣдствіе о немъ продолжали: навели справки о его шатаніяхъ, арестахъ и неоднократныхъ побѣгахъ изъ-подъ стражи, раскрыли его подлинное званіе отставного польскаго сержанта, а не капитана, и установили фактъ дѣйствительной его непричастности къ дѣлу о поджогѣ г. Липовца. Всѣ эти свѣдѣнія требовалось сообщить въ Петербургъ, гдѣ должна была окончательно рѣшиться участь Ковальскаго. Долго о немъ ничего не было слышно въ Кіевѣ; наконецъ 11-го іюня, въ самый день вступленія Наполеона въ предѣлы Россіи, Милорадовичъ получилъ отъ министра полиціи короткое увѣдомленіе: „Комитетъ гг. министровъ положилъ: извѣстнаго вашему в.-пр-ству поляка Ковальскаго опредѣлить рядовымъ въ одинъ изъ полковъ, въ Финляндіи расположенныхъ".

Такъ неожиданно сошелъ со сцены этотъ странный человѣкъ, столь легкомысленно отважившійся принять на себя опасное званіе поджигателя. Что побудило его къ такому рискованному шагу — осталось не выясненнымъ. Ниже мы встрѣтимся еще съ однимъ подобнымъ же самозванцемъ - поджигателемъ. Очевидно, что самозванство даже въ области преступленій, какъ и въ области религіи, политики и въ другихъ подчинено одному общему закону, т. е. возникаетъ въ моменты напряженнаго ожиданія; когда въ встревоженномъ обществѣ создается призракъ извѣстнаго преступленія, то, за отсутствіемъ дѣйствительныхъ преступниковъ, являются преступники-самозванцы. И какъ въ роли лжепророковъ выступаютъ не одни сознательные обманщики, такъ и между лжепреступниками нерѣдко встрѣчаются странные субъекты, по большей части душевно - больные, страдающіе потемнѣніемъ сознанія, которые совершенно искренно приписываютъ себѣ небывалыя злодѣянія. Вѣроятно, къ числу такихъ субъектовъ принадлежалъ и Ковальскій.

Тѣмъ не менѣе его добровольное сознаніе въ совершеніи якобы поджога произвело на первыхъ порахъ сильное впечатлѣніе и временно способствовало укрѣпленію легенды о шайкѣ поджигателей, кредитъ которой въ послѣднее время начиналъ какъ-будто падать. Вѣдь это былъ уже второй, послѣ Тршалковскаго, поджигатель, открыто сознавшійся въ своихъ злодѣяніяхъ. Генералъ Эртель торжествовалъ. Узнавъ о поимкѣ Ковальскаго, онъ очень настаивалъ, чтобъ его прислали къ нему въ Могилевъ: уже не думалъ ли онъ, что въ лицѣ самозванпаго польскаго капитана скрывается самъ генералъ-поджигатель Пашковскій! Въ послѣднее время Эртель совсѣмъ потерялъ слѣдъ этого опаснаго злодѣя, страшный призракъ котораго попрежнему нарушалъ спокойствіе цѣлаго края. Хотя съ наступленіемъ осени пожары почти совсѣмъ прекратились, но продолжавшіеся усиленные полицейскіе розыски и чрезвычайныя мѣры охраны сами по себѣ поддерживали въ краѣ тревожное настроеніе. О Пашковскомъ слагались легенды; въ каждомъ незначительномъ деревенскомъ пожарѣ видѣли его преступную

руку. Страннымъ казалось лишь одно, что ни самого Пашковскаго, ни кого-либо изъ пресловутыхъ десятниковъ его шайки никому еще не удавалось видѣть, хотя примѣты ихъ были хорошо извѣстны каждому сотскому.

Такъ прошла вся осень въ безплодныхъ розыскахъ. Энергія чиновъ полиціи видимо ослабѣвала. Городничіе и исправники теряли надежду заслужить награды, обѣщанныя за поимку злоумышленниковъ; сотскіе съ своими караульными повторяли старинную легенду о „характерникахъ", умѣвшихъ „напускать ману" и страшившихся лишь освященной серебряной пули,—примѣняя эту легенду къ Пашковскому и его товарищамъ. Ходили слухи, будто онъ съ своею шайкою на время удалился въ предѣлы герцогства Варшавскаго и возвратится для продолженія злодѣйскихъ подвиговъ лишь съ наступленіемъ весны, а скептики, число которыхъ теперь все болѣе увеличивалось и къ которымъ принадлежалъ самъ военный губернаторъ Кіева М. А. Милорадовичъ, рѣшительно подвергали сомнѣнію самый фактъ существованія генерала Пашковскаго и его преступной дружины. Одинъ Эртель не падалъ духомъ и не сомнѣвался. Онъ по-прежнему былъ убѣжденъ, что въ лицѣ Тршалковскаго держитъ въ своихъ рукахъ ключъ къ раскрытію тончайшихъ корней и нитей злодѣйскаго умысла и что подъ видомъ воровъ, грабителей и разнаго рода подозрительныхъ людей, которыхъ десятками сгоняли къ нему изъ трехъ губерній, ему удалось уже переловить добрую половину „зажигателей", численность которыхъ, по его свѣдѣніямъ, была такъ значительна, что они составляли уже не одну, а цѣлыхъ три шайки. Вотъ что писалъ Эртель (отъ 26 ноября, 1811 г.) о ходѣ порученнаго ему дѣла:

„Слѣдствія о пожарахъ, донынѣ произведенныя подъ моимъ распоряженіемъ, доказываютъ, что большая часть городовъ и мѣстечекъ выгорѣла отъ поджигательства. Самые поджигатели частію пойманы и находятся подъ карауломъ, а частію еще укрываются. Мѣры для поимки ихъ всѣ предприняты, и по поимкѣ они имѣютъ быть доставлены ко мнѣ въ Могилевъ. Зажигатели раздѣляются на три части: 1) Шайка Габріеля Пашковскаго, до сорока человѣкъ въ себѣ заключающая, най-

болѣе прочихъ отлична въ злоумышленныхъ своихъ дѣйствіяхъ; изъ которой были пойманы два ксендза [1]), но они, будучи посланы въ Житомиръ, отъ проводниковъ ушли. 2) Шайка Тихона Портенка (онъ же и Александръ Ольшановскій) вообще (т. е. совмѣстно) съ бѣлопольскими цыганами. 3) Третья шайка составляется изъ еврея Гершка Гитнахта и еврея Беруна, изъ Радзивилова послѣ пожара съ женою за границу ушедшаго, да изъ евреевъ, писавшихъ письмо къ кагальнымъ, и пятаго, писавшаго письмо [2]). Слѣдствіе производится: о Портенкѣ въ Бердичевѣ тамошнимъ полицеймейстеромъ, о Гитнахтѣ въ Радзиловѣ губернскимъ стряпчимъ Спиридоновымъ, о шайкѣ Габріеля Пашковскаго въ Дубнѣ, мѣстнымъ полицеймейстеромъ и звенигородскимъ исправникомъ. Такъ какъ шайка Пашковскаго наиболѣе замѣчательна въ злодѣйствѣ своемъ, то потому и требуетъ наиосновательнѣйшаго производства слѣдствія съ совершенною истиною".

Послѣдняя фраза заключаетъ въ себѣ таинственный намекъ на то, чѣмъ Эртель не могъ еще открыто похвалиться въ то время, но на что втайнѣ возлагалъ большія надежды: ему удалось напасть на слѣдъ Пашковскаго, потерянный имъ еще со времени побѣга двухъ иностранныхъ ксендзовъ Сонети и Закони, участвовавшихъ, по его свѣдѣніямъ, вмѣстѣ съ Пашковскимъ въ поджогѣ Кіева. Теперь, какъ ему казалось, слѣдъ этотъ снова открывался и притомъ въ самомъ Кіевѣ, на глазахъ у военнаго губернатора Милорадовича, такъ упорно отрицавшаго фактъ „умышленнаго поджигательства" управляемаго имъ города. Съ упорствомъ фанатика Эртель схватился за этотъ ничтожный слѣдъ—и попалъ впросакъ.

Дѣло началось съ того, что въ первыхъ числахъ ноября Эртель обратился къ Милорадовичу съ такимъ „рапортомъ": „Изъ числа пойманныхъ зажигателей изъ шайки поляка Габріеля Пашковскаго, Павелъ Тршалковскій показалъ въ допросѣ, что онъ, будучи въ партіи при двухъ ксендзахъ, былъ нѣсколько

[1]) Рѣчь идетъ объ иностранныхъ патерахъ Бенедиктѣ Закони и Антоніи Сонети.

[2]) Объ этихъ евреяхъ въ нашихъ источникахъ не имѣется никакихъ свѣдѣній.

разъ съ ними въ Кіевѣ, даже во время самаго на Подолѣ пожара, который зажегъ самъ Пашковскій съ своею шайкою; приставали же они на Старомъ-Кіевѣ, въ квартирѣ штатской службы подпоручика Ежицкаго, знавшаго объ ихъ злодѣйскомъ промыслѣ и хранившаго мѣсяца полтора въ своемъ погребѣ товары, похищенные Пашковскимъ, какъ горѣлъ Подолъ. Руководствуясь Высочайшимъ повелѣніемъ объ открытіи всѣхъ зажигателей, всепокорнѣйше прошу ваше в-превосх-ство приказать выправиться: какого поведенія подпоручикъ Ежицкій, объявлялъ ли онъ полиціи о пріѣздѣ къ нему и выѣздѣ ксендзовъ, и съ сею справкою прислать его въ Могилевъ для улики съ доносителемъ на него Тршалковскимъ".

Милорадовичъ приказалъ полиціи навести справки о Ежицкомъ, а тѣмъ временемъ нетерпѣливый Эртель прислалъ вторичное требованіе о высылкѣ подпоручика Ежицкаго съ довольно рѣзкимъ напоминаніемъ, что „возложенное на него по Высочайшей волѣ производство слѣдствія о изысканіи причинъ пожаровъ и самихъ преступниковъ таковаго злодѣйскаго умысла совсѣмъ не терпитъ замедленія". Милорадовичъ отвѣтилъ Эртелю, что объ отставномъ подпоручикѣ Ежицкомъ чинена была во всѣхъ частяхъ г. Кіева „аккуратнѣйшая выправка, но за таковою означеннаго Ежицкаго нигдѣ не оказалось, и чтобы онъ когда-либо квартировалъ въ какомъ обывательскомъ домѣ—никто не знаетъ, равно и на службѣ ни въ какомъ здѣшнемъ присутственномъ мѣстѣ никогда онъ не состоялъ и нынѣ не состоитъ". Вмѣстѣ съ этимъ Милорадовичъ давалъ Эртелю дружескій совѣтъ не слишкомъ довѣрять показаніямъ Тршалковскаго и во всякомъ случаѣ не вѣрить тому, будто Кіево-Подолъ сгорѣлъ отъ поджога Пашковскимъ, такъ какъ петербургскій приставъ Аничковъ, по Высочайшему повелѣнію производившій особое слѣдствіе объ этомъ пожарѣ, открылъ истиннаго его виновника въ лицѣ мѣщанскаго мальчика Авдіевскаго, который и самъ въ томъ сознался, и что „по всѣмъ послѣдующимъ изслѣдованіямъ не оказывалось другихъ какихъ-либо злоумышленниковъ въ поджогѣ". Но Эртель не послушался дружескаго пре[redacted]ко дней прислалъ Милорадо-

вичу новый рапортъ, въ которомъ увѣдомлялъ, что поджигатель Тршалковскій на вторичномъ „передопросѣ“ сообщилъ болѣе „явственныя“ указанія относительно Ежицкаго, по коимъ не трудно уже будетъ изловить этого вреднаго человѣка: фамилія его не Ежицкій, а Гижицкій; онъ молодой человѣкъ, лѣтъ 26 или 27-ми, роста низкаго, лицемъ смуглъ, черноволосъ, стрижется по-модному, ходитъ въ мундирѣ съ желтымъ воротникомъ и имѣетъ подъ своей командой 15 человѣкъ солдатъ для присмотра за провіантскимъ магазиномъ; женатъ на дочери кіевскаго купца, живущаго на Печерскѣ, недалеко отъ монастыря; жена Гижицкаго очень молодая женщина, лѣтъ 18 или 20-ти, небольшого роста; живутъ они на Старомъ-городѣ, возлѣ большого каменнаго казеннаго дома, въ домѣ купца изъ малороссіянъ, по имени Гаврила, который смотритъ за чистотою городскихъ улицъ и исправностью мостовъ и имѣетъ слѣдующія примѣты: лѣтъ болѣе 40, роста большого, лице краснощекое, волосы русые, глаза сѣрые, ходитъ въ шинели и волошкѣ.

Снова учинены были въ Кіевѣ розыски, приведшіе къ тѣмъ же отрицательнымъ результатамъ: никакого купца Гаврила, у котораго будто бы квартировалъ Гижицкій, ни на Старомъ-городѣ, ни въ другихъ частяхъ не оказалось; за исправностью дорогъ и за чистотою колодцевъ еще съ 1810 г. наблюдаютъ одни и тѣ же магистратскіе урядники, но изъ нихъ ни одинъ не называется Гавриломъ; каменныхъ казенныхъ зданій на Старомъ-Кіевѣ вовсе не было; равнымъ образомъ и близъ монастыря на Печерскѣ не оказалось ни одного купца, который бы выдавалъ свою дочь не только за Гижицкаго, но и вообще за офицера; хотя же въ Кіевѣ и отысканъ былъ офицеръ Гижицкій, но не подпоручикъ, а поручикъ, служащій въ гарнизонномъ полубатальонѣ и женатый не въ Кіевѣ, а въ подольской губ.; онъ квартируетъ уже третій годъ на Печерскѣ, въ Новой-слободѣ, а не на Старомъ-городѣ, къ смотрѣнію за провіантскимъ магазиномъ никогда наряжаемъ не былъ и съ описанными выше примѣтами вовсе не сходенъ.

Казалось, что, послѣ такихъ до очевидности ясныхъ разоблаченій лживости извѣтовъ Тршалковскаго, генералъ Эртель

перестанетъ наконецъ домогаться высылки несуществующаго подпоручика Гижицкаго, но случилось иначе: нѣсколько дней спустя онъ снова рапортовалъ о „пономительныхъ“ показаніяхъ Тршалковскаго, который-де „все одно твердитъ“, что точно проживалъ вмѣстѣ съ Пашковскимъ и двумя ксендзами изъ его шайки въ квартирѣ подпоручика Гижицкаго и что у него же хранились награбленные на кіевскомъ пожарѣ пожитки. Гижицкій-де жилъ тогда на Старомъ-городѣ, недалеко отъ острога, въ небольшомъ домикѣ, раздѣленномъ проходными сѣнями на двѣ половины: въ двухъ комнатахъ помѣщалась кухня и прислуга, а остальныя двѣ занималъ Гижицкій съ женою; въ сѣняхъ, за перегородкой, имѣется погребъ, въ которомъ хранились награбленныя Пашковскимъ вещи; при домѣ этомъ нѣтъ никакихъ построекъ и даже дворъ ничѣмъ не огороженъ, а только передъ окнами есть небольшой палисадникъ. Домъ этотъ принадлежитъ кіевскому купцу Гаврилову, а Гавриломъ зовутъ-де тестя Гижицкаго, тоже купца, который живетъ не на Печерскѣ, а за печерской крѣпостью, внизу, надъ Днѣпромъ, недалеко отъ новаго моста.

Конечно, всѣ эти „пономительныя“ указанія Тршалковскаго оказались столь же вздорными, какъ и предыдущія: ни купца Гаврила, ни домовладѣльца Гаврилова не нашлось въ Кіевѣ. Не смотря на это, Милорадовичъ приказалъ полиціи осмотрѣть всѣ дома на Старомъ-городѣ, не найдется ли между ними сколько-нибудь похожій на тотъ, въ которомъ якобы квартировалъ подпоручикъ Гижицкій. Отчасти похожимъ оказался домъ коллежскаго регистратора Осипа Сѣвницкаго, служащаго переводчикомъ при кіевскомъ главномъ судѣ. Чтобы положить предѣлъ безконечнымъ извѣтамъ Тршалковскаго, Милорадовичъ велѣлъ отправить Сѣвницкаго для очной ставки съ нимъ, но Тршалковскій не призналъ въ немъ Гижицкаго и не могъ ему, какъ кіевскому старожилу, точнѣе опредѣлить положеніе того дома, въ которомъ онъ якобы проживалъ вмѣстѣ съ Пашковскимъ во время кіевскаго пожара.

Тогда Эртель рѣшился прибѣгнуть къ послѣднему средству „для узнанія истины“: онъ велѣлъ двумъ чиновникамъ изъ его

коммиссіи отправиться въ Кіевъ и взять съ собою самого Тршалковскаго, чтобы тотъ лично указалъ домъ оговариваемаго имъ подпоручика Гижицкаго. Въ самый день новаго (1812) года эти чиновники, вмѣстѣ съ Тршалковскимъ и въ сопровожденіи кіевскаго полицеймейстера Сталинскаго, съ утра и до вечера ѣздили по Кіеву, „обревизовали" Старый-городъ, Печерскъ и всѣ окрестности Печерска, но ни Гижицкаго, ни того дома, въ которомъ онъ якобы укрывалъ Пашковскаго, не нашли. Лишь подъ вечеръ Тршалковскій указалъ на одинъ домъ, будто въ немъ квартировалъ Гижицкій; но домъ этотъ оказался совсѣмъ несходнымъ съ его же собственными прежними описаніями; въ немъ, наприм., вовсе не было погреба, въ которомъ будто-бы хранилась награбленная Пашковскимъ добыча, а въ хозяинѣ этого дома, какомъ-то унтеръ-цейвахтерѣ, самъ извѣтчикъ не нашелъ возможнымъ признать подпоручика Гижицкаго. Ѣздили также и въ квартиру гарнизоннаго поручика Гижицкаго, но и его Тршалковскій не призналъ за то лицо, у кого онъ якобы проживалъ вмѣстѣ съ Пашковскимъ. Зато самого Тршалковскаго признали въ Кіевѣ многіе изъ тѣхъ, кому онъ не хотѣлъ бы попадаться на глаза, и это въ конецъ подрѣзало крылья его пылкой фантазіи. Наступила развязка нелѣпой эпопеи, разросшейся до такихъ чудовищныхъ размѣровъ. Плутъ понялъ это и присмирѣлъ.

На другой день губернаторъ Милорадовичъ пожелалъ лично видѣть ловкаго обманщика, такъ нагло издѣвавшагося надъ правосудіемъ, и когда увидѣлъ, то пришелъ въ неописанное изумленіе: предъ нимъ предсталъ тщедушный юноша, почти мальчикъ, съ растеряннымъ выраженіемъ золотушнаго лица и бѣгающими, какъ у пойманнаго звѣрька, глазками.

— Ба! знакомая птица! — привѣтствовалъ его губернаторъ.—Да вѣдь тебя, каналью, хорошо здѣсь знаютъ: ты—дезертиръ, бѣглый барабанщикъ здѣшняго гарнизона! Признавайся, ракалія, кто тебя научилъ выдумывать вздорныя небылицы?

Зазвенѣли кандалы, арестантъ повалился въ ноги губернатору и тутъ же повинился, что всѣ прежнія его показанія

вымышлены: ни въ какихъ поджогахъ онъ не участвовалъ, никакого генерала Пашковскаго не знаетъ, о шайкѣ поджигателей и слухомъ не слыхалъ, а выдумалъ всѣ эти сказки „для того, что чрезъ подобное открытіе надѣялся получить свободу и награжденіе“!

Послѣ такого неожиданнаго признанія, Милорадовичъ приказалъ учинить формальный допросъ арестанту, и онъ, въ присутствіи доставившихъ его въ Кіевъ Эртелевскихъ чиновниковъ и кіевскаго полиціймейстера, далъ слѣдующее, на этотъ разъ дѣйствительно „чистосердечное“ показаніе:

Зовутъ его Павелъ Ивановъ Гродскій, отъ роду ему 19 лѣтъ, вѣроисповѣданія римско-католическаго, у исповѣди и св. причастія второй годъ какъ не былъ, а прежде бывалъ ежегодно. Родился онъ волынской губ., въ острогскомъ повѣтѣ, въ имѣніи отставного полковника Ратомскаго, въ с. Колесникахъ, отъ крестьянина Ивана и матери Анастасіи Гродскихъ, которые давно померли. Оставшись малолѣтнимъ сиротой, онъ былъ взятъ и увезенъ изъ родного села квартировавшимъ тамъ поручикомъ смоленскаго полка Михайломъ Энгельгардтомъ, у котораго находился „въ мальчикахъ“ до тринадцатилѣтняго возраста, но затѣмъ бѣжалъ отъ него изъ-подъ Ковля и, переименовавшись Тршалковскимъ, шатался съ полгода по разнымъ мѣстамъ, пока въ заславскомъ повѣтѣ, въ м. Полонномъ, не былъ задержанъ ключевымъ войтомъ и представленъ въ г. Заславль, въ нижній земскій судъ, а оттуда въ Житомиръ. По опредѣленію волынскаго губ. правленія, его за бродяжество отдали въ солдаты, и въ 1806 г. онъ опредѣленъ былъ въ кіевскій гарнизонный батальонъ барабанщикомъ. Прослуживъ около пяти лѣтъ въ этомъ званіи, Гродскій весною 1811 года учинилъ побѣгъ вмѣстѣ съ тремя товарищами-солдатами. Не доходя до Василькова, бѣглецы переночевали въ лѣсу, въ послѣдній разъ подкрѣпились казеннымъ „пайкомъ“ и порѣшили разойтись въ разныя стороны; товарищи Гродскаго ушли неизвѣстно куда, а самъ онъ надумалъ отправиться на родину. Но недалеко онъ ушелъ: въ одной деревнѣ близь м. Паволочи сотскій задержалъ его, какъ безпаспортнаго, и представилъ въ сквирскій

нижній земскій судъ. На допросѣ Гродскій вѣрно показалъ о своемъ происхожденіи, только утаилъ, что онъ бѣглый солдатъ, поэтому его отправили въ Житомиръ, а оттуда въ острогскій нижній земскій судъ для водворенія на мѣстѣ родины. Вернувшись въ с. Колесники, Гродскій сознался предъ своимъ помѣщикомъ, что онъ—дезертиръ, однако тотъ не представилъ его, какъ бы слѣдовало, въ судъ, а опредѣлилъ въ рабочіе къ своему садовнику, но потомъ, убѣдившись въ его неспособности ни къ какой работѣ, позволилъ ему поселиться въ семействѣ одного изъ своихъ крестьянъ, у котораго Гродскій прожилъ почти все лѣто въ качествѣ „прыймака“, пока не укралъ свиту у своего благодѣтеля, за что послѣдній прогналъ его со двора, а помѣщикъ приказалъ гнать его на барщину. Но тяжелый крѣпостной трудъ пришелся совсѣмъ не по вкусу бѣглому барабанщику, и въ началѣ сентября онъ бѣжалъ отъ помѣщика, пробрался въ балтскій повѣтъ и подъ именемъ шляхтича Тршалковскаго нанялся на одномъ пивоваренномъ заводѣ. Не долго пришлось ему быть и пивоваромъ: въ первое же воскресенье онъ напился пьянымъ, затѣялъ въ корчмѣ драку, былъ арестованъ сотскимъ и, какъ безпаспортный, отведенъ въ балтскій нижній земскій судъ. Дорогою, находясь въ опьяненіи, Гродскій болталъ всякій вздоръ и между прочимъ хвалился, будто онъ многое знаетъ о тѣхъ, что „зажигаютъ города“, даже самъ принадлежитъ къ ихъ шайкѣ, участвовалъ якобы въ поджогѣ Кіева и награбилъ тамъ много денегъ и всякаго добра. Сотскій передалъ объ этихъ рѣчахъ балтскому исправнику, и не успѣлъ арестантъ проспаться отъ хмеля, какъ за нимъ уже была упрочена репутація „опаснѣйшаго злодѣя“; его заковали въ кандалы и подъ строгимъ карауломъ препроводили въ Каменецъ-Подольскъ. На допросѣ у губернатора импровизированный поджигатель хотѣлъ было отказаться отъ этой опасной роли, но было уже поздно—ему не повѣрили. Тогда онъ вообразилъ, что, продолжая разыгрывать случайно навязанную ему роль раскаявшагося поджигателя, якобы по молодости и неопытности увлеченнаго въ шайку злодѣевъ, и выдавая мнимыхъ соучастниковъ несуществующаго злодѣйскаго умысла, онъ мо-

жетъ разсчитывать, что такимъ путемъ, быть можетъ, удастся ему избѣжать наказанія за побѣгъ изъ полка, тѣмъ болѣе, что, находясь на пивоваренномъ заводѣ, онъ неоднократно слышалъ толки рабочихъ о ксендзахъ, якобы „дѣлающихъ зажигательства“, и будто за открытіе поджигателей отъ начальства объявлены большія награды; поэтому на послѣдующихъ допросахъ у подольскаго губернатора, а затѣмъ и у генерала Эртеля, онъ уже безъ запинки передавалъ сочиненную имъ исторію о польскомъ генералѣ Пашковскомъ и его преступной шайкѣ. Съ тѣхъ поръ волей и неволей онъ расплодилъ цѣлую серію разныхъ небылицъ о поджигателяхъ и ихъ укрывателяхъ и ложно оговорилъ великое множество неповинныхъ людей, въ чемъ теперь искренно раскаивается и чистосердечно сознается, что ни самъ не участвовалъ ни въ какихъ поджогахъ, „ниже знаетъ кого-либо, повиннаго въ такомъ злодѣяніи“.

Теперь настала очередь торжествовать не алармистамъ, а скептикамъ, которые давно уже съ недовѣріемъ относились къ легендѣ о „зажигательской шайкѣ“, и прежде всего кіевскому военному губернатору Милорадовичу. Надо отдать справедливость этому умному администратору, что въ ту тревожную пору, когда весьма многіе изъ представителей власти, поддаваясь общей паникѣ, легко принимали на вѣру всякій сенсаціонный слухъ, онъ едвали не одинъ оставался спокойнымъ и осмотрительнымъ; узнавъ по личному опыту (во время производства слѣдствія о кіевскомъ пожарѣ), какъ мало довѣрія заслуживаютъ всякаго рода толки и слухи о поджигателяхъ, онъ съ большимъ недовѣріемъ относился къ легендѣ о „злодѣйскомъ умыслѣ“ Пашковскаго, сомнѣвался въ существованіи организованной шайки поджигателей и неоднократно, сколько могъ, предостерегалъ какъ министра полиціи, такъ еще больше генерала Эртеля отъ излишняго довѣрія къ сенсаціоннымъ разоблаченіямъ Тршалковскаго. Теперь его взгляды и предостереженія блистательно оправдались: страшный призракъ, полгода пугавшій и правительство, и населеніе обширнаго края, оказывался не чѣмъ инымъ, какъ грубой мистификаціей ничтожнаго плута, почти мальчишки, къ росказнямъ котораго такъ

долго относились съ незаслуженнымъ вниманіемъ! Объ этомъ поразительномъ открытіи подобало прежде всего оповѣстить генерала Эртеля, что и было сдѣлано, съ приложеніемъ точной копіи чистосердечной исповѣди Гродскаго, ci-devant Тршалковскаго. Въ то же время Милорадовичъ отправилъ подробное донесеніе о случившемся и министру полиціи Балашову съ такимъ заключеніемъ: „изъ сего ваше превосходительство усмотрѣть изволите, что разглашенія и слухи на счетъ бывшихъ въ Кіевѣ зажигателей совершенно не основательны, и что пожары происходили здѣсь, какъ я и прежде предполагалъ, единственно отъ безпечности и неосторожности хозяевъ или отъ шалости и неудовольствія домашнихъ служителей, которые, пользуясь общимъ смятеніемъ, изъ мщенія или буянства отваживались втайнѣ дѣлать иногда поджоги, но сіи, однакожъ, или заблаговременно были открыты, или въ то же время были погашены“.

Разумѣется, послѣ всего случившагося, Эртелевская миссія потеряла свой raison d'être, и въ половинѣ января 1812 г. получено было въ Кіевѣ увѣдомленіе изъ министерства полиціи объ отозваніи генералъ-лейтенанта Эртеля въ Петербургъ и о порученіи окончить слѣдствіе о пожарахъ дѣйствительному статскому совѣтнику Розенкампфу. Послѣднему предстояло лишь одно: освободить невинно оклеветанныхъ Тршалковскимъ, распредѣлить уголовныхъ арестантовъ на извѣстныя категоріи по роду преступленій и вмѣстѣ съ дѣлами о нихъ отправить въ подлежащія судебныя мѣста. Но Павелъ Гродскій не попалъ ни въ одну изъ этихъ категорій: его велѣно отправить въ Петербургъ, и какова была дальнѣйшая судьба этого дерзкаго мистификатора—остается неизвѣстнымъ.

О. Левицкій.

ОЧЕРКИ ПЕРЕЯСЛАВЩИНЫ.

Съ 1882 года полтавская губернская земская управа, согласно постановленію полтавскаго губернскаго земскаго собранія отъ 8 октября 1881 года, учредила при себѣ статистическое бюро и предприняла изданіе „Сборника по хозяйственной статистикѣ полтавской губерніи“, котораго въ промежутокъ времени съ 1882 по 1890 г. вышло 8 томовъ, заключающихъ въ себѣ описанія уѣздовъ: зѣньковскаго, полтавскаго, миргородскаго, лубенскаго, гадяцкаго, золотоношскаго, кременчугскаго и хорольскаго. Только въ декабрѣ прошлаго 1890 г. появился новый X-й томъ Сборника, обнимающій уѣздъ переяславскій. Томъ IX-й съ описаніемъ прилукскаго уѣзда находится пока въ печати.

Матеріалами для Сборника послужили подворныя описи, составленныя членами статистическаго бюро при объѣздѣ ими описанныхъ уѣздовъ, а редакція первыхъ 8 томовъ принадлежала покойному уже теперь г. Терешкевичу, а послѣдняго изъ вышедшихъ, X-го тома, принадлежитъ г. Кулябкѣ-Корецкому.

По принятой программѣ каждый томъ сборника состоитъ изъ 8 отдѣловъ: 1) общія свѣдѣнія объ уѣздѣ, 2) очеркъ хозяйства сельскихъ сословій, 3) обзоръ матеріаловъ по оцѣнкѣ земель, 4) обзоръ помѣщичьяго хозяйства, 5) таблицы, показывающія хозяйственное положеніе селеній каждой волости, 6) таблицы, показывающія хозяйственное положеніе имѣній, 7) таблицы къ оцѣночному отдѣлу, 8) разныя статистическія свѣдѣнія. Въ этотъ послѣдній отдѣлъ входятъ свѣдѣнія о пространствѣ дачъ уѣзда, о частномъ землевладѣніи, о мелкихъ

промышленныхъ и торговыхъ заведеніяхъ, о профессіональныхъ занятіяхъ сельскаго населенія, о платежахъ сельскихъ сословій, а также списокъ населенныхъ мѣстъ даннаго уѣзда.

Уже изъ этого краткаго перечня отдѣловъ „Сборника" видно, что полтавскія статистическія изданія тѣмъ отличаются отъ другихъ сосѣднихъ, напримѣръ: харьковскихъ и черниговскихъ, что въ нихъ совершенно отсутствуетъ историческій элементъ; между тѣмъ какъ, напримѣръ, въ „Описаніи сумскаго уѣзда" В. С. Козлова сдѣланъ краткій очеркъ исторіи заселенія и землевладѣнія (вып. III, стр. 3—7), приложены царскія грамоты и документы о земляхъ сумскаго уѣзда (Прилож. къ III, вып. № 11) и составлена таблица свѣдѣній о времени основанія поселеній сумскаго уѣзда и о числѣ бывшихъ въ нихъ прихожанъ въ 1730—1850 годахъ, а въ „Матеріалахъ для оцѣнки земельныхъ угодій кролевецкаго уѣзда" П. П. Червинскаго проведена параллель между положеніемъ населенія въ 1767 и 1883 гг. по даннымъ Румянцевской описи и теперешней подворной и т. д. Въ полтавскихъ же статистическихъ изданіяхъ мы имѣемъ только картину современнаго хозяйственнаго положенія населенія безъ какихъ бы то ни было историческихъ справокъ или параллелей. Пополненіе этого пробѣла по отношенію къ переяславскому уѣзду составляетъ задачу предлагаемыхъ вниманію читателей „Кіевской Старины" этюдовъ. Для перваго раза мы возьмемъ изъ книги о переяславскомъ уѣздѣ отдѣлы: „географическое описаніе уѣзда" (стр. 1—26) и „населеніе" (стр. 64—73) и „списокъ населенныхъ мѣстъ" (стр. 475—482) и попытаемся присоединить къ нимъ нѣкоторыя историческія замѣчанія.

I. Географія и населеніе переяславскаго уѣзда. Переяславскій уѣздъ принадлежитъ къ числу приднѣпровскихъ и занимаетъ сѣверо-западный уголъ полтавской губерніи, клиномъ вдающійся между черниговской (съ сѣверо-запада) и кіевской (съ юго-запада) губерніями. Очертанія границъ уѣзда напоминаютъ больше всего треугольникъ со срѣзаннымъ юго-восточнымъ угломъ и съ глубокою вырѣзкою на юго-западной сторонѣ, образованною изгибомъ Днѣпра около срѣзаннаго угла,

или, выражаясь образно, имѣютъ приблизительно внѣшній видъ обыкновеннаго клина, въ которомъ нижнее остріе обломано, а лѣвая сторона выщерблена. Границы уѣзда составляютъ: на сѣверѣ и сѣверо-западѣ—козелецкій и остерскій уѣзды черниговской губ.; на западѣ и юго-западѣ — Днѣпръ, отдѣляющій переяславскій уѣздъ отъ кіевскаго и каневскаго уѣздовъ кіевской губ.; на югѣ и юго-востокѣ — золотоношскій уѣздъ полтавской губ.; и, наконецъ, на востокѣ—р. Супой, протекающая почти по меридіану, лишь съ небольшимъ уклономъ къ востоку, и отдѣляющая уѣздъ отъ сосѣднихъ съ нимъ уѣздовъ полтавской губерніи: золотоношскаго, пирятинскаго и прилукскаго.

Площадь переяславскаго уѣзда равняется: 3595 квадр. верстъ или 374,343 десятины.

Наибольшая длина уѣзда между сѣверо-западнымъ его угломъ и пересѣченіемъ золотоношской границы Супоемъ на юго-востокѣ равняется приблизительно 85 верстамъ; наименьшая ширина уѣзда въ южной его части по золотоношской границѣ достигаетъ не болѣе 35 верстъ, а наибольшая ширина его отъ сѣверо-западнаго угла до сѣверо-восточнаго, вдоль черниговской границы, вдвое болѣе значительна и равняется 70 верстамъ; почти такое же (около 70 верстъ) протяженіе имѣетъ и юго-западная сторона уѣзда, омываемая р. Днѣпромъ, и немного меньше (около 65 верстъ) — восточная, пролегающая вдоль теченія р. Супоя.

Переяславскій уѣздъ расположенъ въ болѣе низменной части губерніи, поверхность которой вообще представляетъ покатость съ сѣверо-востока на юго-западъ.

Наивысшая точка поверхности въ переяславскомъ уѣздѣ находится въ юго-восточномъ углу его, около с. Пологъ-Яненокъ (72 саж. надъ уровнемъ Чернаго моря).

Значительно большая часть переяславскаго уѣзда расположена въ обширной древней днѣпровской долинѣ, имѣющей здѣсь два лѣвыхъ древнихъ берега, которые двумя уступами дѣлятъ уѣздъ на 3 полосы, представляющія нижнюю, среднюю и верхнюю террасы. Всѣ три террасы, параллельно идущія

вдоль лѣваго берега р. Днѣпра, имѣютъ въ юго-восточной своей части, т. е. у границъ золотоношскаго уѣзда, почти одинаковую ширину (въ 11 верстъ); направляясь отсюда къ сѣверо-западу, первая изъ нихъ постепенно съуживается и у границы черниговской губерніи оказывается вдвое уже своей первоначальной ширины ($5^1/_2$ верстъ); вторая же и третья террасы расширяются: одна въ $3^1/_2$ (до $38^1/_2$ верстъ), другая въ 2 раза (до 21 версты).

Первая отъ Днѣпра терраса представляетъ низменную заливную долину; она покрыта сыпучими песками, болотами и лѣсами, изрѣзана рукавами р. Днѣпра, серповидными озерами (ериками) и обмелѣвшими руслами (старицами). У подножья древняго берега, окаймляющаго эту долину, растянулась на протяженіи до 40 верстъ полувысохшая рѣка, или скорѣе болото,—Карань, образующая вмѣстѣ съ русломъ р. Днѣпра песчаный островъ, на которомъ расположены приднѣпровскія селенія; островъ этотъ раздѣляется на части многими протоками, соединяющими болото съ р. Днѣпромъ.

Средняя терраса ограничена съ сѣверо-востока вторымъ древнимъ берегомъ Днѣпра, возвышающимся надъ нею на 2—5, рѣдко 10 саж. Въ ней преобладаютъ возвышенныя мѣста надъ низменными, причемъ общій рельефъ мѣстности представляетъ постепенное пониженіе отъ юго-востока на сѣверо-западъ, а у подножія втораго древняго берега Днѣпра пролегаетъ ложбина, по которой протекаютъ съ сѣверо-запада р. Трубежъ, а съ юго-востока притокъ р. Трубежа рѣчка Броварка. Слившись съ Броваркой, Трубежъ поворачиваетъ на югъ и съ небольшимъ уклономъ на западъ приближается къ Днѣпру, пересѣкая такимъ образомъ вторую террасу поперекъ и раздѣляя ее на двѣ части, изъ коихъ сѣверо-западная значительно обширнѣе юго-восточной. Сѣверо-западная часть слабо волниста и имѣетъ посрединѣ небольшое углубленіе, по которому протекаетъ р. Ильтыца (Альта), притокъ р. Трубежа.

Третья, верхняя терраса имѣетъ покатость съ запада на востокъ, отъ древняго берега р. Днѣпра къ Супою. Сѣверная часть ея состоитъ изъ двухъ водораздѣловъ: между Трубежемъ

и Недрой и между Недрой и Супоемъ. Низменныя мѣста въ ней преобладаютъ надъ возвышенными.

По орошенію переяславскій уѣздъ принадлежитъ къ бассейну р. Днѣпра съ его притоками.

Изъ орошающихъ Переяславщину рѣкъ въ Днѣпръ впадаютъ: Иква съ Мленью, Трубежъ и Супой.

Въ Трубежъ съ правой стороны впадаютъ: Красиловка (Старица), Воробьевка, Селичевка, Иква, Ильтыца (Альта) и Карань; съ лѣвой стороны: Недра, Козелъ и Броварка (она же кромѣ того имѣетъ еще 6 названій: Каратулька, Кирпичевка, Яненка, Лукашевка, Супротивная, Чирская).

Въ Недру впадаютъ съ правой стороны Березанка (Рудницкая) съ Сухоберезицей.

Въ Броварку впадаетъ съ правой стороны Гатка, а въ Гатку съ правой же стороны Быбша.

Въ Супой съ переяславской, т. е. правой, стороны впадаютъ Малый Супой (Супоецъ) и Сосновка.

Всѣ рѣки, орошающія переяславскій уѣздъ, текутъ въ низменныхъ, болотистыхъ берегахъ, постепенно мелѣютъ и обращаются въ болота. Даже весеннія воды не въ состояніи производить углубляющаго дѣйствія на ихъ русла вслѣдствіе слабаго уклона водныхъ стоковъ и только широко разливаются по окрестностямъ этихъ рѣкъ.

Названія рѣкъ носятъ также нѣкоторые рукава и озера р. Днѣпра.

По почвѣ переяславскій уѣздъ распредѣляется на четыре раіона: песчаное побережье Днѣпра, супесчано-солонцеватый раіонъ между побережьемъ Днѣпра и побережьемъ Трубежа, раіонъ по Трубежу, гдѣ земли песчаныя перемѣшаны съ черноземными и солонцеватыми, и раіонъ черноземный, простирающійся до Супоя.

Лѣса въ уѣздѣ расположены преимущественно по берегамъ рѣкъ и составляютъ въ 1-мъ раіонѣ—35% площади, во 2-мъ—5%, въ 3-мъ—16% и въ 4-мъ—5%. Изъ этого видно, что побережье Днѣпра и берега Трубежа особенно богаты лѣсомъ и

въ настоящее время, когда много превосходныхъ лѣсовъ вырублено и частью выкорчевано, а частью занято чагарникомъ.

Наиболѣе густо населеннымъ является супесчано-солонцеватый раіонъ, затѣмъ черноземный; слабѣе остальные два раіона—вѣроятно потому, что песчаныя или болотистыя побережья переяславскихъ рѣкъ представляютъ большія неудобства для поселенія.

Все населеніе переяславскаго уѣзда составляетъ 28,845 хозяйствъ, въ которыхъ числится 78,037 лицъ мужскаго пола и 77,016 женскаго, а всего 155,053 человѣка, такъ что на одно хозяйство среднимъ числомъ приходится $5^1/_2$ душъ. Какъ и въ прочихъ уѣздахъ полтавской губерніи, здѣсь замѣтенъ перевѣсъ мужскаго населенія надъ женскимъ, а именно: на 100 мужчинъ приходится $98^7/_{10}$ женщинъ.

Все населеніе переяславскаго уѣзда группируется въ 138 населенныхъ пунктахъ, не считая мелкихъ хуторовъ, и принадлежитъ исключительно къ малорусскому племени; только семьи евреевъ и цыганъ пестрятъ кое-гдѣ его племенное однообразіе.

Территорія переяславскаго уѣзда сравнительно недавно пріобрѣла тотъ внѣшній обликъ, который она имѣетъ въ настоящее время; сравнительно недавно ея равнины и долины приняли свои теперешнія очертанія. Всего нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ она была еще полярною пустынею, загроможденною льдами и снѣгами и лишенною всякой растительной и животной жизни и присутствія человѣка. Только путемъ крайне медленнаго, обусловленнаго неразгаданными космическими причинами, процесса—климатъ ея измѣнился постепенно изъ холоднаго въ умѣренный, и сама она превратилась вмѣстѣ съ остальными частями южно-русской равнины изъ страны льдовъ и снѣговъ въ роскошную степь, перемежающуюся лѣсами и болотами, по которымъ струятся ея тихія рѣчки [1]).

---

[1]) См. рѣчь проф. Краснова, напечатанную въ журналахъ Полтав. сел. хоз. общества 1891, вып. II, стр. 143—160, —„Настоящее и прошлое южно-русскихъ степей“. Краткія свѣдѣнія о ледниковой эпохѣ можно найти въ книгѣ В. Д. Смирнова „Прошлое и настоящее земли“. М. 1890, стр. 99—168.

Съ этого-же времени появился на территоріи переяславскаго уѣзда и первобытный человѣкъ.

При нынѣшнемъ состояніи научныхъ данныхъ мы можемъ съ несомнѣнностью утверждать, что первоначальными насельниками переяславскаго уѣзда были длинноголовые финны. Небольшими родовыми группами бродили они по его тогдашнимъ пустынямъ, охотились на дикихъ звѣрей (въ томъ числѣ на мамонтовъ, носороговъ и пр.) и такимъ путемъ добывали себѣ средства къ существованію. Отъ нихъ остались тѣ каменныя орудія, черепки и остатки пищи, которые наблюдалъ Н. Ѳ. Бѣляшевскій въ предѣлахъ переяславскаго уѣзда близъ приднѣпровскихъ селъ Жеребятина и Койлова [1]). Вѣроятнымъ памятникомъ финнскаго быта слѣдуетъ признать и тотъ каменный, замѣчательно отполированный, топорикъ, который мнѣ случайно удалось найти на поляхъ д. Кучакова и который переданъ мною на храненіе въ археологическій музей кіевскаго университета,

Прикочевавшія изъ Средней Азіи скиѳо-сарматскія племена иранской отрасли арійскаго племени оттѣснили финновъ на сѣверъ въ нынѣшнюю среднюю Россію и заняли мѣста ихъ стоянокъ, распространившись далеко на западъ до Карпатъ и Дуная. Они окрестили своими именами самыя крупныя рѣки южной Россіи, и эти имена, передаваясь изъ поколѣнія въ поколѣніе, дожили до настоящаго времени. Загнаннымъ въ неприступныя ущелья Кавказскихъ горъ потомкамъ скиѳо-сарматскихъ племенъ, осетинамъ, до сихъ поръ понятны имена Дона, Днѣпра и Днѣстра,—послѣднихъ въ ихъ средневѣковыхъ формахъ: Данастеръ, Данаперъ. Донъ для нихъ просто „вода“, Днѣстръ—„быстрая вода“, Днѣпръ—„падающая вода“ (скиѳосарматовъ поразили, конечно, днѣпровскіе пороги, съ которыхъ съ страшнымъ шумомъ и ревомъ падаетъ въ пропасть громадная масса воды [2]).

---

[1]) См. статью Н. Ѳ. Бѣляшевскаго „Первобытный человѣкъ на берегахъ р. Днѣпра“ въ Кіевской Старинѣ 1890, т. XXIX, стр. 12.

[2]) Я не распространяюсь здѣсь о происхожденіи и культурѣ скиѳо-сарматскихъ племенъ. Все, что добыто наукой по этимъ вопросамъ, сведено во II-мъ вы-

Преемниками скиѳо-сарматовъ въ переяславскомъ уѣздѣ были славяне, оттѣснившіе своихъ предшественниковъ въ прикавказскія страны. Они дали названія притокамъ Днѣпра, въ томъ числѣ и протекающимъ въ предѣлахъ переяславскаго уѣзда. Иныя изъ названій переяславскихъ рѣчекъ произошли въ позднѣйшее время (послѣ XVI в.) отъ личныхъ именъ христіанскаго календаря (Яненка отъ Янъ—Іоаннъ; Лукашевка отъ Лукашъ—Лука) и отъ фамильныхъ прозвищъ (Козелъ отъ прозвища Козелъ, Красиловка отъ Красило, Воробьевка отъ Воробей), и являются, конечно, воспоминаніемъ объ обывателяхъ, которые проживали когда-то на берегахъ этихъ рѣченокъ. Другія названія также позднѣйшаго происхожденія (XVI в.) объясняются природными условіями той мѣстности, по которой протекаютъ ихъ носительницы, или сооруженіями, которыя были на нихъ устроены; такъ: Березанка течетъ въ березовыхъ лѣсахъ, у Сухоберезицы—сухіе берега, надъ Сосновкой попадались, вѣроятно, нѣкогда сосны, Рудницкая краснѣла желѣзной рудой, Старица перемѣнила свое русло; Броварка, имѣющая еще кромѣ того шесть названій, изъ которыхъ названія Яненка и Лукашевка объяснены выше, называется Броваркой по бывшему на ней пивному заводу—броварнѣ (*Brauerei*), Кирпичевкой по кирпичному заводу, устроенному когда-то на ея берегу, Супротивной по положенію своему противъ того села, гдѣ ее такъ именуютъ, Чирской по обилію живущихъ на ней маленькихъ дикихъ утокъ—чирятъ. Гатка называется такъ по плотинѣ, которая черезъ нее выгачена.

Но есть третій рядъ названій, которыя идутъ изъ отдаленной древности и происходятъ отъ малопонятныхъ намъ на первый разъ, но несомнѣнно славянскихъ корней. Такъ: *Трубежъ*, Трубайло отъ труба, трубити, трублю,—быть можетъ, названъ такъ потому, что на его берегахъ происходили большія охоты, во время которыхъ трубили въ охотничьи рога. Въ лѣтописи Трубежъ упоминается впервые подъ 988 г., когда сообщается

пускѣ труда гр. Толстаго и Н. Кондакова, „Русскія древности въ памятникахъ искусства". Спб. 1889.

любопытный фактъ объ устройствѣ Владиміромъ Святымъ укрѣпленій по берегамъ Трубежа, въ которыхъ онъ поселилъ лучшихъ мужей „отъ словенъ, и отъ кривичъ, и отъ чюдий, и отъ вятичь“ [1]). Къ этому времени относится, вѣроятно, насыпка валовъ, проходящихъ двумя параллельными полукругами отъ Днѣпра къ Трубежу на юго-востокъ отъ г. Переяслава. *Супой* отъ корней *су* съ понятіемъ о сосѣдствѣ (сутки, суточки) и *по* въ глаголахъ пить, поить, могло значить: пограничный (отъ сосѣдей) водопой. Въ лѣтописи извѣстенъ съ 1136 г. по случаю жестокой битвы, которая происходила въ верховьяхъ его („на верхъ Супоя“) [2]) между Ольговичами и Мономаховичами. *Альта*, Ильтыця отъ славянскаго корня съ понятіемъ течь. Отсюда и чешская Вельтава. Въ лѣтописи Альта попадается, начиная съ 1015 г., когда на берегу ея, близъ г. Переяслава, былъ убитъ князь Борисъ. *Недра* несомнѣнно того-же корня, что и малорусскія слова нétро, нétря — топкое болото, густо поросшее лѣсомъ, куда трудно проникнуть.

Два названія переяславскихъ рѣчекъ тюркскаго корня и напоминаютъ о тѣхъ переяславскихъ торкахъ или черныхъ клобукахъ, которые составляли въ княжескую эпоху пограничную стражу переяславскаго княжества: это—Каратулька (она же называется Броваркой и еще пятью именами, объясненными выше), отъ кара—черный и туль—шапка, клобукъ, и Карань отъ того же слова кара—черный; быть можетъ, черная рѣчка, какъ мѣсто жительства черныхъ клобуковъ. Въ 1040 г. переяславскій князь Андрей Владиміровичъ отбилъ нападеніе на Переяславъ Святослава Ольговича и гналъ его дружину до Карани. Только названія Иква, Млень, Селичевка и Быбша не поддаются сколько-нибудь удовлетворительному объясненію.

Славянскія племена, поселившіяся въ южной Россіи послѣ скиѳо-сарматскихъ, долго не могли достигнуть политической независимости и образовать самостоятельное государство. Ихъ постоянно покоряли проходившіе на западъ завоеватели и обя-

---

[1]) Ипатская лѣтопись, изд. 1871 г., стр. 83.

[2]) Ипат. лѣт., 1871 г., стр. 214.

зывали платить дань. Въ IV в. переяславскій уѣздъ входилъ въ составъ готской державы и вблизи него, на мѣстѣ нынѣшняго Кіева, стоялъ знаменитый *Stadi Danpar*—городъ Днѣпра, столица Эрманариха [1]) Въ V в. переяславскимъ уѣздомъ владѣли гунны, въ VI-мъ и VII-мъ авары, въ VIII-мъ хазары, получавшіе дань „по бѣлѣ и вѣверицѣ“ отъ дыма т. е. отъ жилья [2]).

Власть хазаръ окончилась въ половинѣ IX-го вѣка возникновеніемъ и развитіемъ самостоятельныхъ славянскихъ княжествъ, въ ряду коихъ заняло впослѣдствіи мѣсто и княжество переяславское. Послѣ этого былъ только небольшой промежутокъ времени (около 892 г.), когда переяславскій уѣздъ могъ быть подчиненъ венграмъ (награмъ, мадьярамъ), проходившимъ подъ напоромъ печенѣговъ изъ придонскихъ степей въ Паннонію.

За все время своего трехвѣковаго существованія переяславское княжество служило оплотомъ отъ нападеній на Русь появлявшихся изъ Азіи кочевниковъ—печенѣговъ, торковъ, половцевъ и, наконецъ, татаръ. Торками оно воспользовалось, какъ хорошимъ военнымъ элементомъ, и поселило ихъ на берегахъ Трубежа и Каратульки въ качествѣ пограничной стражи [3]). Селились въ предѣлахъ переяславскаго княжества и татары. Предполагая, что всѣ племена, жившія когда-бы то ни было на территоріи переяславскаго княжества одновременно съ русскими славянами, вступали съ ними въ брачныя отношенія, мы должны признать, что въ жилахъ малорусскаго народа есть слѣды крови и готской, и гуннской, и аварской, и хазарской, и мадьярской, и печенѣжской, и торкской, и половецкой, и та-

---

[1]) См. Статью проф. Веселовскаго „Славяно-германскіе отрывки“ въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1889, іюль, стр. 1—6. О смѣнѣ народностей въ южной Руси см. ст. Житецкаго въ Кіев. Стар. т. VI, т. IX и т. X.

[2]) Ипат. лѣт., 1871, стр. 11.

[3]) Для знакомства съ отношеніями населенія переяславскаго княжества къ кочевникамъ см. книгу Голубовскаго „Исторія ю.-рус. степей“, Кіевъ, 1884, особенно главу: „Русь и кочевники“ стр. 65—181. Наиболѣе точныя указанія о переяславскихъ торкахъ находятся въ слѣдующихъ мѣстахъ Ипатской лѣтописи, изд. 1871: стр. 114: „Иде Всеволодъ на торки зимѣ къ Воіню и побѣди торкы“ стр. 143: „Заратишася торці переяславлестии на Русь“; стр. 208: „Слышавше же се врази половци смерть Володимерю, и присунушася къ Баручю, рекше: возмемъ торкы ихъ“. „Воінь“—теперь Войнинцы на Каратулькѣ; „Баручь“—теперь Барышевка на Трубежѣ.

тарской. Этимъ объясняется разнообразіе физическихъ типовъ въ малорусскомъ населеніи. Но вопросъ этотъ пока только намѣченъ въ сочиненіи г. Дибольда[1]) и въ статьѣ г. Талько-Гринцевича[2]) и требуетъ еще дальнѣйшей разработки. Для того, чтобы судить о бытѣ и нравахъ племенъ, населявшихъ южную Россію до славянъ и одновременно съ ними, частью вовсе нѣтъ письменныхъ данныхъ, частью и существуютъ въ сочиненіяхъ писателей греческихъ, латинскихъ, арабскихъ и въ нашей первоначальной лѣтописи, но такія неточныя и глухія, что изъ нихъ съ большими натяжками возможно дѣлать какіе-либо выводы.

Но къ счастію всѣ эти народы, приходя на территорію южной Руси, приносили съ собою собственную культуру и въ своихъ могильникахъ оставили намъ полную картину своего быта и внутренней жизни.

Вотъ почему въ замѣнъ письменныхъ источниковъ является *раскопка могилъ*, которая разъясняетъ намъ способъ погребенія мертвецовъ у народовъ, населявшихъ когда-бы то ни было южнорусскія степи, и такимъ образомъ позволяетъ заключать и о бытѣ похороненныхъ во время ихъ земной жизни. Финны, скиѳосарматы и славяне, готы и гунны, авары и хазары, печенѣги и торки, половцы и татары—всѣ оставили въ могилахъ своихъ мертвецовъ, чтобы мы могли ознакомиться съ ними и опредѣлить, изъ какихъ элементовъ слагалась ихъ земная жизнь.

Территорія переяславскаго уѣзда очень богата могильными насыпями, скрывающими прахи бывшихъ ея обитателей, но изслѣдованіе ихъ почти не начато. Въ семидесятыхъ годахъ г.г. Самоквасовъ и Кибальчичъ раскопали по нѣсколько кургановъ въ окрестностяхъ г. Переяслава и с. Сулимовки, но дневники ихъ раскопокъ никогда не были публикованы, да изъ нихъ и нельзя было-бы сдѣлать какихъ-нибудь обобщеній по скудости добытыхъ данныхъ. Археологическое изслѣдованіе переяславскаго уѣзда дѣло будущаго—хотѣлось-бы думать, что недалекаго.

---

[1]) Ein Beitrag zur Anthropologie der Kleinrussen. Dorpat. 1886.

[2]) Antropologia w ogóle i w zastosowaniu do kraju naszego. Wisła, 1888, str. 547—562.

II. Населенныя мѣста переяславскаго уѣзда. Къ IX вѣку нашей эры, отъ котораго начинаются извѣстія нашей первоначальной лѣтописи, населявшее переяславскій уѣздъ славянское племя достигло уже извѣстной ступени гражданственности. Оно занималось земледѣліемъ, жило осѣдло въ селахъ и имѣло укрѣпленные городки, куда скрывалось въ случаѣ нападенія враговъ. Важнѣйшимъ изъ этихъ городковъ съ постояннымъ городскимъ торговымъ классомъ былъ Переяславъ. Этотъ торговый классъ, быть можетъ, не принадлежалъ къ господствующему племени, а являлся остаткомъ скандинавской дружины, отправившейся искать счастья изъ негостепріимной сѣверной родины въ благодатныя южныя страны. Въ самомъ началѣ X-го вѣка, въ 907 г., въ Переяславѣ былъ уже свой князь, подчинявшійся верховной власти новгородскаго князя Олега. Населеніе Переяслава вело торговлю съ Византіей и участвовало въ походѣ на нее, предпринятомъ Олегомъ. Когда пришлось заключать миръ съ византійскими греками, то Олегъ потребовалъ отъ нихъ уплаты контрибуціи не только въ пользу той морской флотиліи, на которой онъ прибылъ, но и въ пользу тѣхъ городовъ, гдѣ жили подвластные ему князья, въ томъ числѣ и въ пользу Переяслава. Кромѣ того переяславскіе торговцы получили въ числѣ другихъ привилегію получать по прибытіи въ Византію отъ византійскаго правительства провизію на шесть мѣсяцевъ въ видѣ хлѣба, вина, мяса, рыбы и овощей. Когда по окончаніи торговыхъ сдѣлокъ они отправлялись домой, то византійскій императоръ долженъ былъ давать имъ на дорогу съѣстные припасы, а также якори, канаты, паруса и все другое, что имъ понадобится для снаряженія судовъ къ выходу въ море.

Впослѣдствіи мѣстные переяславскіе князья исчезаютъ и Переяславъ начинаетъ получать себѣ князя изъ династіи кіевскихъ князей Рюриковичей. Переяславскій столъ получаетъ характеръ переходнаго къ великому столу кіевскому. Мало по мало онъ закрѣпился въ родѣ Всеволода Ярославича и просуществовалъ въ видѣ отдѣльнаго стола до конца XII вѣка, когда извѣстія о переяславскихъ князьяхъ прекращаются, если не признавать вѣрнымъ извѣстія лѣтописи Быховца, что въ битвѣ

съ Гедиминомъ на Ирпени участвовалъ и князь переяславскій.

Несмотря на то, что новыя волны кочевыхъ народовъ постоянно приливали изъ Азіи къ границамъ переяславскаго княжества, имъ не удалось вполнѣ смести прочно осѣвшее въ переяславскомъ уѣздѣ славянское населеніе. Печенѣги, торки, половцы и, наконецъ, татары уменьшали, правда, густоту этого населенія, но никогда не уничтожали его вполнѣ. Русское населеніе оставалось въ предѣлахъ переяславскаго уѣзда все то время, когда южною Русью владѣли татары, хотя и должно было терпѣть въ близкомъ сосѣдствѣ значительную массу поселившихся татарскихъ кочевниковъ. Опустошеніе, постигшее южную Русь отъ полчищъ Батыя въ 1237 и послѣдующихъ годахъ, какъ ни было оно велико, не оставило послѣ себя лишь пустыню: нѣкоторые города совершенно уцѣлѣли, въ томъ числѣ и Переяславъ, въ которомъ въ 1250 г. встрѣтили татары Даніила Галицкаго, когда послѣдній ѣхалъ въ орду на поклоненіе Батыю. Этотъ фактъ объясняется тѣмъ, что при татарскомъ погромѣ большинство жителей не было избито, а бѣжало передъ татарами; избито было преимущественно городское населеніе. Для жителей тогдашняго времени предстояло двоякое средство спасенія: бѣжать въ чужія страны, именно въ Польшу, Венгрію и Чехію, и, во вторыхъ, скрываться дома по лѣсамъ. Большинство предпочло второй способъ и по минованіи опасности тотчасъ же начало возвращаться въ свои прежнія жилища. Татарскія нашествія 1261 г. (Бурундая), 1283 г. (Телибуги и Ногая), 1399 г., когда татары гнались за разбитымъ Витовтомъ, подступили къ Кіеву и взяли съ него 3,000 рублей контрибуціи, и, наконецъ, 1482 г. (Менгли-Гирея)—значительно разрѣдили населеніе переяславскаго уѣзда, но все таки остались свидѣтели прошлаго, которые передали своимъ преемникамъ по крайней мѣрѣ имена старыхъ поселеній. Этимъ объясняется, какимъ образомъ имена города Переяслава и одиннадцати селъ переяславскаго уѣзда удержались до сихъ поръ отъ княжеской эпохи (X—XII в.).

Села эти слѣдующія:

1) Село Вороньковъ, вороньковской волости, упоминается въ поученіи Владиміра Мономаха въ формѣ *Вороница.* Отсюда Владиміръ Мономахъ началъ одинъ изъ своихъ походовъ на половцевъ.

2) Село Сальковъ, вороньковской волости, встрѣчается въ Ипатской лѣтописи (изд. 1871 г. на стр. 181 и 277) въ формѣ *Саковъ.*

3) Село Войнинцы, хоцковской волости, упоминается въ Ипатской лѣтописи на стр. 114, 143, 198 въ формѣ *Воинъ.* Вблизи нынѣшнихъ Войнинецъ есть долина, называемая Воиновой Долиной.

4) Село Малыя Яненки, переяславской волости, называемое нынѣ Воскресенскимъ, въ 1149 г. называлось *Янчино сельцо.*

5 и 6) Села Великая и Малая Каратули, переяславской волости, существовали уже въ XI-мъ вѣкѣ и, вѣроятно, такъ и назывались, какъ мѣстопребываніе переяславскихъ торковъ, принадлежавшихъ къ восточнымъ племенамъ и извѣстныхъ въ лѣтописяхъ подъ именемъ черныхъ клобуковъ, что составляетъ русскій переводъ имени каратулей.

7) Деревня Карань, переяславской волости, на рѣчкѣ того-же имени, упоминается въ 1140 г. въ формѣ *Корань.*

8) Село Демянцы, демянской волости, упоминается въ 1155 г. въ формѣ *Деминескъ* (Деменескъ).

9) Деревня Глѣбовка, демянской волости, упоминается въ 1185 г. въ формѣ *Глѣбовъ.* (Игорь говоритъ: „взяхъ на щитъ городъ Глѣбовъ у Переяславля").

10) Село Строкова, помокельской волости, упоминается въ 1149 г. подъ именемъ „*Кудьново сельцо*", а рѣчка Гатка, на которой оно стоитъ, называлась тогда *Стряковъ.* Затѣмъ имя рѣчки сдѣлалось именемъ села, а рѣчка получила иное названіе по сооруженію, которое на ней устроили.

11) Мѣстечко Барышевка, барышевской волости, упоминается подъ 1126 и 1174 г.г., какъ городъ торковъ „*Баручь*". Къ первоначальному названію присоединился подъ вліяніемъ великорусскаго языка, въ которомъ сельское поселеніе называется *деревней,* суффиксъ женскаго рода—*евка* и получилось

названіе „Баручевка“, которое изъ удобствъ произношенія измѣнилось въ „Барышевка“.

Однако, несмотря на то, что славянское населеніе никогда не изсякало въ конецъ на территоріи переяславскаго уѣзда и сберегло въ своихъ устахъ старыя названія мѣстностей,—тѣмъ не менѣе страна эта сильно запустѣла и возвратилась почти въ тотъ видъ, какой она имѣла въ тѣ отдаленныя доисторическія времена, когда по ней блуждали толпы финнскихъ охотниковъ въ погонѣ за дикими звѣрями.

Довольно полную картину жизни въ предѣлахъ переяславскаго уѣзда за столѣтіе съ 1550 по 1650 г. рисуютъ намъ составленныя польскими чиновниками люстраціи или описанія замковъ: каневскаго, кіевскаго и остерскаго 1552 г., старостствъ кіевскаго воеводства въ томъ числѣ и переяславскаго староства 1616 г., остерскаго староства 1628 г. и тарифа подымной подати кіевскаго воеводства 1631 г.[1]). Заимствуемъ изъ этихъ памятниковъ наиболѣе выпуклыя черты.

Переяславскій уѣздъ представлялъ собою пустыню, мало пригодную для осѣдлой жизни. На пространствѣ его было разсѣяно много городищъ и селищъ, которыя обозначали собою мѣста бывшихъ поселеній. Населеніе ютилось въ хуторахъ и было очень рѣдко. Остальная земля лежала впустѣ и заселена была только дикими звѣрями да птицами. Право пользоваться естественными богатствами страны принадлежало старостѣ каневскаго замка и его мѣщанамъ, которые несли за это службу на пограничьи польскаго государства. Главныя охоты происходили на берегахъ Супоя. Каневскіе мѣщане и бояре должны были отправляться туда вмѣстѣ съ старостою и охотиться въ его пользу три дня. Отъ Канева до мѣста охоты—Супоя считалось 4 мили. Остальное время мѣщане охотились, ловили рыбу, занимались пчеловодствомъ въ свою пользу и должны были только платить старостѣ извѣстную дань. Эти промышленники уходили изъ Канева на переяславскую сторону только на лѣто,

---

[1]) Всѣ эти документы напечатаны въ І-мъ томѣ VII-ой части Архива Юго-Западной Россіи. Кіевъ. 1886.

а на зиму опять возвращались обратно въ г. Каневъ. Но были люди, которые круглый годъ жили въ переяславскихъ пустыняхъ: это—козаки, люди свободные и никуда не приписанные. потомки тѣхъ старинныхъ обитателей Переяславщины, которые уцѣлѣли отъ татаръ, скрываясь въ лѣсахъ и болотахъ. Они занимались тѣми-же самыми промыслами, что и каневскіе мѣщане, и причиняли послѣднимъ много вреда, отнимая у нихъ ту дичь и рыбу, которыя при отсутствіи конкурренціи доставались-бы мѣщанамъ. Кромѣ того портили охоту каневскимъ мѣщанамъ, распугивая дичь, солдаты каневскаго гарнизона, такъ называемые драбы, которые ходили по старымъ селищамъ и городищамъ, разрывали окружавшія ихъ могилы, чтобы воспользоваться зарытыми вмѣстѣ съ мертвецами цѣнными предметами, напримѣръ, браслетами и кольцами, и при этомъ разбрасывали кости мертвецовъ. Каневскіе мѣщане суевѣрно боялись, что потревоженные покойники будутъ мстить за такое небрежное отношеніе къ ихъ праху.

Только въ самомъ концѣ XVI-го вѣка переяславскій уѣздъ начинаетъ заселяться болѣе прочно. 3-го іюня 1585 г. Стефанъ Баторій разрѣшилъ князю Константину Острожскому основать городъ и построить замокъ на пустомъ городищѣ, называемомъ „Переяславъ", и далъ будущему городу магдебургское право. Мало по малу вмѣсто прежнихъ уединенныхъ хуторовъ появляются села, хотя сначала, конечно, мелкія. Крупныхъ селъ на лѣвомъ берегу Днѣпра не было даже въ половинѣ XVIII-го вѣка: громадное большинство ихъ состояло изъ 3—20 дворовъ, причемъ преобладающими были села съ 3—8 дворами. Возникли эти села изъ хуторовъ, основанныхъ отдѣльными поселенцами, главнымъ образомъ благодаря естественному размноженію. Дѣлимость семействъ въ XVI, XVII вѣкѣ не была столь велика, какъ теперь, и существовали сводныя семьи въ родѣ сербскихъ задругъ. Устройство жилищъ для новыхъ поколѣній вело къ превращенію хутора въ село. Этимъ объясняется и множественное число значительной части названій переяславскихъ селъ (37 изъ 138): потомки одного предка носили общее фамильное прозваніе, которое потомъ закрѣпилось за селомъ.

Впервые мы узнаемъ о существованіи нѣкоторыхъ переяславскихъ селъ изъ описанія кіевскаго замка 1552 г. Въ числѣ селъ, обязанныхъ платить дань въ пользу кіевскаго замка, упоминаются „за Днепромъ на Трубежи: Борѣщовцы, Иванковцы, зъ Острое Луки“ [1]) т. е. нынѣшнія села Борщовъ (скопецкой вол.). Иваньковъ (бориспольской вол.) и Остролучье (барышевской вол.). Борисполь упоминается въ Конституціяхъ варшавскаго сейма 1590 и 1596 гг.[2]) Борисполь же и Барышевка упоминаются въ тарифѣ подымной подати кіевскаго воеводства 1631 г. Въ реестрахъ войска запорожскаго 1649 г. упоминаются почти всѣ наиболѣе крупныя села переяславскаго уѣзда при обозначеніи мѣста родины нѣкоторыхъ козаковъ; такъ, напримѣръ, Курило Помокалский, Мисько Цибельский (стр. 216), Уласъ с Хоцокъ, Сидоръ з Леляковъ (стр. 220). Такимъ образомъ мы видимъ, что большинство селъ переяславскаго уѣзда возникло въ періодъ времени съ 1550-хъ до 1650-хъ годовъ. Болѣе подробныя данныя о времени основанія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ селъ будутъ приведены нами при обозрѣніи ихъ исторіи.

Всѣхъ населенныхъ мѣстъ въ переяславскомъ уѣздѣ числится, какъ упомянуто выше, 138, не считая мелкихъ хуторовъ. Одни изъ нихъ носятъ имена, принадлежащія грамматически къ именамъ существительнымъ, другія—принадлежащія къ именамъ прилагательнымъ. Принадлежащія къ именамъ существительнымъ имѣютъ частью единственное, частью множественное число. Къ именамъ прилагательнымъ всегда можно добавить имена нарицательныя: хуторъ, село, деревня; напримѣръ: Рудяковъ—хуторъ, Старое—село, Пасѣшная—деревня. Нужно полагать, что женскія прилагательныя въ названіяхъ селъ появились подъ великорусскимъ вліяніемъ, такъ какъ слова „деревня“ малорусскій языкъ не знаетъ.

Названія селъ, принадлежащія къ именамъ существительнымъ женскаго рода, какъ напримѣръ, Семеновка, Лехновка

---

[1]) Архивъ, стр. 120.

[2]) Volumina Legum. 1859. T. II, стр. 318, стл. 1 и стр. 361, стл. 2.

и т. д. также предполагаютъ обозначеніе поселенія терминомъ „деревня“ и произошли подъ великорусскимъ вліяніемъ, такъ какъ въ актахъ начала XVIII-го вѣка эти самыя поселенія носятъ еще старыя родовыя прозвища: Семенчинцы, Лехновцы и т. д.[1]).

Обращаясь къ объясненію названій переяславскихъ селъ по пути, указанному профессоромъ Сумцовымъ[2]), мы должны раздѣлить ихъ на 13 разрядовъ.

I) Села получившія названія отъ личныхъ христіанскихъ именъ первыхъ поселенцевъ въ календарной ихъ формѣ. Сюда принадлежатъ: Софіевка отъ Софія, Марьяновка отъ Маріанна, Максимовка отъ Максимъ, Борисовка отъ Борисъ, Аполлоновка отъ Аполлонъ, Лукьяновка отъ Лукіанъ, Павловка отъ Павелъ, Памфилы отъ Памфилъ.

II) Села, получившія названія отъ личныхъ христіанскихъ именъ первыхъ поселенцевъ въ народной формѣ[3]). Сюда принадлежатъ: Мартусовка отъ Мартуся, уменьш. отъ Марта, Марѳа, Семеновка отъ Семенъ = Симеонъ, Бакумовка отъ Бакумъ = Аввакумъ[4]), Корнѣевка отъ Корнѣй = Корнилій, Лехновка отъ Лехно = Александръ[5]), Сеньковка отъ Сень, Сенько = Симеонъ[6]), Уласовка отъ Уласъ = Власій, Процевъ отъ Проць = Прохоръ[7]), Паршиковъ отъ Паршико = Парамонъ, Соп-

[1]) Въ универсалѣ Скоропадскаго 1713 г. Настасьѣ Степановнѣ Думитрашковой-Ранчъ на эти села. См. Русск. Архивъ Бартенева, 1875, т. II, стр. 405.

[2]) См. статью „Малорусская географическая номенклатура“ въ Кіевской Старинѣ, 1886, іюль, стр. 456—489.

[3]) Огромный запасъ личныхъ христіанскихъ именъ въ народной формѣ и фамильныхъ прозвищъ представляютъ списки мѣщанъ южно-русскихъ замковъ, напечатанные въ Архивѣ Юго-Западной Россіи, т. 1, ч. VII, а въ особенности реестра войска запорожскаго 1649 г., изданные Бодянскимъ при Московскихъ Чтеніяхъ въ 1874 г. Мы приводимъ изъ этихъ источниковъ болѣе рѣдкія имена и прозвища для доказательства ихъ существованія въ южной Россіи XVI-го в. О малорусскихъ фамильныхъ прозвищахъ см. ст. Сумцова. „Кіев. Стар.“, 1885 г., т. XI, стр. 215.

[4]) Р. стр. 219, Бакумъ Исайченко, 224, Бакумъ Бараненко.

[5]) Р. 156. Лехно Пащенко, 177. Лехно Кантимеренко, 197. Лехно Карпенко, 66 Данило Лехновичъ, 6. Иванъ Лехненко.

[6]) Р. 138. Сень Петрашенко, 139. Сень Жабенко; Арх. 104. Синько.

[7]) Р. 182. Проць Ласовченко, 184. Проць Микодиненко.

никовъ отъ Сошъ, Сошко = Сосъ[1]), Иваньковъ отъ Иванько = Иванъ, Сизенковъ отъ Сизенько, Созонъ = Созонтъ[2]), Хоцки отъ Хоцко, Ходоръ=Өеодоръ[3]), Лецки отъ Лесько, Лесь=Александръ[4]), Яненки отъ Янъ = Иванъ, Андруши отъ Андруша, Андрушко=Андрей, Ерковцы отъ Ерко, Ерчыкъ=Юрій, Георгій[5]), Демянцы отъ Демянъ = Даміанъ, Харьковцы отъ Харько = Харитонъ, Пилипчичи отъ Пилипъ = Филиппъ, Денисы отъ Денисъ=Діонисій, Мацковцы отъ Мацко=Матөей[6]), Мазинки отъ Мазько, Мазинько = Матөей, Лукаши отъ Лукашъ = Лука, Ярешки отъ Ярешко, Ярема = Іеремія[7]), Войтово, Войтовцы отъ Войтъ, Войтко=Войтѣхъ.

III) Села, получившія названія отъ фамильныхъ прозвищъ первыхъ поселенцевъ. Сюда относятся Рудяковъ отъ Рудякъ, Вовчковъ отъ Вовчокъ, Вовкъ, Козловъ отъ Козелъ, Гусинцы отъ Гусь черезъ прилагательное: Гусинъ, Козинцы отъ Коза черезъ прилагательное: Козинъ, Горбани отъ Горбань[8]), Ковалинъ отъ Коваль, Жуковка отъ Жукъ, Усовка отъ Усъ, Тужиловъ отъ Тужило, Морозовка отъ Морозъ, Чоботьки отъ Чоботько[9]), Чепилки отъ Чепилка[10]), Стовпяги отъ Стовпяга[11]), Скопцы отъ Скопець[12]), Жеребятинъ отъ Жеребя, Леляки отъ Леляка, Лелека (аистъ), Положаи отъ Положай, Борщевъ отъ Борщъ, Гречаники отъ Гречаникъ, Коржи отъ Коржъ, Вергуны отъ Вергунъ, Гайшинъ отъ Гайша[13]), Гланишевъ отъ Гланышъ, Кулябовка отъ Кулябка, Кой-

---

1) Арх. 113—114: Сошъ Цивъликъ, Сошко Кулюбакинъ, Сошъко Кривопускъ.

2) Р. 212. Сезонъ Бильченко.

3) Арх. 596. Хоцько Рубеньковичъ, 597. Хоцко Онискевичъ.

4) Р. 12. Лесько Антоненко, 215. Лесько Костюченко. 140. Лесь Марченко, 141. Лесь Московченко.

5) Р. 205. Юсько Ерченко, 208. Максимъ Ерчыкъ.

6) Р. 25. Мацько Слунский. Арх. 117. Мацко Носачовникъ.

7) Р. 181. Ярешко Луценко, 183. Ярешка Демяновичъ.

8) Р. 279. Олекса Горбань, 286. Гаврило Горбань, 293. Тимко Горбань.

9) Р. 219. Кузьма Чоботко, 232. Павелъ Чобутко.

10) Р. 73. Панько Чепила, 186. Иванъ Чопилка.

11) Р. 231. Яцько Стовпяга.

12) Р. 298. Стецько Скопець.

13) Р. 5. Романъ Гайша.

ловъ отъ Койло[1]), Рогозовъ отъ Рогозъ[2]), Лебединъ отъ Лебедь, Волошиновка отъ Волошинъ, Волохъ (румынъ), Ячники отъ Ячникъ[3]), Черевки отъ Черевко[4]), Бабачиха отъ Бабычъ, Швадчиха отъ Швадько, Хлопковъ отъ Хлопко, Голосіевка отъ Голосій, Чубуковъ отъ Чубукъ, Кучаковъ отъ Кучакъ[5]), Дѣвички отъ Дѣвочка.

IV) Села, названія коихъ указываютъ на давность ихъ заселенія или на внѣшній видъ. Сюда относятся: Старое, Староселье, Селище, Городище, Глубокое, Пристромы, Остролучье, Заостровскій (хуторъ), Заручанскій (хуторъ), Довгогребельскій (хуторъ), Гребля, Нагорновка, Подгорный, Озерище, Дубовая Шея, Борис-*поле*, Кру-*поле* Великое, Кру-*поле* Малое, Сомкова Долина.

V) Села, получившія имена отъ фамилій заселявшихъ ихъ пановъ. Сюда принадлежатъ: Сулимовка отъ фамиліи Сулимъ, Полуботькова Слободка отъ фамиліи Полуботко.

VI) Села, названныя по имени праздника, коему посвященъ мѣстный храмъ. Сюда относятся: Покровское по церкви св. Покрова, выстроенной Н. И. Думитрашкомъ-Раичемъ, и Воскресенское по церкви, выстроенной М. Л. Каніевскимъ.

VII) Села, названныя во времена крѣпостнаго права по прихоти бывшихъ владѣльцевъ. Въ переяславскомъ уѣздѣ только село „Благодатное“ обязано этому своимъ названіемъ.

VIII) Села, указывающія на низменность мѣста, которое они занимаютъ. Сюда относятся названія: Пологи, Студеники, Помокли[6]).

IX) Села, получившія названія по лѣсамъ и зарослямъ, или по деревьямъ и растеніямъ, въ нихъ преобладающимъ. Сю-

---

[1]) Р. 208. Михайло Куйло, 116. Павелъ Койликъ.

[2]) Р. 286. Климь Рогозъ.

[3]) Р. 113. Степанецъ Ячниковъ зять.

[4]) Р. 288. Янько Черевко, 2. Кузьма Черевченко

[5]) Арх. 148 Słuhi na imia:... Kuczuk, Perehunowicz

[6]) Пологи отъ лежать откуда ложбина = низменность, ложе = русло рѣки; Студеники отъ студить, студеный, стужа; студенецъ=колодезь, по-польски: *studnia*; Помокли отъ мокнуть.

да относятся: Березань, Малая Березанка, Дерновка, Бзовъ [1]), Хмелевикъ.

X) Села, получившія названія по именамъ животныхъ, которыя въ нихъ особенно многочислены; сюда относятся: Комаровка и Комаровскій (хуторъ) отъ комаръ (на приднѣпровскихъ лугахъ, гдѣ расположены эти поселенія, особенно много комаровъ), Вьюнище отъ вьюнъ (въ окружающихъ село днѣпровскихъ заливахъ ловится много вьюновъ).

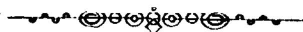
XI) Села, названныя по занятіямъ ихъ жителей; сюда относится въ переяславскомъ уѣздѣ только деревня Пасѣшная отъ пасѣка.

XII) Села, съ названіями юмористическими. Къ этому разряду принадлежитъ село, названное въ насмѣшку Натягайловка, потому что оно вытянулось въ одну длинную улицу.

XIII) Села названныя по рѣчкамъ, у которыхъ они расположены. Къ этому разряду относятся: Недра отъ рѣки Недра, Селичевка отъ р. Селичевки, Старицы Великая и Малая отъ р. Старицы, Чирскій отъ р. Чирской, Соснова отъ р. Сосновки, Рудницкое отъ р. Рудницкой.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній мы разсмотримъ въ слѣдующихъ очеркахъ исторію нѣкоторыхъ отдѣльныхъ селъ переяславскаго уѣзда и самаго города Переяслава.

А. Стороженко.

[1]) Бзовъ отъ бузина; по польски: *bzowina*=бузина, *bzowy*=бузиновый, напр. *bzowy kwiat*=бузиновый цвѣтъ, *bzowy sok*=бузиновый сокъ, *bzowy krzak*=бузиновый кустъ.

ИЗЪ ИСТОРІИ СЕЛЪ и СЕЛЯНЪ ЛѢВОБЕРЕЖНОЙ МАЛОРОССІИ[1]).

4. Полковникъ Галаганъ въ приднѣпровскихъ своихъ маетностяхъ.

Въ Приднѣпровьѣ у Галагана было двѣ маетности: м. Еремѣевка и с. Липовое, входившія въ составъ чигриндубровской сотни, а послѣдняя занимала побережья Сулы при ея устьѣ. Мѣстность эта въ концѣ XVI в. находилась въ запустѣніи, но раньше имѣла уже свои поселенія. Монахи кіевскаго Николаевскаго монастыря сохранили любопытный актъ, по которому какой то дворянинъ Михаилъ Павша[2]) подарилъ ихъ монастырю „*селище Климятинъ* --- съ сульскимъ входомъ --- со всѣми входы и приходы, што изъ старины къ тому Климятину тягло и прислухало“ ---[3]) Впослѣдствіи монахи объясняли, что подаренныя Павшею земли включали въ себѣ—побережье Днѣпра отъ урочища Бѣлобережья до озера Дубка, на пространствѣ 25-ти верстъ и вверхъ по Сулѣ—правый ея берегъ на протяженіи 40-ка верстъ отъ Днѣпра... На этихъ земляхъ, „тянувшихъ“ къ Климятину, монахи, въ XVI в., успѣли устроить, повидимому, одинъ только Пивскій монастырь. Дальнѣйшее заселеніе этихъ земель произ-

---

[1]) См. Кіевск. Старина 1891 г., № 1.

[2]) Несѣцкій (VII, 264), говоря о Павшахъ, первымъ изъ нихъ называетъ Николая, жившаго уже въ к. XVI в. (1589 г.)

[3]) Акты Ю. и З. Россіи, I, 45. Селище Климятинъ подъ именемъ урочища „Клемента святого“ упоминается неразъ затѣмъ въ историческихъ актахъ к. XVI в., напр. Книга посольск. метр. в. кн. литовск., I, 36 и II, 306.

водилось уже помимо монаховъ нахлынувшимъ сюда, съ конца XVI в., населеніемъ праваго берега Днѣпра, которое стало садить здѣсь слободы сначала самостоятельно, а потомъ—подъ началомъ захватившихъ берега Сулы и ея притоковъ Вишневецкихъ. Въ нач. XVII в. монахи попробовали было отнять у Вишневецкихъ Жовнинъ, какъ поселенный, по ихъ увѣреніямъ, на самомъ селищѣ Климятинскомъ и добились въ 1612 г. рѣшенія люблинскаго трибунала въ свою пользу, но привести этого рѣшенія въ исполненіе не смогли [1])... Затѣмъ, когда поляки были изгнаны изъ лѣваго берега Днѣпра войною Хмельницкаго, монахи Николаевскаго монастыря, предъявляя Хмельницкому свои права на климятинскія земли, стали доказывать, что на послѣднихъ поселились мѣстечки: Жовнинъ, Еремѣевка, Чигриндуброва и Власовка, которыя поэтому де и должны принадлежать Николаевскому монастырю. Хмельницкій, не провѣряя этихъ притязаній, выдалъ монахамъ универсалъ, подтвердившій за ними лишь право на земли климятинскія, безъ обозначенія ихъ границъ. Такой документъ, разумѣется, не могъ удовлетворить монаховъ и они выпросили у Многогрѣшнаго, въ 1670 г., другой универсалъ, уже съ подробнымъ означеніемъ тѣхъ земель, которыя будто бы принадлежали къ Климятинскому селищу. По этому универсалу за Николаевскимъ монастыремъ гетманъ утверждалъ: „городища, селища и грунта—Климятинъ, нынѣ называемый Жовнинъ,—климятинскіе уходы, или иначе жовнинскіе, около Сулы—Бѣлобережье [2]), Бражная лука, Домонтовская лука, Александрово озеро --- и противъ Веремѣевки --- уходы чигриндубровскіе около Сулы и Днѣпра до городища Пивовъ“ и т. д. Такимъ образомъ Многогрѣшный утверждалъ за Николаевскимъ монастыремъ огромное пространство днѣп-

[1]) Нѣсколько лѣтъ назадъ, намъ случилось видѣть межевой планъ с. Ляливецъ (рядомъ съ Еремѣевкою) и въ числѣ урочищъ, обозначенныхъ на этомъ планѣ, одно называется—„Бѣлыми берегами“. Хотя урочища съ этимъ названіемъ встрѣчаются очень нерѣдко по берегамъ большихъ рѣкъ, но вѣроятно эти ляливскіе „Бѣлые берега“ и есть то Климятинское *бѣлобережье*, о которомъ говоритъ универсалъ Многогрѣшнаго.

[2]) Вып. изъ книгъ гродск. воев. кіевск., 29 дек. 1612 г.

ровскаго побережья, въ площадь котораго входила и Еремѣевка—подъ видомъ чигриндубровскихъ уходовъ по Днѣпру и Сулѣ... На основаніи гетманскаго универсала выданы были Николаевскому монастырю и царскія грамоты, повторившія тотъ же перечень „городищъ и селищъ". Но, несмотря однако же на эти акты, монастырь не могъ осуществить своихъ правъ на климятинскія земли, потому что людская память расходилась съ притязаніями монаховъ, ничего не зная ни о дѣйствительномъ владѣніи Николаевскаго монастыря доставшимися ему по акту Павши землями, ни о границахъ этихъ земель... Монахи молчали и ждали удобнаго времени. Между тѣмъ возникшія на „тянувшихъ" къ Климятину земляхъ поселенія росли и множились въ своемъ населеніи, пользуясь тѣми экономическими выгодами, которыя представляло Приднѣпровье для своихъ жителей. Выросла и Еремѣевка, получившая свое названіе отъ знаменитаго отступника Іереміи Вишневецкаго. Въ 1649 г. Еремѣевка составляла уже отдѣльную сотню лубенскаго полка. Затѣмъ, впрочемъ, татарскія разоренія, отъ которыхъ такъ сильно пострадала югозападная Малороссія въ семидесятыхъ годахъ XVII в., коснулись и Еремѣевки, значительно умалившейся отъ этого въ своемъ населеніи и переставшей даже быть сотеннымъ центромъ; но къ к. XVII в. Еремѣевка снова стала богатымъ приднѣпровскимъ мѣстечкомъ.

Когда, по прутскому договору 1711 г., правая сторона Днѣпра отошла къ Польшѣ и тогдашній чигиринскій полковникъ Игнатъ Галаганъ лишился и своего полковничества, и заднѣпровскихъ маетностей, то Скоропадскій, для возмѣщенія этихъ потерь, отдалъ Галагану Еремѣевку, какъ находившуюся поблизу отъ принадлежавшаго этому полковнику села Липоваго.

Получивъ еремѣевскихъ крестьянъ въ послушенство, Галаганъ черезъ нѣсколько лѣтъ сталъ привлекать къ тому же послушенству и тамошнихъ козаковъ. Когда въ 1720 г. были высланы на строеніе кіевской крѣпости козаки изъ ближайшихъ къ Кіеву полковъ, еремѣевскіе козаки остались дома, потому что Галаганъ запретилъ имъ туда идти. Сохранился выданный по этому случаю универсалъ Скоропадскаго еремѣевскому ата-

ману съ его козаками: „донеслося намъ вѣдати, что вы указу нашему оказались противными, такъ какъ изъ Еремѣевки не высланы козаки на работу кіево-печерской фортеціи, да и теперь отказываетесь отъ перевозки государевыхъ запасовъ отъ Днѣпра въ Полтаву; да кромѣ того, вообще не хотите слушаться полковыхъ и сотенныхъ распоряженій. Поэтому мы, такое ваше „глупство и ослушаніе" порицая, симъ нашимъ унѣверсаломъ строго напоминаемъ, сурово грозимъ и рейментарско приказуемъ, чтобы, не заглядаючися на власть пана Галагана, полковника прилуцкаго, и не страхаючися его похвалокъ, нашихъ гетманскихъ указовъ слухали" и пану полковнику лубенскому, какъ своему старшему, всякое должное послушенство въ войсковихъ услугахъ отдавали, по прежнему до полку къ сотнѣ чигриндубровской „прислушая"--- А если бы кто изъ васъ, товариства еремѣевскаго, и нынѣшнему универсалному указу нашему оказался противенъ, таковаго тогда --- велимъ, какъ „противника и бунтовника", насильно брать и, забивши въ колодки, въ Глуховъ подъ арестъ привозить и тутъ непоблажно, безъ всякой пощады, карать" [1]).

По ревизіи 1723 г. въ Еремѣевкѣ показано однихъ посполитскихъ дворовъ болѣе 400, не считая козачьихъ Но Галаганъ не довольствовался этимъ количествомъ крестьянъ и рѣшилъ во чтобы то ни стало привлечь къ своему послушанію и козаковъ, обративъ ихъ на первое время въ своихъ „бояръ" и „куренчиковъ". А между тѣмъ и николаевскіе монахи нашли, что обстоятельства измѣнились и снова можно заявить свои притязанія на „тянувшія" къ Климятинскому селищу земли... Въ 1731 г. монахи начали противъ Галагана формальный процессъ за Еремѣевку, требуя признанія ихъ правъ на это мѣстечко. Процессъ этотъ по тогдашнимъ порядкамъ затянулся на многіе годы. Галаганъ, опираясь на царскую грамоту, по которой Еремѣевка утверждена была за нимъ въ 1714 г.,

---

[1]) Полтавскія Губерн. Вѣдом. 1849 г, № 5. Въ универсалѣ означенъ ошибочно 1709 г. Долженъ онъ относиться къ 1720 г., когда строилась кіевская крѣпость.

повидимому не особенно безпокоился монашескими притязаніями; его болѣе безпокоили тѣ событія, которыми сопровождались сначала устройство украинской линіи, а потомъ походы польскій и крымскій (1730—1736). Для сооруженія первой правительство въ первый разъ потребовало высылки крестьянъ, а для походовъ—слѣдовали наряды за нарядами козаковъ. События эти отразились на еремѣевскомъ населеніи слѣдующимъ образомъ: „по ревизіи 1731 г. въ Еремѣевкѣ состояло двороваго числа людей, бояръ и посполитыхъ—344 двора; а когда для работы украинской линіи высланы были крестьяне, а потомъ наступили съ поляками и турками военные походы, да поставлены были въ Еремѣевкѣ, какъ и въ другихъ пограничныхъ мѣстахъ, армейскіе полки на винтерквартиры, да еще потребовались работники для полоненія льда на Днѣпрѣ, то еремѣевскіе подданные, оставя свои дворы впустѣ, въ другія мѣста сходить принуждены были; а въ 1741 г., когда свободный переходъ съ мѣста на мѣсто малороссійскому народу дозволенъ былъ, и послѣдніе люди, оставшись въ убожествѣ, по своему желанію, кто куда захотѣлъ—разбрелись безвоспятительно, и гдѣ было въ слободахъ, къ Еремѣевкѣ принадлежащихъ и на еремѣевской земли Игнатіемъ Галаганомъ поселенныхъ, до 40 дворовъ, тамъ черезъ военное время—ни единаго человѣка не осталось".—Такъ разсказывалъ сынъ Игнатія, Григорій Галаганъ, въ 1750 г. Къ этимъ общимъ невзгодамъ прибавилась еще одна мѣстная: когда для крымскаго похода потребовался усиленный нарядъ козаковъ, тогда чигриндубровскій сотникъ Иванъ Булюбашъ донесъ въ Глуховъ, что въ Еремѣевкѣ большинство козаковъ поверстано Галаганомъ въ свои „куренчики", вслѣдствіе чего и невозможно выслать указанное число козаковъ. Въ отвѣтъ на это донесеніе изъ Глухова пришелъ приказъ—отобрать у Галагана этихъ куренчиковъ подъ сотню, что Булюбашемъ и было исполнено въ 1734 г. По окончаніи крымскаго похода, Галаганъ задумалъ убывшее крестьянское населеніе Еремѣевки пополнить тамошними козаками и сталъ ихъ тѣснить, заставляя переходить къ нему въ подданство.

Но за козаковъ вступился преемникъ Булюбаша Александръ Бутовскій. Галаганъ пожаловался въ Глуховъ, куда въ сентябрѣ 1745 г. писалъ: „въ маетности моей Еремѣевкѣ—козаки и другіе, назвавъ себя козаками, поселясь на жалованной мнѣ землѣ, не отбываютъ мнѣ надлежащихъ повинностей, безправно владѣя моею землею. И такихъ неправильно поселившихся на моей землѣ козаковъ чигриндубровскій сотникъ Бутовскій до надлежащихъ мнѣ повинностей не только что не допускаетъ, но и вновь приходящимъ не позволяетъ на той моей землѣ селиться и подъ сотню свою ихъ причисляетъ“. Въ заключеніе Галаганъ просилъ произвести слѣдствіе о поселившихся на его земляхъ козакахъ и затѣмъ приказать сотнику, чтобы онъ какъ тѣхъ, которые живутъ уже на его, Галагана, землѣ, такъ и тѣхъ, которые вновь поселятся на его земляхъ, подъ сотню не привлекалъ. По этой жалобѣ изъ Глухова приказано было произвести слѣдствіе главнымъ образомъ о томъ—кто изъ козаковъ живетъ на Галагановской землѣ. Слѣдствіе открыло, что многіе козаки, переселясь въ Еремѣевку уже послѣ 1711 г., и сами не знали—на чьей землѣ они живутъ, такъ какъ земли крестьянъ никогда не отдѣлялись отъ земель козачьихъ. Между тѣмъ, прежде чѣмъ кончилось еще слѣдствіе, Галаганъ началъ усиленно тѣснить еремѣевскихъ козаковъ, желая, чтобы они „подписались быть его подданными“... Какіе мѣры при этомъ употреблялъ Галаганъ, объ этомъ разсказываетъ Бутовскій: „въ бытность мою въ Еремѣевцѣ (осенью 1746 г.) усмотрѣлъ я въ ономъ мѣстечку чинимыя абшитованнымъ прилуцкимъ полковникомъ Галаганомъ нестерпимыя козакамъ обиды, а именно: собравъ всѣхъ еремѣевскихъ куренчиковъ (которые предъ тѣмъ были, по указу, отобраны подъ сотню) съ оружіемъ, какъ надлежитъ воинскому человѣку, онъ посылаетъ ихъ по козачьимъ дворамъ и дворы тѣ разоряетъ: въ хатахъ двери и окна снимаетъ, забираетъ скотъ и взятымъ скотомъ—лозу, колоды дерева, что найдетъ во дворѣ и что ему понадобится, въ свой дворъ перевозить приказываетъ. А кто съ того принужденія ему, Галагану, быть подданнымъ подпишется, тому все забратое—возвращаетъ. Видя такое на-

силіе, многіе козаки подписались. Также сѣна, козаками заготовленныя на ихъ дѣдовскихъ и отцовскихъ грунтахъ, для своихъ лошадей, которыми службы нынѣ и всегда отправляютъ, Галаганъ приказываетъ забирать, рубитъ козачьи лѣса и поотнималъ у козаковъ всѣ ихъ рыболовли и плавни... А самихъ козаковъ, если только кто изъ нихъ природное свое козацтво или грунтъ, на которомъ живетъ, козачьимъ свидѣтельствуетъ, несмотря на это, принуждаетъ записываться въ число его подданныхъ. Не видалъ я нигдѣ, не только межъ христіанами, пишетъ Бутовскій, но и по чужимъ землямъ, чтобъ противъ зимы козаковъ можно было выгонять изъ ихъ дворовъ безъ указа и безъ суда, или—чтобы можно было насильно писать ихъ въ подданство... Такое разореніе здѣшнихъ козаковъ можетъ повести къ тому, что когда станетъ Днѣпръ, то козаки эти, по ихъ „древнему обыкновенію, яко побережные, могутъ не токмо въ иныя мѣста, но и за Днѣпръ, въ польскую область, учинить побѣгъ"...

Такія же свѣдѣнія о насиліяхъ Галагана представилъ въ Глуховъ и еремѣевскій атаманъ, вѣроятно подъ вліяніемъ Бутовскаго, завидовавшаго богатству Галагана. „Галаганъ послалъ своихъ куренчиковъ, писалъ атаманъ, по козачьимъ дворамъ грабить козаковъ, чтобы подвернуть ихъ себѣ въ подданство насильно, сказуючи: коли подданными моими будете, то и ваши статки (движимость) вамъ повертаю, а какъ не будете моими подданными, а станете подъ сотнею, то де ничего не отдамъ, да еще и остатки заберу!—И съ грунтовъ собственныхъ, козачьихъ, сгоняетъ и бьетъ нещадно, дабы съ грунтовъ сходили и ему въ подданство записывались"...

Между тѣмъ произведенное по просьбѣ Галагана слѣдствіе, было разсмотрѣно въ Глуховѣ и тамъ было рѣшено: спросить еремѣевскихъ козаковъ—„желаютъ ли они, оставя имѣющіеся подъ оными козачьи грунта, жить на собственныхъ грунтахъ полковника Галагана за нимъ въ подданствѣ и ежели покажутъ, что желаютъ, то тѣ всѣ козачьи грунта—описать и спросить кто у нихъ есть изъ свойственниковъ козачаго званія, коимъ бы можно по наслѣдству грунта эти для отбыванія за

нихъ козачьей службы, отдать... А онымъ боярамъ по переходѣ на грунта его, полковника, вольно за нимъ, полковникомъ, быть. Кто же своихъ грунтовъ козачьихъ оставить не пожелаетъ и на грунта полковника Галагана сойти не похочетъ, тотъ долженъ быть въ козачьей службѣ подъ сотнею"... Это необычайное распоряженіе глуховскихъ властей, вѣроятно щедро задобренныхъ Галаганомъ, давало послѣднему полный просторъ забрать въ подданные всѣхъ тѣхъ козаковъ, которые не могли противиться его насиліямъ и уже фактически были его подданными.

Дѣйствительно, когда по этому указу генеральной канцеляріи были спрошены „бояре" Галагана—желаютъ ли оставаться подъ сотнею т. е. въ козачествѣ или—перейти въ подданство къ Галагану, то 23 домохозяина заявили, что „они желаютъ, оставя свои подъ ними имѣючіеся козачьи грунта, жить на собственныхъ грунтахъ полковника Галагана, за онымъ въ подданствѣ". Такимъ образомъ Галаганово верстаніе еремѣевскихъ козаковъ въ крестьяне было узаконено тою властью, которой одна изъ главныхъ обязаностей заключалась въ наблюденіи, чтобы козаки не переписывались въ посполььство и тѣмъ не умаляли количества служилыхъ людей. Но въ половинѣ XVIII в. старшина уже не справлялась съ законами, когда дѣло касалось личныхъ ея интересовъ... Несмотря на такое удачное разрѣшеніе домогательствъ Галагана, ему не пришлось воспользоваться добытыми результатами, такъ какъ почти вслѣдъ за указомъ генеральной канцеляріи, послѣдовало въ 1749 г. рѣшеніе Сената, по которому еремѣевскіе крестьяне были отсуждены отъ Галагана Николаевскому монастырю. Для передачи этихъ крестьянъ новому владѣльцу назначенъ былъ миргородскій полковой судья Ѳедоръ Остроградскій и переяславскій сотникъ Леонтовичъ, по описи которыхъ монахамъ было отдано въ Еремѣевкѣ: 88 дворовъ съ 112 хатами и 41 пустыхъ усадьбъ съ 9 пустыми хатами. Такъ какъ по ревизіи 1723 года въ Еремѣевкѣ числилось крестьянъ около 400 дворовъ, то значитъ количество тамошнихъ крестьянъ менѣе чѣмъ за тридцать лѣтъ, уменьшилось вчетверо... На такую значительную убыль вліяли главнымъ образомъ двѣ причины: тяжесть повинностей держав-

ческихъ и общественныхъ и продолжавшееся въ XVIII в. возникновеніе слободъ, гдѣ крестьяне находили временныя льготы, для которыхъ и покидали старыя свои жилища...

Но кромѣ Еремѣевки, у Галагана въ Приднѣпровьи была еще одна маетность—село Липовое, расположенное невдалекѣ отъ Сулы. Сначала Липовое поселено было у самой Сулы, но прибрежный песокъ, надвинутый вѣтрами на село, заставилъ послѣднее отодвинуться отъ рѣки. Липовскій козакъ Никита Семакъ разсказывалъ въ 1745 г., что дѣдъ и отецъ его издревле жили въ Липовомъ, на урочищѣ Семаковкѣ, а потомъ, когда, за умножившимся тамъ пескомъ, все село стало переселяться на пахатныя нивы, то переселился и онъ... Липовое оставалось свободнымъ до 1710 г., когда Скоропадскимъ отдано было Галагану, бывшему въ то время чигиринскимъ полковникомъ. А когда, вслѣдствіе прутскаго договора, это полковничество уничтожилось, то Галаганъ, перейдя на лѣвый берегъ, задумалъ было поселиться въ Липовомъ. Липовскій козакъ Цыбуля разсказывалъ въ томъ-же 1745 г., что, „когда Галаганъ съ той стороны Днѣпра пришелъ въ Липовое, то поселился, на первое время, въ дворѣ отца его, Цыбули; а потомъ приказалъ дворъ Цыбули занять себѣ подъ дворецъ...

Переселившись въ Липовое, Галаганъ вмѣстѣ съ крестьянами завладѣлъ и козаками, повернувши ихъ частью въ „бояры“, а частью въ „куренчики“. Козаки болѣе тридцати лѣтъ мирились съ своимъ положеніемъ, но когда сотникъ Александръ Бутовскій вступился за еремѣевскихъ козаковъ, стали жаловаться и липовскіе. Въ 1745 г. они писали: „прадѣды, дѣды отцы наши, поселясь въ селѣ Липовомъ, когда оно садилось слободою, на свободныхъ козачьихъ нивахъ, которыя они же поднимали изъ цѣлины, жили свободно. Потомъ, къ намъ въ село стали переселяться козаки изъ другихъ мѣстъ, покупая грунта у старинныхъ липовскихъ козаковъ и владѣли тѣми грунтами также свободно до пожалованія липовскихъ „мужиковъ“ во владѣніе Галагану.

И сначала владѣнія Галаганомъ тѣми липовскими мужиками, которыхъ въ то время было немного, а грунтовъ у нихъ

и знать было нечего,—мы, козаки, ни отъ Галагана, ни отъ его приказчиковъ не имѣли никакихъ обидъ; такъ продолжалось до прошлаго 1745 г. А въ настоящемъ 1746 году Галаганъ, наѣхавъ въ с. Липовое, сталъ чинить намъ несносныя и нестерпимыя обиды: бьетъ, принуждаетъ „робить панщины", выгоняетъ изъ хатъ, утверждая, что мы живемъ на его землѣ; и совсѣмъ хочетъ подвернуть насъ себѣ въ подданство, а нѣкоторые изъ насъ уже и „подвертались" къ нему въ подданство со страху, что „весьма бьетъ". Жалоба эта была написана 7 сентября, а черезъ три недѣли липовскіе козаки снова писали, что Галаганъ, узнавъ о первой ихъ жалобѣ, „наслалъ гвалтомъ бояръ и служителей своихъ на домы нѣкоторыхъ изъ насъ,—окна, лавки и двери изъ хатъ къ себѣ во дворецъ позабиралъ и нивъ нашихъ собственныхъ орать не позволяетъ, покошенное нами сѣно забрать приказалъ, рыбы ловить въ нашихъ рыболовляхъ не позволялъ, хутора наши разоряетъ". Однимъ словомъ здѣсь повторилась та же исторія, что и въ Еремѣевкѣ. Галаганъ по какимъ то основаніямъ находилъ, что изъ липовскихъ козаковъ—24 двора поселены были на его земляхъ и требовалъ, чтобы они признаны были его крестьянами. Лубенскій полковникъ выслалъ слѣдователя, по распросамъ котораго оказалось, что многіе липовскіе козаки уже болѣе тридцати служили у Галагана „боярами", азъ бояръ они перешли въ крестьяне, такъ какъ не подъ силу было имъ бороться съ такимъ сильнымъ державцею, какимъ былъ Галаганъ. Въ виду давности пребыванія липовскихъ козаковъ въ подданствѣ у Галагана, помочь имъ было уже трудно и и поверстанные въ крестьяне липовскіе козаки такъ и остались крестьянами....

Владѣніе Галагана въ Липовомъ выразилось слѣдующими цифрами: въ 1740 г. тутъ было козаковъ—27 и крестьянъ—24 двор., а черезъ 40 лѣтъ, въ 1780 г., козаковъ осталось почти столько же (28 дв.), а крестьянъ стало втрое болѣе—72 двора.

---

5. Земельные захваты Булюбашей.

Мы видѣли, что чигриндубровскіе сотники Булюбашъ и Бутовскій довольно энергично защищали еремѣевскихъ козаковъ отъ насилій Галагана; но защиту эту не слѣдуетъ приписывать какимъ либо другимъ побужденіямъ, кромѣ личныхъ интересовъ обоихъ этихъ сотниковъ. И Булюбашъ, и Бутовскій отстаивали козаковъ отъ галагановскаго порабощенія, завидуя богатству прилуцкаго полковника, и конечно думали, что для „скупли“ грунтовъ у тѣхъ же самихъ козаковъ и обращенія затѣмъ продавцовъ въ своихъ подсосѣдковъ, у нихъ, мѣстныхъ сотниковъ,—гораздо больше правъ, чѣмъ, у полковника чужого полка, да при томъ же еще и богача...

Иванъ Булюбашъ правилъ чигриндубровскою сотнею около тридцати лѣтъ (1706—1734) и за это время захватилъ на десятки верстъ земельныхъ угодій изъ южно-сульскаго побережья. Захваты Ивана Булюбаша продолжалъ и сынъ его Демьянъ, бывшій лубенскимъ полковымъ судьею. Захваты Булюбашей были произведены главнымъ образомъ изъ громаднаго земельнаго богатства, села Шушваловки. Село это возникло въ к. XVII в., изъ чигриндубровскаго выселка который причислялъ къ своимъ землямъ обширное пространство степи на лѣвомъ берегу Сулы, недалеко отъ ея устья. Уже при Мазепѣ Булюбашъ захватилъ западную полосу этой степи, слывшую подъ именемъ урочища Кагамлыка, на которой и поселилъ три хутора: Горбы, Гринки и Сидоры.

Поселивъ эти хутора и имѣя на нихъ юридическій актъ лишь въ одномъ „листѣ“ полковника Зеленскаго, оказавшагося въ 1708 г. Мазепинымъ согласникомъ, Булюбашъ обратился въ 1709 г. къ своему новому полковнику Савичу, прося его подтвердить ему „Кагамлыкъ.“ Въ выданномъ Савичемъ „листѣ“, читаемъ: „вамъ панамъ старшинѣ городовой чигриндубровской, при желаніи добраго здоровья, объявляемъ, что какъ за бывшаго полковника, кагамлыцкіе „поселяне“ находились въ послушаніи сотника Ивана Булюбаша, такъ и теперь, уважая заслуги послѣдняго, мы приказываемъ вамъ, чтобы вы тѣхъ поселянъ до

городскихъ (т. е. чигриндубровскихъ) дѣлъ не привлекали, а войту „села Кагамлыка“ приказываемъ, чтобы онъ со всѣми жителями того села, по „прежней обыклости“, отдавалъ послушаніе „разоренному дому“ п. Булюбаша...

Съ листомъ Савича Булюбашъ считалъ себя уже полнымъ хозяиномъ „села Кагамлыка“, которое, какъ видно, служило общимъ названіемъ поселенныхъ имъ хуторовъ. Но когда Булюбашъ былъ отставленъ отъ сотничества, вѣроятно по старости, то преемникъ его по уряду, Бутовскій, заявилъ свое притязаніе на Кагамлыкъ, находя, что кагамлыцкіе хутора должны составлять ранговую маетность чигриндубровскихъ сотниковъ. Будучи въ крымскомъ походѣ въ 1738 г., Бутовскій успѣлъ выпросить у фельдмаршала Ласси письменное представительство въ Петербургъ, по которому Кагамлыкъ и былъ отданъ Бутовскому на рангъ. Булюбашъ пожаловался въ Сенатъ, произведено было слѣдствіе и оказалось, что еще въ 1707 г. лубенскій полковникъ (Зеленскій) отдалъ Бутовскому, „за службы“, три хутора, называемые Горбы, Гринки и Сидоры, въ которыхъ хуторахъ и на „прикупленныхъ“ къ нимъ земляхъ Булюбашъ поселилъ вольныхъ людей и тѣ хутора названы селомъ Кагамлыкомъ. Сенатъ нашелъ, что Кагамлыкъ отобранъ отъ Булюбаша неправильно и въ 1742 г. присудилъ—вернуть ему это село. Современемъ названіе Кагамлыка было забыто и вмѣсто него явилось—село Горбы и двѣ деревни—Гринки и Сидоры, существующія подъ этими названіями и теперь.

На шушваловскихъ же земляхъ поселилъ Иванъ Булюбашъ и теперешнее село Лебеховку. Земли эти пріобрѣтены были большею частью посредствомъ „скупли“. Пріобрѣтенія эти въ юридическомъ отношеніи были сомнительны и добыть на нихъ законный актъ было нелегко. Поэтому о такомъ актѣ Булюбашъ сталъ хлопотать уже подъ конецъ своего сотничества и—заручившись, какъ видно, добрымъ расположеніемъ къ себѣ своего полковника Петра Апостола. Отъ послѣдняго въ 1733 г. и былъ выданъ Булюбашу, на Лебеховку, слѣдующій любопытный „универсалъ“: „Объявляемъ симъ нашимъ *универсаломъ* кому о семъ нынѣ и въ потомные часы вѣдать надлежатиметъ, а

особливо п. п. старшинамъ чигриндубровской сотни, городовымъ и сельскимъ, что сотникъ чигриндубровскій п. Иванъ Булюбашъ поданнымъ намъ прошеніемъ объявилъ, что, имѣя онъ въ той же сотнѣ давнимъ временемъ и вновь недавно купленные грунта въ разныхъ мѣстахъ, а особливо на урочищѣ Лебеховкѣ, гдѣ *и слобода осажена*, явилъ на оные грунта купчія и урядовыя записи; и хотя тѣми грунтами и слободою онъ спокойно владѣетъ, однако, дабы и впредь въ томъ владѣніи, какъ онъ самъ, такъ и потомство его не имѣли ни отъ кого препятія и трудности, просилъ на сіе нашего подтвердительнаго универсала. Но понеже заходило сомнѣніе, всѣ ли оные грунта чистою куплею пріобрѣтены (набыты) и нѣтъ ли кому съ подкомендныхъ его отъ кого обиды и спору, того ради нарочно посиланъ былъ отъ насъ полку нашего значковый товарищъ, гражданинъ лубенскій, Семенъ Мирецъ съ тоею инструкціею, дабы онъ, зъѣхавъ въ означенную сотню и тамо—которые суть въ живыхъ продавцы тѣхъ грунтовъ, на которые явлены купчія записи, а которыхъ нѣтъ въ живыхъ, то кто о такой продажѣ и куплѣ извѣстенъ, всѣхъ приглася къ себѣ, спрашивалъ ихъ и взялъ бы у нихъ за руками сказки, если продали съ доброй воли, а не съ принужденія какого и утиску, пану сотнику тіе грунта или вѣдаютъ о такой продажѣ"... Изъ этого акта видно, что Булюбашу для полученія на Лебеховку универсала отъ глуховскихъ правителей, замѣнившихъ умершаго гетмана Апостола, нужно было представить такіе данныя, которыя не возбудили бы сомнѣнія... Вотъ для этого собственно и потребовался такой обстоятельный документъ отъ мѣстнаго полковника, который, конечно, охотно бы выдалъ свой актъ на всякую скуплю... Получивъ отъ полковника желаемыя свѣдѣнія, Булюбашъ уже безъ труда получилъ отъ кн. Барятинскаго, тогдашняго правителя Малороссіи, крѣпкій универсалъ на Лебеховку, которую такимъ образомъ и закрѣпилъ за собою.

Захватъ шушваловскихъ земель продолжалъ и сынъ Ивана Булюбаша—Демьянъ, занимавшій урядъ лубенскаго полковаго судьи. Какъ велики были захваты Булюбаша-сына видно изъ показанія шушваловскихъ козаковъ, которое было записано при

составленіи генеральной описи. Въ этомъ показаніи читаемъ: „абшитованный судья полковой Демьянъ Ивановичъ Булюбашъ—прадѣдовскими, дѣдовскими и отческими нашими общими козачьими грунтами завладѣлъ и съ оныхъ, съ спокойного предковъ нашихъ и самихъ насъ владѣнія, грабительствами, побоями вытѣсненіе намъ чинитъ, а самъ ненадлежаще ими корыстуется; а завладѣлъ онъ слѣдующими землями: отъ рѣчки отъ Полной всѣми кутами по Лебеховку, и къ тѣмъ кутамъ пахатною землею по Мамичевъ бродъ да по Хилькову гребельку, въ длину—верстъ на 4, а въ ширину—верстъ на 3. Да захватилъ онъ, Демьянъ Булюбашъ, наши земли по Михнову могилу да по могилу Мандриделину, подъ самое с. Шушваловку, а затѣмъ отъ Свѣтайловой могилы до Стовбовахи, а отъ Стовбовахи по Лебедишину могилу, въ длину—6, а въ ширину — 4 версты; и на той нашей козачьей общественной землѣ поселилъ слободки: *Столбоваху, Кринки и Марченкову*. Да завладѣлъ сагою (рѣчкою) Лебеховкою и не позволяетъ намъ не только косить на той сагѣ камышъ для крышъ на наши дома, но не допускаетъ и скота поить... А если кто камышу накоситъ, то забираетъ у тѣхъ скотъ, а другихъ бьетъ и немалый искупъ (штрафъ) чорными смушками беретъ; а у кого смушковъ нѣтъ, то тѣхъ заставляетъ накосить ему, Булюбашу, по 25 копицъ сѣна отъ хаты. Да въ той же сагѣ издревле вольно было намъ ловить рыбу, а теперь Булюбашъ не допускаетъ...

Невдалекѣ отъ Столбовахи (теперь село) находится слободка *Слюзовка*. Это тоже захватъ Булюбаша, но еще отца. На мѣстѣ этой слободки находился хуторокъ козачки Татьяны Брусихи. За „нѣкоторое прегрѣшеніе“ [1]) послѣдней Иванъ Булюбашъ, по своей сотничьей власти, хуторокъ этотъ отобралъ и подарилъ своему зятю Семену Слюзу, причемъ прихватилъ и козачьихъ „общихъ“ земель въ длину на пять, а въ ширину на четыре версты... Такъ показывали въ 1767 г. тѣже шушваловскіе козаки.

---

[1]) Несомнѣнно, что „прегрѣшеніе“ было любовное....., За судъ въ такихъ прегрѣшеніяхъ, старшина получала всегда хорошую мзду...

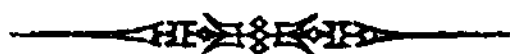
Захваты Булюбашей къ концу XVIII в. выразились тѣмъ, что въ 1780 г. у нихъ на захваченныхъ земляхъ было крестьянъ: въ с. Лебеховкѣ—41 дв. и 60 хатъ; въ д. Гринкахъ—32 дв. и 53 х.; въ с. Горбахъ—24 дв. и 60 х.; въ д. Сидорахъ—8 дв. и 29 х.; въ слоб. Кринкахъ—8 дв. и 21 х. и въ слоб. Стовбовахѣ—15 дв. и 26 х., *а всего—128 дв. съ 249 хат.*

Для полноты картины захвата шушваловскихъ земель, слѣдуетъ сказать о происхожденіи возникшаго на этихъ же земляхъ села *Кривой Руды.* На мѣстѣ теперешней Кривой Руды въ к. XVII в., былъ хуторъ, принадлежавшій охочекомонному полковнику Ивану Рубану. Состарѣвшись, Рубанъ постригся въ монахи, а хуторъ передалъ сестрѣ своей Евдокіи Тюпчихѣ, которая умирая въ 1714 г., завѣщала этотъ хуторъ „Лялинскому монастырю“, какъ сказано въ завѣщаніи. Монастыря Лялинскаго не было, но такъ какъ Лялинцы принадлежали Переясловскому монастырю и въ селѣ этомъ жилъ особый городничій-монахъ, то лялинская церковь и слыла въ народѣ монастыремъ. Получивъ Кривую Руду въ 1714 г., переяславскіе монахи стали захватывать окрестныя земли, называя ихъ криворудскими. Захваченныя монахами земли стали у нихъ отнимать чигриндубровскіе и шушваловскіе козаки, которыхъ хутора поселены были вокругъ Кривой Руды. Возникло судебное дѣло, для веденія котораго козаки выбрали повѣреннымъ своего атамана Дмитрія Салогуба; послѣдній пригласилъ къ себѣ въ товарищи значковаго товарища Якова Самуся, съ которымъ и велъ это дѣло по судамъ, пока въ 1747 г. не кончилъ его съ монахами миромъ, причемъ послѣднимъ отдана была часть криворудской степи, а монахи въ свою очередь признали за чигриндубровскими и шушваловскими козаками право на тѣ ихъ хутора, которые возникли тутъ до спора. Значительнѣйшими изъ этихъ хуторовъ были: *Торяники*, у самой Кривой Руды, и хуторъ *Самусевка*, устроенный Ульяною Самусихою, матерью Якова Самуся. Подписавши мировую, чигриндубровскіе и шушваловскіе козаки впослѣдствіи разсказывали, что отъ такого окончанія ихъ спора выиграли только Салогубъ и Самусь, изъ которыхъ первый—захватилъ землю, прилегавшую къ Кривой

Рудѣ, длиною въ 4, а шириною въ 1½ версты и поселилъ на ней слободу—Торяники, которая къ концу XVIII в. стала селомъ[1]); а Самусь къ хутору своей матери, прихватилъ земли еще больше: на 3 версты длиною и шириною, на которомъ возникла тоже значительная слобода—Самусевка.

Изъ незначительнаго рубановскаго хутора монахи къ к. XVIII в. образовали село, въ которомъ въ 1780 г. было уже 100 дворовъ съ 118 хатами и которое, сохраняя память о монашескомъ владѣніи, называется иногда и *Чернетчиною.* Хозяева Торяниковъ и Самусевки, не принадлежа къ старшинѣ, не могли садить крестьянъ въ своихъ слободахъ; вмѣсто нихъ садили они *подсосѣдковъ*; „подсосѣдками" называется здѣшнее крестьянское населеніе, еще и въ 1780 г., когда его было: въ Торяникахъ—24 дв. и 52 х., а въ Самусевкѣ—22 дв. и 60 х. Указъ 3 мая 1783 г. этихъ подсосѣдковъ обратилъ въ крестьянъ, собственниками которыхъ стали прежніе козаки, пробравшіеся затѣмъ, при наличности у нихъ этихъ крестьянъ, въ „паны"...[2]).

Ал. Лазаревскій.

[1]) Теперь Торяники слились съ селомъ Кривою Рудою, составляя южную его часть.

[2]) Приведенныя въ этихъ очеркахъ свѣдѣнія взяты нами изъ находившейся въ полтавской казенной палатѣ Румянцевской описи, частью которой мы пользовались лѣтъ двадцать назадъ, когда опись была еще цѣла.

Путешествіе импер. Екатерины II въ южную Россію въ 1787 году.[1]

Отдохнувъ въ Бахчисараѣ, Императрица съ графомъ Фалькенштейномъ и прочими спутниками 22 мая выѣхала въ Севастополь; перемѣна лошадей была черезъ 20 верстъ при Мекензіевомъ хуторѣ, а затѣмъ, проѣхавъ 14 верстъ, остановились въ Инкерманѣ. Это былъ въ старину богатый и многолюдный городъ, называвшійся греками Ѳеодоре—теперь же путешественники видѣли только развалины уцѣлѣвшихъ стѣнъ и башенъ. Въ каменной горѣ, на которой расположенъ Инкерманъ, еще существовали высѣченныя въ нѣсколько ярусовъ небольшія пещеры, имѣвшія между собою сообщенія, но онѣ всѣ обвалились.

Здѣсь на самой высотѣ инкерманскихъ горъ, построено было, по приказанію кн. Потемкина, великолѣпное временное зданіе, и изготовленъ для Императрицы обѣдъ. Видъ изъ этого зданія былъ прелестный: на южной сторонѣ древнія укрѣпленія Ѳеодоре и Инкерманская долина, по срединѣ коей протекала небольшая рѣчка Черная, по татарски Біюкъ-юзенъ, а у береговъ ея разсѣяны по лугу деревья; по обѣимъ сторонамъ долины возвышались отвѣсныя скалы изъ бѣлаго мягкаго камня, въ которыхъ изсѣчено нѣсколько церквей[2]) и множество четыреугольныхъ комнатъ съ корридорами, съ выходами и лѣстницами; на сѣверной горѣ виднѣлись ущелья и долины, усѣянныя деревьями и кустарниками. Императорскій поѣздъ прибылъ въ Инкерманъ, сопровождаемый хоругвью мурзъ и дивизіономъ вольно

[1]) См. Кіевская Старина, 1891 г., № 9.

[2]) Въ одной изъ этихъ церквей устроенъ впослѣдствіи скитъ, во имя святаго Климента, папы Римскаго.

поступившихъ въ службу татаръ, которые не отставали отъ поѣзда во все время переѣзда отъ Бахчисарая; во главѣ ихъ летѣлъ на татарской лошади полковникъ Горичъ (К.-ф. ж. 1787).

Въ Инкерманѣ былъ приготовленъ обѣдъ, и въ столовой съ западной стороны окна съ намѣреніемъ были занавѣшены, но когда сѣли за столъ и заиграла музыка, занавѣсь съ оконъ большого балкона спала и открыла взорамъ Императрицы и всѣхъ присутствующихъ великолѣпный видъ обширнаго севастопольскаго рейда, на которомъ красовался черноморскій флотъ, состоявшій изъ 3 кораблей, 12 фрегатовъ, 20 мелкихъ судовъ, трехъ бомбардирскихъ и двухъ брандеровъ. По сигналу, данному кн. Потемкинымъ, корабль „Слава Екатерины" поднялъ кейзеръ—флагъ, и тотчасъ каждое судно салютовало 12 выстрѣлами, а съ флагманскаго корабля отвѣчали изъ 9 пушекъ. Хорошая погода благопріятствовала торжеству.

Послѣ обѣда, который кончился въ четверть 2-го часа по полудни, Императрица съ графомъ Фалькенштейномъ отъѣхали въ фаэтонѣ къ пристани, неподалеку устроенной, сѣли на великолѣпный катеръ и, въ сопровожденіи свиты на другихъ катерахъ, продолжали шествіе водою къ Севастополю.

Нѣтъ сомнѣнія, что Императрица съ нетерпѣніемъ желала посмотрѣть свое созданіе—новую русскую морскую силу. Еще въ 1783 г., желая имѣть портъ на Черномъ морѣ, она приказала осмотрѣть на южномъ берегу Крыма бухту подъ названіемъ Ахтіарскую (отъ татарской деревни Ахтіаръ), и если окажется удобнымъ, занять эту бухту, устроить портъ, перевести туда часть азовскаго и днѣпровскаго флота и назвать его Черноморскимъ; бухта была найдена удобной, и тогда же туда приведены были корабли и нѣсколько мелкихъ судовъ. Въ августѣ мѣсяцѣ 1783 г. Потемкинъ назначенъ былъ командующимъ Черноморскаго флота, въ штатъ котораго назначено было два корабля 80—пушечныхъ, десять 66—пушечныхъ, 8 фрегатовъ 50—пушечныхъ, шесть 32—пушечныхъ и шесть 22—пушечныхъ.

Въ слѣдующемъ 1784 г. Императрица переименовала татарскую деревню Ахтіяръ въ Севастополь, что на греческомъ языкѣ значитъ „знаменитый городъ". Въ 1787 году 25 апрѣля,

къ прибытію Императрицы, въ Севастополѣ стояло на рейдѣ 3 корабля, 12 фрегатовъ, 20 мелкихъ судовъ, 3 бомбардирскихъ и 2 брандера, всего 40 военныхъ судовъ, въ слѣдующемъ порядкѣ: въ первой эскадрѣ: корабль „Слава Екатерины“, фрегаты: „Крымъ“, „Осторожный“, „Легкій“ и „Почталіонъ“; во второй—корабль „Марія Магдалина“, фрегаты: „Св. Андрей“, „Вѣстникъ“, „Побѣда“ и „Скорый“; въ третьей—корабль „Павелъ“, фрегаты: „Св. Георгій“, „Поспѣшный“, „Стрѣла“ и „Перунъ“, а прочія мелкія суда стояли въ особой линіи. Когда приблизились къ флоту, на катерѣ Императрицы былъ поднятъ штандартъ и въ это мгновеніе вдругъ корабли и фрегаты спустили свои флаги, юйзы и вымпелы, салютовали изъ своихъ пушекъ, а матросы, стоявшіе по реямъ, вантамъ и бортамъ, кричали „ура“! Потомъ, когда катеръ Императрицы со штандартомъ поровнялся съ флагманскимъ кораблемъ, каждое судно сдѣлало 31 выстрѣлъ при повтореніи „ура“ матросами, и тогда же производилась пушечная пальба съ транспортовъ и купеческихъ судовъ, съ севастопольскаго берега и съ четырехъ батарей, расположенныхъ при входѣ въ гавань. Обойдя флотъ въ половинѣ 5-го часа и приближаясь къ городу, который расположенъ былъ на горѣ амфитеатромъ, Императрица пристала къ Графской пристани и вступила во дворецъ, который къ пріѣзду ея былъ выстроенъ на городовой сторонѣ, близъ пристани, именовавшейся тогда Графскою [1]), нынѣ Екатериненская. Пристань эта была выстроена гр. Воиновичемъ, начальникомъ флота и города, занявшимъ мѣсто умершаго контръ-адмирала Мекензи.

У крыльца встрѣтили Императрицу греческіе купцы и прочіе жители Севастополя съ хлѣбомъ и солью. (К.-ф. ж.).

По прибытіи въ покои, всѣ морскіе чины съ контръ-адмираломъ Воиновичемъ во главѣ, были жалованы къ рукѣ, а гр. Безбородко представилъ россійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ на Мальтѣ, капитана перваго ранга Таро, который поднесъ Импе-

---

[1]) Графъ Воиновичъ жилъ въ казенномъ домѣ, устроенномъ на мысѣ, гдѣ срыта гора для построенія новаго Лазарева адмиралтейства; и такъ какъ онъ переправлялся ежегодно въ городъ на гребномъ суднѣ и приставалъ къ этой пристани, то она и названа была Графскою.

ратрицѣ присланную отъ гросмейстера пальмовую вѣтвь съ кустомъ цвѣтовъ, украшенныхъ трофеями, въ знакъ побѣдоноснаго пріобрѣтенія Тавриды. Императрица отдала вѣтвь Потемкину, какъ основателю Севастопольскаго порта, а князь тогда же послалъ ее на корабль „Слава Екатерины". (К.-ф. ж. 1787 г.).

Свѣдѣнія о пріѣздѣ въ Севастополь и пребываніи тамъ Императрицы 22 и 23 мая, оставленныя намъ спутниками Императрицы Императоромъ Іосифомъ II, графомъ Сегюромъ, а также очевидцемъ Сенявинымъ, дополняютъ наши сказанія многими любопытными подробностями.

Сенявинъ разсказываетъ, что съ того момента какъ Императрица съ пристани поѣхала осматривать флотъ, „Государыня, при вступленіи на свой катеръ милостиво привѣтствуя людей, изволила сказать: „Здравствуйте друзья мои!" Гребцы отвѣчали разомъ: „Здравствуйте матушка Царица наша!" Потомъ угодно было Ей сказать: „Какъ далеко я ѣхала, чтобы только видѣть васъ".—Тутъ загребной матросъ Жаровъ, (который послѣ былъ лучшій шкиперъ во флотѣ), отвѣтствовалъ Ей: „Отъ евдакой матушки Царицы чего не можетъ статься!" (какъ хотите, такъ и разбирайте отвѣтъ матроса, едва знающаго читать да писать).—Государыня оборотясь къ графу Воиновичу, сказала по французски съ большимъ, какъ казалось, удовольствіемъ: „Какіе ораторы твои матросы". Гребцы были подобраны, какъ говорится, молодецъ къ молодцу; росту были не менѣе каждый десяти вершковъ, прекрасные лицомъ и собою, на правой сторонѣ всѣ были блондины, а на лѣвой всѣ брюнеты. Одежда ихъ была: ранжевые атласные широкіе брюки, шелковые чулки, въ башмакахъ, тонкія полотняныя рубашки, галстукъ тафтяной того же цвѣта пышно завязанъ, а когда люди гребли, тогда узелъ галстука съ концами закинутъ былъ на спину, фуфайка ранжевая тонкаго сукна выложена разными узорами чернаго шнура (цвѣты ранжевый и черный означаютъ гербъ Императорскій), шляпа круглая съ широкимъ галуномъ, съ кистями и султаномъ страусовыхъ перьевъ; катеръ блестѣлъ отъ позолоты и лаку; прочіе и капитанскіе катера выкрашены также наилучшими красками подъ лакъ; гребцы были одѣты въ тонкія синяго сукна фуфайки,

брюки шелковые полосатые, розовой платокъ или галстукъ и шляпы съ позументами. Люди на реяхъ поставлены были въ лѣтнемъ платьѣ, фуфайки и широкіе брюки бѣлые, шолковый галстукъ, круглая шляпа и въ башмакахъ, кушаки были, по кораблямъ, разныхъ цвѣтовъ, на подобіе лентъ георгіевскихъ, владимірскихъ; за единообразіемъ въ то время не гнались, было бы только пристойно и хорошо. Лишь только катеръ съ Государынею отвалилъ отъ берега и показался штандартъ, въ то самое время съ судовъ всего флота и крѣпостей салютовано съ каждаго по сто одному выстрѣлу; потомъ, когда Государыня прибыла противу средины флота, салютовано въ другой разъ; наконецъ, по прибытіи Императрицы къ пристани, по снятіи штандарта, салютовано въ третій разъ по стольку же выстрѣловъ. День ясный клонился къ вечеру, теплота воздуха охлаждалась легкимъ вѣтромъ съ моря, и все это вмѣстѣ привѣтствовало шествіе Государыни наивеликолѣпнымъ образомъ".

„По прибытіи Ея Величества во дворецъ, генералитетъ, штабъ и оберъ-офицеры были представлены и всѣ удостоены руки Ея Величества. Я находился въ это время на кораблѣ и былъ занятъ нѣкоторыми распоряженіями, и потому представленъ часа за два особо; когда я цѣловалъ руку Государыни, тогда князь Григорій Александровичъ сказалъ нѣсколько словъ въ пользу мою; Ея Величество изволила подать мнѣ другую руку и сказала: „вотъ ему въ другой разъ и другая моя рука за хорошую его службу". Я не могу выразить тогдашній мой восторгъ, а скажу только, что всѣ послѣдующіе въ жизни моей награжденія, никакъ уже сравняться съ нимъ не могли. Въ то время цѣлованіе Царской руки дѣлалось съ колѣнопреклоненіемъ; можетъ я и ошибаюсь, но мнѣ тогда и теперь это казалось весьма и очень хорошо".

„На сѣверной сторонѣ построенъ былъ фальшивый городокъ съ крѣпостью; около 10 часовъ вечера, когда сдѣлалось довольно темно, бомбардировали оный два корабля линейныхъ и два бомбардирскихъ; весьма удачно взорвали крѣпость и сожгли городокъ. Государыня была очень, очень довольна [1]).

[1]) Въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ записана бомбардировка подъ 23-мъ мая.

Сегюръ описываетъ пріѣздъ въ Севастополь и вообще впечатлѣнія свои о крымской природѣ, какъ поэтъ, литераторъ и художникъ, но не удаляясь и отъ политическаго горизонта. Разставшись съ Бахчисараемъ, мы ѣхали по роскошнымъ долинамъ черезъ рѣку Кабарту: берега ея такъ живописны, что всѣ прилежащія селенія походятъ на сады. Къ обѣду мы прибыли въ Инкерманъ, называвшійся у грековъ Ѳеодоре, а у татаръ—Ахтіаромъ [1]). Здѣсь высокія горы полукружіемъ огибаютъ широкій и глубокій заливъ, гдѣ нѣкогда стояли древніе города Херсонесъ и Евпаторія. Эту знаменитую пристань полуострова Херсонеса Таврическаго, позже называвшагося Гераклейскимъ, Императрица назвала Севастополемъ. Видъ береговъ Тавриды, посвященныхъ Геркулесу и Діанѣ, напомнилъ намъ миѳическія времена грековъ и уже болѣе историческую эпоху босфорскихъ царей и Митридата.

Между тѣмъ, какъ Ихъ Величеста сидѣли за столомъ, при звукахъ прекрасной музыки, внезапно отворились двери большаго балкона, и взорамъ нашимъ представилось величественное зрѣлище: позади разступившихся рядовъ татарскихъ всадниковъ мы увидѣли заливъ верстъ на 12 въ длину и на 4 въ ширину; посреди этого залива виднѣлось море, а изъ столовой, гдѣ мы обѣдали, мы увидѣли въ гавани въ боевомъ порядкѣ грозной флотъ, построенный, вооруженный и совершенно снаряженный въ два года. Государыню привѣтствовали залпомъ изъ пушекъ, и грохотъ ихъ, казалось, возвѣщалъ Понту Эвксинскому, что есть у него повелительница, и что не болѣе, какъ черезъ 30 часовъ корабли Ея могутъ стать передъ Константинополемъ, а знамена ея арміи—развѣваться на стѣнахъ его. Мы спустились въ заливъ, Екатерина обозрѣвала корабли свои и дивилась глубинѣ и ширинѣ залива, вырытаго природою, будто съ намѣреніемъ устроить здѣсь прекраснѣйшую пристань въ мірѣ. Проѣхавъ заливъ, мы пристали къ подножію горы, на которой полукружіемъ возвышался Севастополь, построенный Ека-

---

[1]) Ахтіаромъ собственно называлось мѣстечко, гдѣ построенъ Севастополь, а Инкерманъ въ семи верстахъ оттуда.

териною. Нѣсколько зданій для складки товаровъ, адмиралтейство, городскія укрѣпленія, 400 домовъ, толпы рабочихъ, сильный гарнизонъ, два госпиталя, верфи, пристани, торговая и карантинная—все придавало Севастополю видъ довольно значительнаго города. Намъ казалось непостижимымъ, какимъ образомъ въ 2,000 верстъ отъ столицы, въ недавно пріобрѣтенномъ краѣ, Потемкинъ нашелъ возможность построить такой городъ, создать флотъ, укрѣпленную гавань и поселить столько жителей: это дѣйствительно былъ подвигъ необыкновенной дѣятельности.

Три корабля, спущенные при насъ въ Херсонѣ, и другіе изъ Таганрога должны были прибыть сюда вскорѣ. Но пока въ заливѣ уже стояла эскадра изъ 25 военныхъ кораблей, совершенно вооруженныхъ, снабженныхъ всѣмъ нужнымъ и готовыхъ по первому приказанію Екатерины тотчасъ стать подъ паруса.

Входъ въ заливъ спокоенъ, безопасенъ, защищенъ отъ всякихъ вѣтровъ и такъ достаточно узокъ, что съ береговыхъ батарей можно открыть перекрестный огонь, и даже ядра могутъ прицѣльно долетать съ одной стороны на другую. Совершенно понятно, что видъ такихъ силъ на морѣ и на сушѣ воспламеняетъ воображеніе Императрицы и усиливаетъ ея тщеславіе. Лесть и похвалы придворныхъ, воинственныя рѣчи и порывы любимаго министра, принца де-Линя и Нассау-Зигена могли бы отвратить Императрицу отъ миролюбивыхъ намѣреній, но, повидимому, она не хочетъ измѣнять имъ. Булгаковъ, посланный изъ Херсона обратно въ Константинополь, имѣетъ порученіе предложить Портѣ миролюбивое соглашеніе. Императрица спросила у меня мое мнѣніе о новыхъ преобразованіяхъ во флотѣ. „Ваше Величество, сказалъ я,—загладили тяжкое воспоминаніе о прутскомъ мирѣ. Запорожскихъ разбойниковъ Вы превратили въ полезныхъ подданныхъ и подчинили татаръ, прежнихъ поработителей Россіи. Наконецъ, основаніемъ Севастополя Вы довершили на югѣ то, что Петръ началъ на сѣверѣ. Вамъ остается одинъ только славный подвигъ—одержать побѣду надъ природою, населить и оживить всѣ эти завоеванныя земли и обширныя степи, чрезъ которыя мы недавно проѣз-

жали". Въ самомъ дѣлѣ, ничто уже не могло помѣшать Екатеринѣ скромно наслаждаться совершеніемъ такого подвига,—развѣ бы она захотѣла, вмѣсто занятій этимъ полезнымъ дѣломъ, отваживаться на новыя завоеванія и, можетъ быть, тѣмъ повредить своей славѣ, потому что нерѣдко нежданныя неудачи разстраиваютъ самыя обдуманныя предпріятія и внезапно омрачаютъ царствованія самыя славныя. Вѣроятно, подобныя мысли останавливали рѣшимость Екатерины и боролись въ умѣ ея съ внушеніями ея честолюбія, ея министровъ и царедворцевъ.—(См. Mem. de Segur).

Сегюръ, передавая разговоры съ императрицею не забылъ и о своемъ другѣ и товарищѣ путешествія принцѣ де-Линь.

Въ то время, какъ имератрица любовалась въ Севастополѣ Черноморскимъ флотомъ, принцъ де-Линь, отправился въ пожалованную ему дачу на берегу Крыма, близъ монастыря св. Георгія.

Сегюръ въ своихъ запискахъ замѣчаетъ, что едва ли императрица могла сдѣлать болѣе приличный подарокъ этому отличному, умному человѣку, который, при своемъ воинственномъ нравѣ,скорѣе являлся какимъ то сказочнымъ и романтическимъ витяземъ, нежели лицомъ историческимъ. Но и Сегюръ и принцъ Нассау-Зигенъ, не могли воздержаться поближе посмотрѣть крымскій берегъ.

„Мы съ Нассау-Зигеномъ, пишетъ Сегюръ, проѣхались вдоль по южному берегу и видѣли портъ Символонъ[1]). Здѣсь, какъ и во всѣхъ почти пристаняхъ Херсонеса Гераклейскаго, встрѣчаются часто пещеры съ комнатками, часовнями, кельями и надгробными камнями съ греческими надписями. Грустно смотрѣть на эти скалы, эти крутыя горы, глубокія пещеры и страшныя ущелья. Это мѣста, поистинѣ достойныя служить жилищами таврамъ и ихъ доброму царю Тоанту. Полные мрачныхъ впечатлѣній, мы не могли разсѣяться видомъ Балаклавы, прежняго Символона. Это торговый городъ, почти исключительно

[1]) Греческій Символонъ, у генуезцевъ—Цембало теперь по турецкому имени Балаклава.

населенный греками, армянами и жидами, сохранившими полную свободу богослуженія и обычаевъ подъ русскимъ, такъ-же какъ и подъ татарскимъ, владычествомъ.

Какъ во всѣхъ старинныхъ греческихъ или восточныхъ городахъ, здѣсь улицы узки, дома низки и мостовая изъ разноцвѣтныхъ камней. Дѣятельные, промышленные жители здѣшніе, чтобы украсить это скучное мѣсто, стараются разводить сады на склонѣ черныхъ, высокихъ горъ, ихъ окружающихъ.

Сегюръ смотрѣлъ на все глазами литератора и дипломата, а императоръ Іосифъ II оцѣнивалъ все видѣннное въ Севастополѣ, какъ военный и притомъ принимавшій участіе въ замыслахъ Екатерины объ изгнаніи турокъ изъ Европы.

Мы выѣхали, пишетъ онъ своему фельдмаршалу, изъ Бахчисарая, предшествуемые отрядомъ изъ осьми сотенъ татаръ: карету нашу, совершенно открытую, окружали генералы, пажи и донскіе казаки, поднимая цѣлый столбъ пыли, которая обдавала насъ и засоряла у насъ всѣ отверстія. Какъ бы вы прокляли ихъ, мой милый маршалъ!

Доѣхавъ къ обѣду, мы увидѣли вдали бухту, гдѣ стоятъ на якорѣ слишкомъ двадцать линейныхъ кораблей и фрегатовъ, которые Императрица держитъ въ севастопольскомъ портѣ. Во время стола палили изъ пушекъ за здоровье Императрицы, которая затѣмъ, обратясь ко мнѣ съ рѣчью, выпила за здоровье своего лучшаго друга; ея примѣру послѣдовали всѣ присутствующіе.

Потомъ мы сѣли въ шлюпку, проѣхали вдоль стоящихъ на якорѣ кораблей и подъ звуки пушечной пальбы и военной музыки высадились у зданія адмиралтейства, гдѣ теперь главная квартира Императрицы. Всѣ матросы были выстроены на реяхъ: глядя по числу ихъ, можно судить, что ихъ достаточно для отправленія службы на судахъ. Надобно сознаться, что это было такое зрѣлище, красивѣе котораго трудно пожелать.

Севастополь красивѣйшій портъ, какой я когда либо видѣлъ. Въ немъ могутъ очень удобно помѣститься полтораста кораблей въ совершенной безопасности отъ всякихъ случайностей со стороны моря и отъ непріятеля, который никогда не

отважится проникнуть въ бухту, защищаемую тремя батареями. Выходить изъ бухты въ море можно при трехъ вѣтрахъ. Есть отдѣльная гавань для торговыхъ судовъ, другая для карантина и третья для починки и килованія судовъ.

Настроено уже много домовъ, магазиновъ, казармъ, и если будутъ продолжать такимъ образомъ въ слѣдующіе три года, то, конечно, этотъ городъ сдѣлается очень цвѣтущимъ. Все это очень не по шерсти французскому посланнику, и онъ смотритъ страшно озадаченнымъ.

Обыкновенный переѣздъ отсюда въ Константинополь совершается въ двое сутокъ, а иногда даже только въ полтора сутокъ. Судите же, мой любезный маршалъ, на какія непріятныя размышленія все это должно наводить моего собрата повелителя правовѣрныхъ, который никогда не можетъ быть увѣренъ, что эти молодцы не явятся, не нынѣ завтра, разгромить у него окна пушечными выстрѣлами.

Императрица находится въ восторженномъ состояніи по поводу всего, что она видитъ, и при мысли о новой степени величія и могущества, на которую это возводитъ русскую имперію. Князь Потемкинъ въ настоящее время всемогущъ, и его чествуютъ выше всякаго представленія. Будь у меня возможность такъ близко придвинуться къ Берлину, да будь пруссаки такіе же олухи, какъ турки, я бы не устоялъ противъ желанія отдѣлаться отъ такихъ сосѣдей.

Здѣшніе суда исполнили нѣкоторые маневры. Императрица находилась на адмиральскомъ кораблѣ, который имѣлъ очень красивый видъ. Я былъ на 50-ти пушечномъ фрегатѣ, построенномъ, какъ мнѣ кажется, очень хорошо. Матросы, какъ я понимаю, очень мало обучены своему дѣлу: просто набрали двѣ тысячи рекрутъ, да и назвали ихъ матросами. Здѣсь, какъ вамъ извѣстно, и все такъ дѣлается. Едва только поступивъ во флотъ, они уже лазятъ на мачты. Случается, нѣкоторые ломаютъ при этомъ руки и ноги, чему я самъ былъ свидѣтелемъ, но ихъ скоро замѣняютъ другими; такъ они и будутъ лазить до тѣхъ поръ, пока выучатся.

На судахъ и во флотскомъ госпиталѣ много больныхъ, которые находятся въ ужасномъ положеніи, такъ какъ объ нихъ не заботятся нисколько, и они валяются другъ на дружкѣ, какъ собаки.

Торговый портъ, портъ Каронскій и карантинная гавань, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими бухтами, составляютъ красу Севастополя и дѣлаютъ его чрезвычайно интереснымъ. Я объѣзжалъ гавань и всѣ окрестности города, частію на казацкой лошади и казацкомъ сѣдлѣ, частію въ шлюпкахъ. Вечеромъ съ галіота кидали бомбы въ маленькую деревянную крѣпость, выстроенную нарочно въ одной небольшой долинѣ; эту постройку предполагалось зажечь, но такъ какъ бомбы успѣха не имѣли, то перешли къ гранатамъ и брандкугелямъ, дѣйствіе которыхъ оказалось не болѣе успѣшнымъ; наконецъ, кажется, просто взяли да подожгли доски: ибо вслѣдъ за однимъ выстрѣломъ изъ глубины все зданіе вспыхнуло разомъ, точно на фейерверкѣ, что вышло довольно красиво".

Всѣ подробности впечатлѣній при обозрѣніи Севастополя разсказанныя въ предъидущемъ письмѣ Іосифа II къ своему фельдмаршалу, доказываютъ, съ какимъ особеннымъ любопытствомъ онъ все осматривалъ.

Вечеромъ онъ гулялъ съ Императрицею пѣшкомъ по городу и по набережной, заходили въ лавки, гдѣ Императрица сдѣлала нѣсколько покупокъ: у греческихъ купцовъ Карочи и Чефаки куплено слишкомъ на 1000 р. разныхъ восточныхъ матерій,—у грека *Албанезо* ларчикъ съ круглымъ зеркаломъ за 530 руб. (изъ приходорасходныхъ книгъ кабинета Е. В.).

Въ этотъ день Потемкинъ, вполнѣ счастливый выраженнымъ ему Императрицею удовольствіемъ за все, что она видѣла, угощалъ всю свиту и посланниковъ великолѣпнымъ ужиномъ въ шатрѣ, поставленномъ передъ дворцомъ.

Вечеромъ всѣ берега гавани были освѣщены плошками. (К. Ф. журналъ 1789).

На слѣдующій день, въ воскресенье, 25 мая, Императрица слушала литургію въ каменной севастопольской церкви св. Чудотворца Николая. Литургію совершалъ іеромонахъ Михаилъ,

находившійся при черноморскомъ флотѣ на кораблѣ „*св. Марія Магдалина*".

По возвращеніи во дворецъ, представлены были Императрицѣ и допущены къ рукѣ: жена бригадира Алексіано, жена капитана перваго ранга Тизделъ и жены всѣхъ прочихъ штабъ и оберъ-офицеровъ черноморскаго флота.

Потомъ, въ большой ставкѣ, раскинутой возлѣ дворца, былъ обѣденный столъ на 50 кувертовъ, въ присутствіи Императрицы и графа Фалькенштейна; сверхъ свиты были приглашены: таврическій правитель Каховскій, посланникъ при портѣ Булгаковъ, контръ-адмиралъ графъ Воиновичъ, капитаны бригадирнаго чина: Алексіано и Ушаковъ, капитаны 1 ранга: Тиздель, Псаро, полковникъ Горичъ и прочіе штабъ-офицеры черноморскаго флота.

Въ 6-мъ часу Императрица съ графомъ Фалькенштейномъ и нѣкоторыми особами изъ свиты прошли къ пристани, а отсюда на шлюпкахъ переѣхали на корабль „Слава Екатерины"; тутъ при поднятіи штандарта, корабли, фрегаты и транспортныя суда, на рейдѣ стоявшія, палили изъ пушекъ; по данному приказанію 40-пушечный фрегатъ „*Легкій*" проходилъ мимо всего флота, а графъ Фалькенштейнъ въ это время въ шлюпкѣ ѣздилъ осматривать новой конструкціи 50-ти пушечный фрегатъ „*св. Андрей*"; возвратившись на корабль „Слава Екатерины", онъ, вмѣстѣ съ Императрицею, въ шлюпкѣ ѣздили обозрѣвать севастопольскую гавань и южныя бухты; когда шлюпка Императрицы равнялась съ кораблями, въ то время матросы, стоявшіе по раямъ, вантамъ и бортамъ, кричали „ура", флотъ салютовалъ изъ всѣхъ пушекъ, а съ батарей на берегу производилась канонада.

Сенявинъ, въ своемъ дневникѣ (см. Морской Сборникъ 1855 года № 4. Апрѣль) описываетъ подробно посѣщеніе Императрицею флота 23 мая 1787 года.

„Послѣ обѣда, Государыня изволила посѣтить флотъ; съ нею былъ австрійскій Императоръ Іосифъ; любуясь съ корабля „Слава Екатерины" видомъ Севастополя, Императрица не мало была удивлена, когда князь Потемкинъ при семъ случаѣ подалъ

Ея Величеству записку о числѣ всѣхъ казенныхъ и партикулярныхъ зданій и сказалъ, что „портъ сей никогда не былъ обитаемъ; все, что видите, Ваше Величество, и что показано въ запискѣ, стоятъ всѣ построенія, казнѣ принадлежащія, не болѣе какъ до двадцати тысячъ рублей“. Государыня изволила сказать: „это невѣроятно“. Императоръ австрійскій, вслушавшись въ разговоръ, сказалъ: „comment“,—(Государыня при Императорѣ всегда разговаривала на французскомъ языкѣ) и когда князь объяснилъ Государынѣ, что весь матеріалъ, употребленный на построеніе, какъ то: камень, известь, черепица и пр., работа и мастерство, все сдѣлано и добыто руками матросовъ съ прибавленіемъ отъ казны бревенъ, досокъ, мѣдныхъ вещей, стеколъ и прочихъ тому подобныхъ вещей; за рабочіе деньги положены уставомъ Петра Великаго три копѣйки въ день на человѣка, но я осмѣлился давать имъ по пяти копѣекъ. Государыня изволила сказать: „Это очень мало, прибавьте имъ еще на мой счетъ по пяти копѣекъ“. Императоръ, оборотясь къ Государынѣ, сказалъ Ей въ комплиментъ: „Тебѣ только, мудрая счастливица, возможно дѣлать такія вещи“. Іосифъ II обращеніе имѣлъ весьма свободное и очень часто позволялъ себѣ говорить италіанскіе очень рѣзкіе термины, которые введены тамъ въ такое употребленіе, что даже первокласныя дамы говорятъ ихъ безъ всякаго зазрѣнія совѣсти“. (Морскій Сбор. 1855 г. Дневникъ Сенявина № 4).

Вечеромъ, *въ ставкѣ* у дворца, князь Потемкинъ снова угостилъ свиту, пригласивъ контръ-адмирала графа Воиновича, прекраснымъ ужиномъ, и по приказанію князя были поставлены на столъ морскіе раки и морская разныхъ видовъ рыба. (К.-ф. ж. 1787 г.).

Императрица въ этотъ день писала къ барону Гримму:

„Севастополь, 23 мая 1787 г. Здѣсь, гдѣ тому назадъ три года не было ничего, я нашла довольно красивый городъ и маленькую флотилію, довольно живую и бойкую на видъ; гавань, якорная стоянка и пристань хороши отъ природы, и надо отдать справедливость князю Потемкину, что онъ во всемъ этомъ обнаружилъ величайшую дѣятельность и прозорливость. Ту-

рецкій флотъ, который стоитъ приблизительно въ шестистахъ верстахъ отсюда, еще не показывался; увидимъ, явится ли онъ сюда сдѣлать высадку и выгнать насъ отсюда, какъ предсказываютъ въ газетахъ. Графъ Фалькенштейнъ, по-видимому, очень доволенъ всѣмъ видѣннымъ, а принцъ Де-Линь говоритъ, что это одинъ непрерывный праздникъ [1])“.

Г. В. Есиповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Руск. Архивъ 1878. Стр 143.

Кіевскій воевода П. В. Шереметевъ и нѣжинскій магистратъ (1666—1669 гг.).

Въ началѣ 1666 года прибылъ въ Кіевъ новый воевода, бояринъ и намѣстникъ смоленскій Петръ Васильевичъ Шереметевъ [1]). Вскорѣ послѣ вступленія своего въ должность, Шереметевъ сообщилъ въ Москву, что онъ имѣлъ уже случай показать кіевлянамъ свое безкорыстіе и неподкупность [2]); на основаніи этого заявленія Шереметева наши историки даютъ хорошій отзывъ объ его управленіи [3]). Но не всѣ малороссіяне убѣдились въ бескорыстіи кіевскаго воеводы: съ тѣхъ поръ, какъ Шереметевъ вступилъ въ должность, прошелъ только годъ, а въ Москву уже явились бурмистръ нѣжинскій Яковъ Ждановъ Бутенко и райца Гаврила Тимофеевъ Подкупной съ жалобой на новаго воеводу кіевскаго „во взятыхъ на нихъ двѣ сотъ двадцати рубляхъ“ [4]).

На Москвѣ Бутенко и Подкупной не скоро получили управу: три раза пришлось имъ ѣздить въ столицу. Въ первый свой пріѣздъ (въ 1667 г.) они ничего не добились, на жалобу ихъ не обратили вниманія [5]) и дѣло было возобновлено только

---

[1]) О времени назначенія Шереметева кіевскимъ воеводою и прибытія его въ Кіевъ см. Дворцовые Разряды т. III, столб. 600; Акты Южн. и Зап. Россіи: т. V. № 135, стр. 294, т. VI, № 6, стр. 44; № 24, стр. 74; № 28, стр. 77; № 30, стр. 78.

[2]) А. Ю. З. Р. т. VI, № 39, стр. 100. О дѣйствіяхъ своихъ въ Кіевѣ Шереметевъ сообщилъ въ Москву черезъ дяка Фролова (ibid. стр. 103—105).

[3]) Напримѣръ, С. М. Соловьевъ въ Исторіи Россіи, изданіе 1870 г, томъ XI, стр. 192. Н. И. Костомаровъ особенно хвалитъ (Вѣстн. Евр. за 1879 г. № 5, стр. 39). безкорыстіе П. В. Шереметева.

[4]) Моск. Архивъ Мин. Юстиціи, малоросс. приказа кн. 2 л. 454.

[5]) О времени первой своей поѣздки въ Москву и о ея неудачѣ Бутенко и Подкупной упоминаютъ въ челобитной, поданной ими тогда, когда они пріѣзжали

въ январѣ 1669 г., когда прибыли въ Москву съ соизволенія великаго Государя войсковые посланцы бить челомъ о вольностяхъ Богдана Хмѣльницкаго [1]). Вмѣстѣ съ войсковыми посланцами явилось въ Москву посольство отъ нѣжинскаго магистрата бить челомъ о нуждахъ города Нѣжина. Присланы были отъ нѣжинскаго магистрата „самъ войтъ Александръ Петро*вичъ* Цурковскій" и бурмистръ Яковъ Жда*новъ* Бутенко [2]), тотъ самый, который въ 1667 г. ѣздилъ съ Подкупнымъ въ Москву жаловаться на Шереметева. И на этотъ разъ посланцы нѣжинскаго магистрата „со многими слезами" жаловались на воеводу

въ Москву „въ третьи" (Моск. Арх. Мин Юст. Столб. малоросс. приказа № 5881) Вообще, предлагаемый нами разсказъ о тяжбѣ нѣжинскихъ мѣщанъ съ Шереметевымъ составленъ на основаніи слѣдующихъ документовъ: а) Опись доставленнаго въ Москву Шереметевымъ дѣла о нѣжинскихъ мѣщанахъ Петрѣ Сосимовѣ и Яковѣ Бутенкѣ съ товарищи (Моск. Арх. Мин. Юст. Малоросс. прик. кн. 2, л. л. 450—454). б.) Выписка изъ челобитной нѣжинскихъ мѣщанъ, поданной въ январѣ 1669 г. (Акты Южн. и Зап. Росс. т. VIII, № 11, стр. 43. в.) Три челобитныя нѣжинскихъ мѣщанъ, поданныя ими въ іюлѣ 1669 г. (Моск Арх. Мин. Юст. столб. малоросс. приказа № 588). г.) Великаго Государя указъ о выдачѣ 150 руб. Якову Бутенку и Гаврилѣ Подкупному (Моск. Арх. Мин. Юст. Столб. Сибирск. прик. № 6870).

[1]) Сравн. Акты Южн. и Зап. Россіи т. VII, № 30.

[2]) Перечисленіе лицъ, прибывшихъ въ Москву съ войсковымъ посольствомъ, см. въ Моск. Арх. Мин. Юст. Столб. Сибирск. приказа № 6866; тамъ же указано, что посланцы прибыли въ январѣ 1669 г. 17-го числа. Представители мѣщанъ явились въ Москву вмѣстѣ съ войсковымъ посольствомъ по желанію московскаго правительства. Въ Москвѣ знали (по письмамъ Лазаря Барановича и Многогрѣшнаго—Акты Южн. и Зап. Россіи, т. VII, № 30), что главная цѣль войсковаго посольства—добиться вывода изъ Малороссіи воеводъ, но Московское правительство имѣло также основаніе полагать (см. сообщенія Симеона Адамовича—Акты Южн. и Зап. Россіи т. VIII, № 5, стр. 11), что только для козака „воевода-сущая невзгода", а что мѣщане и поселяне противъ воеводъ ничего не имѣютъ; поэтому наказный гетманъ Многогрѣшный получилъ повелѣніе прислать въ числѣ посланцевъ представителей отъ мѣщанскаго чину и поселянъ (Акты Южн. и Зап. Росс. т. VII, № 46, стр. 133). Но Многогрѣшный по своему исполнилъ этотъ приказъ и написалъ въ Москву, что съ войсковымъ посольствомъ поѣдутъ представители только Нѣжина и Мены; что же касается представителей всѣхъ другихъ городовъ и поселянъ, то они не имѣютъ де надобности ѣхать въ Москву, а о правахъ будутъ бить челомъ на радѣ. (Моск. Арх. Мин. Юст. Столб. Сибирск. прик. № 6866). Такимъ образомъ требованіе прислать представителей отъ мѣщанъ въ Москву имѣло самый неожиданный результатъ: Многогрѣшный, вѣроятно, не безъ умысла прислалъ такихъ мѣщанъ, которые считали себя обиженными главнымъ Малороссійскимъ воеводою и вмѣсто защитниковъ воеводскаго управленія оказались челобитчиками на воеводу кіевскаго.

кіевскаго, „великаго боярина" П. В. Шереметева, который будто бы причиняетъ нѣжинцамъ „скорбь нестерпимую, нищитъ ихъ и разоряетъ"; такъ, напримѣръ, бурмистра Якова Жданова съ товарищи онъ вытребовалъ по ложному доносу въ Кіевъ, держалъ тамъ болѣе трехъ мѣсяцевъ, сажалъ на цѣпь, пока они не дали окупу 220 р. и все это воевода кіевскій учинилъ противозаконно, такъ какъ у нѣжинцевъ есть великаго государя грамота, чтобы имъ судиться своимъ судомъ, а „буде кому до нихъ дѣло, и ихъ бы имать къ *Москвѣ* по великаго Государя зазывной грамотѣ".

На этотъ разъ нѣжинскій магистратъ выбралъ очень удобное время для жалобы на Шереметева: предстояла черневая рада (въ Глуховѣ), на которой московское правительство рѣшилось противиться требованіямъ значнаго козачества о выводѣ изъ Малороссіи царскихъ воеводъ, при чемъ Москва разсчитывала на поддержку „мѣщанъ и поселянъ" [1]), которые, какъ полагали въ Москвѣ, не очень то любили казацкое управленіе [2]). При такихъ обстоятельствахъ въ Москвѣ отнеслись очень внимательно къ челобитью нѣжинскихъ мѣщанъ и не оставили безъ послѣдствій жалобы Цурковскаго и Бутенка. Въ Кіевъ къ Шереметеву отправлена была великаго Государя грамота съ повелѣніемъ доставить въ Москву все дѣло о должностныхъ лицахъ нѣжинскаго магистрата; у бурмистра, райцы и мѣскаго писаря разрѣшено было „объ обидахъ принять челобитныя" на Москвѣ.

Шереметевъ вскорѣ доставилъ въ Москву массу документовъ, въ которыхъ дѣло о нѣжинскихъ мѣщанахъ было представлено въ слѣдующемъ видѣ: въ 1667 г. бурмистръ нѣжинскій Яковъ Бутенко и райца Гаврила Подкупной заявили воеводѣ нѣжинскому, что мѣщанинъ Петръ Сасимовъ говорилъ непристойныя рѣчи про указныя статьи великаго Государя, т. е., про утвержденныя государемъ „московскія статьи" Брюховецкаго, на основаніи которыхъ нѣжинскій воевода поставилъ въ Нѣжинѣ цѣловальниковъ и таможенныхъ старостъ [3]). (Этими но-

---

[1]) Акты Южн. и Зап. Росс. т. VII, № 46, стр. 133.

[2]) Ibid. т. VIII стр. II.

[3]) Моск. Арх. Мин. Юст. Малоросс. прик. кн. 2. 102.

выми порядками въ Малороссіи многіе были недовольны). На первомъ допросѣ Сасимовъ показалъ, что доносъ на него сдѣланъ ложный, что Бутенко и Подкупной донесли на него по наущенію нѣжинскаго мѣскаго писаря Филиппа Константинова, который приходился Сасимову тестемъ, но „былъ съ нимъ въ недружбѣ". Донесшіе же на Сасимова утверждали, что извѣтъ ихъ могутъ подтвердить протопопъ нѣжинскій Симеонъ Адамовичъ и другіе нѣжинскіе священники. Въ виду этой ссылки воевода нѣжинскій распорядился арестовать Сасимова при съѣзжей избѣ и потребовалъ по извѣту Бутенка сказокъ отъ Адамовича и другихъ священниковъ, которые, однако, Сасимова „въ извѣтѣ очистили, что онъ никакихъ непристойныхъ словъ не говорилъ". Тогда Сасимовъ изъ съѣзжей избы былъ освобожденъ, но этимъ дѣло не кончилось.

Тотъ же недругъ Сасимова Константиновъ обратился къ нѣжинскому войту съ просьбой посадить его зятя Сасимова въ тюрьму. Войтъ исполнилъ просьбу своего писаря и объявилъ Сасимову, что не выпуститъ его изъ тюрьмы, пока онъ не помирится со своимъ тестемъ, писаремъ, и не заплатитъ ему тысячи рублей. Сасимовъ, конечно, не согласился уплатить такую сумму, обвинялъ войта въ томъ, что „онъ судитъ неправдою" и нашелъ возможность послать кіевскому воеводѣ челобитную съ жалобой на должностныхъ лицъ нѣжинскаго магистрата, на бурмистра Бутенка, райцу Подкупнаго и на писаря мѣскаго, которые взвели на него ложное обвиненіе въ непристойныхъ рѣчахъ про указныя статьи великаго государя; далѣе, нанесли ему, Сасинову, оскорбленіе на словахъ, назвавъ его злодѣемъ, а жену его к...ой, наконецъ, посадили его безъ всякой вины въ тюрьму и требуютъ съ него денегъ; въ челобитной своей Сасимовъ просилъ, чтобы воевода кіевскій вызвалъ въ Кіевъ всѣхъ лицъ, на которыхъ онъ жаловался, и далъ бы на нихъ судъ.

Итакъ, Сасимовъ отказывался повиноваться суду по магдебургскому праву, „на права нѣжинцевъ ставилъ кукиши" и искалъ суда у воеводы. Хотя воевода кіевскій не имѣлъ права „вступаться" въ суды мѣщанъ, но въ данномъ случаѣ дѣло шло о „непристойныхъ словахъ", о преступленіи государственномъ,

и Шереметевъ счелъ возможнымъ исполнить просьбу Сасимова. Въ Нѣжинъ къ воеводѣ Ржевскому кіевскимъ воеводою посланъ былъ приказъ выслать въ Кіевъ Сасимова, Бутенка и Подкупнаго. Арестовавъ бурмистра и райцу, Ржевскій отправилъ ихъ подъ конвоемъ въ Кіевъ. Туда же былъ отправленъ и Сасимовъ.

Разсмотрѣвъ дѣло, Шереметевъ призналъ Бутенка и Подкупнаго виновными въ ложномъ доносѣ на Сасимова и приговорилъ: „ихъ было за то ихъ ложное челобитье довелось бить кнутомъ и кнутомъ они не биты *для иноземчества*, а сидѣли они за то скованы и изъ приказной избы освобожены". Но освободивъ Бутенка и Подкупнаго изъ приказной избы, Шереметевъ не позволилъ имъ ѣхать въ Нѣжинъ, а приказалъ имъ жить въ Кіевѣ, пока не кончится ихъ дѣло съ Сасимовымъ, которому воевода разрѣшилъ искать на нихъ судомъ за причиненныя ему обиды. Сасимовъ опять не захотѣлъ судиться по мѣстнымъ правамъ" и подалъ челобитную Шереметеву, причемъ къ прежнимъ жалобамъ присоединилъ двѣ новыя: на писаря мѣскаго нѣжинскаго, называвшаго его воромъ, и на райцу Подкупнаго, который будто бы подалъ на Сасимова ложное челобитье, что онъ „войта нѣжинскаго и всю старшину лаялъ и на права ихъ ставилъ кукиши". Хотя въ этихъ дѣяніяхъ, приписываемыхъ Сасимовымъ Константинову и Подкупному, даже при большой натяжкѣ нельзя усмотрѣть государственныхъ преступленій, однако Шереметевъ принялъ и вторую челобитную Сасимова. Возникло два новыхъ дѣла о „безчестьяхъ"; Шереметевъ продолжалъ держать нѣжинскихъ бурмистра и райцу въ Кіевѣ, а въ Нѣжинъ послалъ одного изъ своихъ подчиненныхъ произвести на мѣстѣ слѣдствіе по челобитнымъ Сасимова.

Такъ продержали въ Кіевѣ Подкупнаго и Бутенка болѣе трехъ мѣсяцевъ; наконецъ, Шереметевъ приговорилъ ихъ къ уплатѣ Сасимову 220 рублей,—100 рублей за безчестье и 120 руб. проѣстей и проторей. Деньги эти были на отвѣтчикахъ „доправлены" и, какъ увѣрялъ въ своемъ донесеніи Шереметевъ, отданы Сасимову; къ дѣлу была даже приложена росписка Сасимова въ полученіи 220 р.

Если вѣрить всему, что сообщается въ этихъ документахъ, то воеводу кіевскаго можно обвинить только въ томъ, что онъ велъ дѣло съ обычною „московскою волокитою“. Но нѣжинцы оффиціальнымъ бумагамъ Шереметева не вѣрили. Нѣжинскій войтъ, узнавъ о злоключеніяхъ своихъ бурмистра и райцы, просилъ у кіевскаго воеводы объясненія, почему онъ, основываясь только на ложныхъ доносахъ, позволяетъ себѣ хватать должностныхъ лицъ нѣжинскаго магистрата, а потомъ за освобожденіе ихъ беретъ большія суммы денегъ. Шереметевъ отвѣтилъ войту, что деньги 220 р. онъ взыскалъ не въ свою пользу, а въ пользу челобитчика Сасимова, выдавшаго въ полученіи денегъ росписку; что бурмистръ нѣжинскій арестованъ не по ложному доносу, а „за непристойные рѣчи, что онъ говорилъ въ пьянстве“.

Этотъ отвѣтъ войту и нѣкоторыя несообразности въ присланныхъ Шереметевымъ въ Москву документахъ доказываютъ, что въ оффиціальныхъ бумагахъ кіевского воеводы дѣло о нѣжинскихъ мѣщанахъ изложено не вполнѣ вѣрно, причемъ нѣкоторыя весьма существенныя подробности, о которыхъ узнаемъ изъ поданныхъ нѣжинцами въ 1669 г. челобитныхъ, или пропущены, или упоминаются только вскользь. Такъ, воевода кіевскій не упоминаетъ о томъ, что нѣжинскіе бурмистръ и райца, будучи доставлены въ Кіевъ, заявили, что по данной имъ государевой жалованной грамотѣ воеводы не имѣютъ права ихъ судить; а между тѣмъ изъ доставленныхъ Шереметевымъ въ Москву бумагъ видно, что онъ зналъ о томъ, что не имѣетъ права судить малороссіянъ по Соборному Уложенію: онъ не рѣшился приговорить Бутенка и Подкупнаго къ тѣлесному наказанію (бить кнутомъ), которое по Соборному Уложенію полагалось за ложный доносъ (малороссіяне, какъ сообщаетъ самъ Шереметевъ, были свободны отъ тѣлесныхъ наказаній). Сверхъ того, въ письмѣ къ войту, Шереметевъ утверждаетъ, что онъ арестовалъ нѣжинскаго бурмистра не по челобитью Сасимова, а за непристойныя рѣчи, что онъ говорилъ въ пьянствѣ, но изъ дѣла видно, что бурмистръ взятъ былъ въ Кіевъ именно по челобитью Сасимова и нѣтъ упоминанія о томъ, что Бутенко

произносилъ „непристойныя рѣчи“, напротивъ, онъ самъ обвинялъ въ этомъ Сасимова.

Далѣе, изъ всего дѣла видно, что Бутенко и Подкупной были въ Кіевѣ „посажены на чепь“ еще до произнесенія Шереметевымъ приговора, и только послѣ судебнаго разбирательства воевода объявилъ, что донесшіе ложно на Сасимова достаточно уже наказаны тѣмъ, что сидѣли скованными. Шереметевъ не объясняетъ, за что посадилъ онъ на цѣпь бурмистра и райцу до судебнаго разбирательства, но въ поданныхъ нѣжинцами Государю челобитныхъ дѣло объясняется такъ: Бутенко и Подкупной, не соглашаясь подчиняться воеводскому суду, требовали разрѣшенія поѣхать въ Москву бить челомъ Государю и за это то требованіе Шереметевъ посадилъ ихъ на цѣпь. Наконецъ, несмотря на то, что Шереметевъ представилъ расписку Сасимова въ полученіи 220 р., Бутенко и Подкупной утверждали, что деньги эти взялъ себѣ Шереметевъ, т. е., что воевода взялъ съ Сасимова расписку, чтобы оформить незаконное взысканіе денегъ въ свою пользу.

Всѣ эти обстоятельства разъяснены были въ Москвѣ Бутенкомъ, Подкупнымъ и Константиновымъ, которые, согласно данному въ январѣ 1669 г. разрѣшенію, прибыли въ столицу 2 іюля 1669 г. [1]) подать челобитныя объ обидахъ, причиненныхъ нѣжинцамъ Шереметевымъ. Въ это время Шереметевъ былъ уже отозванъ изъ Кіева (прибылъ въ Москву 14 іюня 1669 г. [2]). Изъ поданныхъ нѣжинцами челобитныхъ видно, что столь восхваляемый за безкорыстіе Шереметевъ не только принималъ добровольныя подношенія, но даже самъ приказывалъ доставлять себѣ разные припасы къ извѣстнымъ днямъ, напримѣръ, къ именинамъ, что, впрочемъ, не должно было считаться зазорнымъ при московской системѣ управленія, при которой должностныя лица оффиціально заявляли, что „они отъ челобитчиковъ сыти бываютъ“ [3]). Но больше всего жаловались нѣжинцы

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст. Столб. Малор. приказа № 5881, сравн. Южн. и Зап. Росс. т. XIII, № 103, стр. 261.

[2]) Моск. Арх. Мин. Юст. Столб. Малор. прик. № 5884.

[3]) Въ январѣ 1669 г. одному изъ подьячихъ Разряднаго приказа поручено было временно состоять при отвѣтной палатѣ по малороссійскимъ дѣламъ; когда

на то, что Шереметевъ *неоднократно* требовалъ къ себѣ въ Кіевъ должностныхъ лицъ нѣжинскаго магистрата, „билъ ихъ самъ своею рукою въ голову, вземши за волосы“, „держалъ ихъ въ чепи“, пока магистратъ нѣжинскій не выкупалъ арестованныхъ, поднося дары самому боярину, „бояреме“, сыновьямъ ихъ и держальнику. Вообще, когда по какому нибудь случаю нѣжинцы подносили дары Шереметеву, они должны были также одарить не только членовъ его семейства, но и всѣхъ вообще приближенныхъ воеводы, даже пѣвчихъ его и музыкантовъ [1]).

Дѣло свое съ Сасимовымъ Бутенко и Подкупной изложили въ своихъ челобитныхъ не совсѣмъ такъ, какъ оно было изложено въ документахъ, доставленныхъ Шереметевымъ. Бутенко и Подкупной сообщили въ своихъ челобитныхъ слѣдующее: 8 августа 1667 г. Шереметевъ по просьбѣ Сасимова приказалъ доставить въ Кіевъ подъ конвоемъ ихъ, Бутенка и Подкупнаго; въ Кіевѣ Шереметевъ разрѣшилъ имъ жить на свободѣ за порукою кіевскихъ мѣщанъ и дожидаться его суда, но бурмистръ нѣжинскій и райца заявили, что кромѣ великаго государя никто ихъ судить не имѣетъ права, и просились изъ Кіева къ Москвѣ; за такія заявленія Шереметевъ „пересажалъ“ ихъ на цѣпь и сидѣли они на цѣпи три недѣли; попавъ въ бѣду, Бутенко и Подкупной всѣми силами старались умилостивить разгнѣвавшагося боярина и съ этою цѣлью роздали болѣе

кончились переговоры съ войсковымъ посольствомъ, подьячій этотъ билъ челомъ великому государю о томъ, чтобы повелѣно было выдать ему, подьячему, денежное пособіе, такъ какъ онъ „лучшее время, *когда его братья подьячіе отъ челобитчиковъ сыти бываютъ*“ не могъ присутствовать въ приказѣ и оттого „сталъ беззапасенъ, помираетъ голодною смертью“. Государь пожаловалъ челобитчика подьячаго, повелѣлъ выдать ему денежное пособіе (Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, столб. Сибирскаго приказа, № 6866). По всей вѣроятности, такимъ отношеніемъ къ челобитчикамъ въ приказахъ слѣдуетъ объяснить то обстоятельство, что въ Московскомъ Государствѣ расходы на содержаніе администраціи и приказные были весьма незначительны (сравн. Журн. Мин. Нар. Просв. за 1890 г. № 9, статью, П. Н. Милюкова, стр. 103).

[1]) Такія подношенія домочадцамъ воеводы были въ обычаѣ и въ Великороссіи (см. напечатанные Е. В. Барсовымъ документы въ Чтен. Моск. Общ. Ист. и Древн. за 1884 г. № 1, смѣсь стр. 16—17).

ста рублей дѣтямъ Шереметева, его подьячимъ, слугамъ и сторожамъ, самому же воеводѣ кіевскому они обѣщали заплатить „окупки“ 220 р. „чтобъ не страдали болши того, неволи не терпѣли“. Когда кіевскіе мѣщане поручились за Бутенка и Подкупнаго, что они 220 рубл. заплатятъ, Шереметевъ отпустилъ ихъ въ Нѣжинъ. Пріѣхавъ домой, Бутенко и Подкупной не могли сразу собрать требуемой съ нихъ громадной суммы (220 рублей половины XVII в.=около 3740 рубл. нашего времени)[1] и поэтому заложили своихъ женъ и дѣтей кіевскимъ мѣщанамъ, которые и уплатили Шереметеву требуемую имъ сумму.

Уплативъ деньги Шереметеву, Бутенко и Подкупной обратились въ Москву съ жалобой на дѣйствія воеводы кіевскаго, но въ первый свой пріѣздъ въ Москву, какъ выше было сказано, ничего не добились, имъ пришлось „за тѣми деньгами таскаться къ Москвѣ два года“. Между тѣмъ вслѣдствіе измѣны Брюховецкаго Нѣжинъ былъ въ 1668 году разоренъ; Бутенко и Подкупной лишились въ эту „нещастливую“ войну почти всего имущества и не могли выкупить своихъ женъ и дѣтей; будучи въ такомъ безвыходномъ положеніи, Бутенко и Подкупной не оставляли надежды добиться управы въ Москвѣ; прибывъ въ Москву въ январѣ 1669 г. въ числѣ представителей нѣжинскаго магистрата, Бутенко повторилъ жалобу на Шереметева. Правительство, какъ мы видѣли, отнеслось въ январѣ 1669 г. внимательно къ жалобамъ нѣжинскихъ мѣщанъ: у нихъ разрѣшено было принять на Москвѣ объ обидахъ челобитныя. Согласно этому разрѣшенію, въ іюлѣ 1669 г. Бутенко и Подкупной въ третій разъ пріѣхали въ Москву и подали челобитныя, въ которыхъ изложили все дѣло и просили, чтобы великій государь повелѣлъ, „боярину и намѣстнику смоленскому и воеводѣ *бывшему* кіевскому Петру Васильевичу Шереметеву тѣ деньги и всякіе убытки имъ отдать“. 30 іюля 1669 г. „великій государь пожаловалъ бурмистра Якова Жданова да райцу Гав-

---

[1]) Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей при московскомъ университетѣ за 1884 г. кн. I, ст. В. О. Ключевскаго: „Русскій рубль XVI—XVIII в. стр. 61.

рила Тимофѣева для ихъ многаго челобитья и пріѣздовъ и разоренія велѣлъ имъ дать изъ своей великаго государя казны по семдесяти по пяти рублевъ человѣку изъ полоняничныхъ денегъ".

Правительство, разрѣшивъ выдать Бутенку у Подкупному столь значительную сумму (болѣе двухъ третей просимой суммы), тѣмъ самымъ признало, что Шереметевъ дѣйствовалъ въ Кіевѣ не вполнѣ законно; но въ Москвѣ не сочли нужнымъ взыскать деньги съ Шереметева, т. е., не согласились признать, что воевода кіевскій вымогалъ деньги въ свою пользу. Не знаемъ, было ли отозваніе Шереметева изъ Кіева вызвано его дѣломъ съ нѣжинцами. Надѣемся найти отвѣтъ на этотъ вопросъ въ 6-ой книгѣ „Рода Шереметевыхъ" г. Барсукова.

В. Эйнгорнъ.

Прилагаемъ здѣсь наиболѣе интересные изъ документовъ, на основаніи которыхъ составлена настоящая замѣтка.

1) „Приговоръ боярина и воеводъ Петра Васильевича Шереметева с товарыщи: слушав извѣту и всего нѣжинскаго дѣла, приговорили, что бурмистръ Яковъ Бутенко, райца Гаврило Подкупной на Петрушку Сасимова доводили в непристойныхъ словахъ про указныя великого государя грамоты, а то де слышали протопопъ Симеонъ да попы Павелъ да Илья; и протопопъ и попы Петрушку въ томъ очистили, что онъ никакихъ непристойныхъ словъ не говаривалъ и ихъ было за то ложное челобитье довелось бить кнутомъ и кнутомъ они не биты для иноземчества, а сидѣли они за то скованы и изъ приказной избы освобожены, а Петрушка-бъ на нихъ искалъ судомъ".

2) „Царю государю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа великия и малыя и бѣлыя Росіи самодержцу бьютъ челомъ сироты твои нѣжинской бурмистръ Янка Ждановъ да райца Ганка Тимофѣевъ. Въ прошломъ, государь, во 175 году взялъ насъ сиротъ твоихъ изъ Нѣжина въ Кіевъ бояринъ и намѣстникъ смоленскій и воевода киевскій Петръ Васильевичъ Шереметевъ по ложному челобитью нѣжинскаго мѣщанина Петрушки Сасимова и держалъ насъ, сиротъ твоихъ за поруками четырнадцать недѣль, а въ чепяхъ держалъ болѣе дву недѣль, а окупки дали мы, сироты твои, ему, боярину и намѣстнику смоленскому и воеводе киевскому Петру Васильевичу Шереметеву двести двадцать рублевъ и мы, сироты твои,

за тѣми деньгами таскаемся къ Москвѣ третей годъ и, намъ сиротамъ твоимъ, въ ездахъ и волокитахъ и всякихъ харчахъ учинилось убытку двести рублевъ и болши и намъ, сиротамъ твоимъ, дана была твоя, великаго Государя, грамота съ Москвы въ Кіевъ к боярину и намѣстнику смоленскому и воеводе киевскому к Петру Васильевичю Шереметеву зимою, чтобъ то наше дѣло и денги привесть къ Москве, а намъ сиротамъ твоимъ дана твоя, великаго государя, грамота, что намъ судитца самимъ, а буде кому до насъ, сиротъ твоихъ, дело есть и насъ сиротъ твоихъ имать къ Москве по твоей, великаго государя зазывной грамотѣ, а ныне мы сироты твои тѣхъ денегъ не вѣдаемъ гдѣ взять, а женишка наши и дѣтишка закабалилися вѣчно, а оплатитца нечемъ и разорились безъ остатку и намъ, сиротамъ твоимъ, домой ѣхать нелзя, въ кабалахъ будетъ погинуть. Милосердный государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всеа великия и малыя и бѣлыя Росіи самодержецъ, пожалуй насъ, сиротъ своихъ, вели государь тѣ наши денги и всякия убытки ему боярину и намѣстнику смоленскому и воеводе бывшему киевскому Петру Васильевичу Шереметеву отдать намъ, сиротамъ твоимъ, чтобъ намъ, сиротамъ твоимъ, з женишками из дѣтишками в тѣхъ долгахъ въ конецъ не погинуть и вѣчно бъ не разоритца и голодною смертью не умереть. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

3. Роспись для памяти намъ, мѣщаномъ нѣжинскимъ, что мы выдали въ 174 году боярину Петру Васильевичю Шереметеву: декабря въ 23 день какъ шелъ к Киеву черезъ Алишевку и въ тотъ часъ черезъ райца нашихъ Андрея Мниха и Рамана Ѳилоненка такъ много челомъ ударили: хлѣбовъ да калачей на три рубли, рыбы бочку—дали полтретья рубля, масла ольвлянова на два рубли безъ дву гривенъ; вина двойнова на десять рублевъ, две коровы добрые, четыре борана, тритцать пять чети овса—тое дѣлалось за бурмистра Тресавы; въ томъ же году за бурмистра Дмитрея Парѳенова мимо товарыщей своихъ, также бурмистровъ да райцы Ѳедора Вилневца челомъ ударили: два быка волоские—купили, дали шестнадцать рублевъ; десять борановъ; вина двойново на десять рублевъ; солоду ячново на пиво—тритцать пять чети; двенатцеть аршинъ отласу—дали семнадцать рублевъ безъ дву гривенъ. Въ 175 году, за бурмистра Якова Жданова, какъ прислалъ служивого ис Киева въ Нѣжинъ по войта и писаря и въ то число писаря въ Киеве самъ своею рукою бояринъ билъ въ голову, вземши за волосы и въ чепи четверы сутки держалъ и въ то число, ис чепи выкупаючи писаря, боярину дали двадцать аршинъ камки желтой—

аршинъ купили безъ гривны по сороку и то двадцать два рубли; да боярене дали шесть червонныхъ золотыхъ; четыремъ сыномъ дали по червонному золотому, меду кислово две бочки болшихъ купили,—дали двенатцеть рублевъ, три бочки пива—дали полтретья рубли, дватцать осмачекъ солоду—дали восмь рублевъ, Алексѣю Ушакову дали два тареля.

Въ томъ же году весною на Николинъ день самъ войтъ Александро Петровичъ съ товарищеми своими з бурмистромъ и райцами боярину далъ десеть червонныхъ золотыхъ, боярени далъ дватцеть два аршина камки—аршинъ купили по рублю, дѣтемъ дали шестнадцать еѳимковъ; пятъ коровъ—купили по три рубли, десеть борановъ—купили по дватцети алтынъ з гривною; три бочки меду болшихъ—дали осмнадцать рублевъ, семь бочакъ пива болшихъ—дали четыратцать рублевъ четыре гривны; вина двойнова сто квартъ—дали десять рублевъ; простого вина сто квартъ—дали пять рублевъ; сорокъ гусей, тритцать семь утокъ, полтораста курицъ, тысеча еицъ. Да держалнику его Алексѣю Ушакову поднесли три рубли да тарель, бочку пива—дали полтора рубли; два борана, восмь чети овса, пять гусей, шесть утокъ, десеть курицъ, два ста яицъ; пѣвчимъ его дали два еѳимка, жилцу ево Ивашко дали два еѳимка.

Въ томъ же году онъ же бояринъ к именинамъ своимъ велѣлъ прислать и въ то число мы послали въ Киевъ мѣщанъ своихъ Василья Гермаша да Оксена Пилащенка и съ ними отпустили: быка волосково болшого—дали восмь рублевъ; шесть борановъ, пятьдесятъ курицъ, вина двойнова пятьдесятъ квартъ—дали пять рублевъ, солоду ячнова на пиво дватцать осмачекъ—дали восмь рублевъ, пшена полтретьи осмачки—дали три рубли; полосмачки маку; тому жилцу Ивашкѣ, какъ зимою ѣхалъ изъ Зенкова отъ матери въ Киевъ—ему на кормъ дали дватцеть алтынъ; въ томъ же году тотъ же Ивашко ехалъ лѣтомъ ис Киева къ матери въ Зинков—на кормъ ему дали восмь гривенъ, вина двойного дали на дорогу пять квартъ, а опять назадъ, какъ поехалъ отъ матери въ Киевъ и въ то число в Нѣжинѣ стоялъ три дни—на кормъ ему дали рубль, а у которова хозяина стоялъ и онъ у него меду выпилъ на четыре гривны и за тотъ медъ денги платили мы, а на дорогу дали дватцать алтынъ да вина двойново семь квартъ.

Боярскому певчему, какъ с Новыхъ Млыновъ ехалъ отъ матери своей с стрѣлцомъ и у насъ стоялъ двои сутки и мы ему дали на кормъ рубль четыре копейки, полосмачки овса, въ то же число

дали ему подводу, лошедь взяли у мещанина у Семена Трушка—цена десять рублевъ и онъ тое лошадь невѣдомо гдѣ дѣлъ.

Въ томъ же году мѣсяца августа въ 8 день мимо твоего, великаго государя, указу, по ложному челобитью Петра Сасимова, взяты мы, сироты твои, въ Киевъ, бурмистръ Янка да райца Гаврилка, а у насъ, сиротъ твоихъ, твоя великаго государя жалованная грамота, что не велено насъ никуды имать, ни судить никому опричь тебя, великаго государя, на Москве, и мы жили въ Киевѣ за поруками киевскихъ мѣщанъ четырнатцать недель и мы у него, боярина въ то число просились ис Киева къ тебѣ, великому государю, к Москве и онъ насъ за то пересажалъ на чепь; и сидѣли на чепи три недели и мы сироты твои въ то время детемъ ево поднесли и подьячимъ, и слугамъ, и сторожамъ давали и сами свели болши ста рублевъ, а по указу ево боярина Петра Васильевича Шереметева, въ приказъ за порučною киевскихъ мѣщанъ десети человѣкъ нались мы заплатить двѣсти дватцать рублевъ, чтобъ не страдали болши тово, неволи не терпѣли и онъ бояринъ Петръ Васильевичъ насъ ис Киева отпустилъ и мы сироты, приехавши домой, женъ и дѣтей заложили тѣмъ киевскимъ мѣщаномъ и оне за насъ ему денги заплатили и донынѣ жены наши и дети у киевскихъ мещанъ въ закладѣ, потому что война нещастливая наступила, домишка и животы наши въ конецъ разорили и мы къ тебѣ, великому государю, за темъ в третьи волочимся и таскаемся, чаючи твоего милосердаго указу. Царь-государь, смилуйса пожалуй. (Моск. Арх. Мин. Юст. столб. Малоросс. прик. № 5881).

Табачная контрабанда среди кіевскихъ мѣщанъ.

Указомъ Пр. Сената 16 мая 1757 г. „отпускъ за море и за границу папушного черкасскаго табаку“ отданъ былъ на откупъ на 20 лѣтъ сенатору графу Петру Ивановичу Шувалову, который съ своей стороны, по заключенному имъ въ сентябрѣ 1758 г. контракту, предоставилъ эту операцію, въ качествѣ своихъ комиссіонеровъ, московскимъ купцамъ Петру Каблукову и Максиму Алисову.

Этотъ откупъ, какъ видно, весьма невыгодно отразился на интересахъ кіевскихъ мѣщанъ, такъ какъ многіе изъ нихъ до сихъ поръ занимались покупкою въ малороссійскихъ городахъ „папушного табаку“ и продажей его въ Польшу, при чемъ нерѣдко обязывались контрактами на поставку его съ польскими торговцами. Всѣ торговавшіе табакомъ мѣщане кіевскіе, по объявленіи имъ въ магистратѣ послѣдовавшаго объ откупѣ указа, обязались подпискою о невывозѣ табаку за границу безъ дозволенія комиссіонера Каблукова или его повѣренныхъ. Но, видно, не легко было эту подписку выполнить.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1759 г. Каблуковъ доносилъ въ кіев. губ. канц., что де въ послѣднее время въ Кіевъ стали привозить изъ разныхъ малороссійскихъ мѣстъ табаку „противъ прошлыхъ лѣтъ весьма съ умноженіемъ, такъ что и никогда его столь еще не бывало“, а между тѣмъ, по справкамъ де его, какъ въ табачной конторѣ, такъ и въ васильковской и прочихъ кіевской губерніи пограничныхъ таможняхъ „по ярлыкамъ пропуску изъ Кіева оному табаку за границу не значится, и какимъ способомъ тотъ табакъ изъ Кіева отвозится, въ томъ

состоитъ не безъ сумнительства", а потому онъ, Каблуковъ, и проситъ Кіев. губ. канц. потребовать отъ кіев. магистрата обстоятельной вѣдомости: кто именно изъ подольскихъ мѣщанъ торгуетъ табакомъ, по какой цѣнѣ покупаютъ и продаютъ, куда изъ Кіева отпускаютъ, а главнымъ образомъ—сколько вообще въ годъ сбывается въ Кіевѣ мѣщанами табаку и—кстати—„отъ той продажи какое довольствіе кіев. магистратъ въ доходъ имѣетъ".

Магистратъ, исполняя требованіе губ. канц., представилъ вѣдомость, въ которой показано всего семь торговцевъ, изъ которыхъ де „за границу ни еденъ въ продажу не отпускаетъ [1])".

Но Каблуковъ усомнился въ вѣрности показаній магистрата и особымъ доношеніемъ въ губ. канц. заявилъ, что въ дѣйствительности, какъ это ему доподлинно извѣстно, папушнаго табаку у кіевскихъ мѣщанъ „весьма большимъ числомъ сыскаться можетъ, но оной кіев. магистратъ, въ противность Кіев. губ. канц. указовъ, тѣхъ мѣщанъ въ вѣдомости утаилъ или оные мѣщане съ тѣмъ табакомъ кіев. магистрату себѣ не явили для единого того, чтобъ оной табакъ тайно за границу провезть". А чтобы этого не допустить, Каблуковъ просилъ губ. канц. произвести обыскъ для провѣрки магистратской вѣдомости и, если у кого отыщется табакъ сверхъ показаннаго въ ней, арестовать его „до разсмотрѣнія".

---

[1]) Въ вѣдомости этой показаны: 1) Максимъ *Волошиненко*. 2) Григорій *Вересенко*—продаютъ сотню папушъ по 80 к. и по рублю и „сходитъ въ ныхъ въ годъ того табаку до десяти тысячъ папушъ и нынѣ оного въ наличности въ лавкахъ бакалейнаго ряду имѣется до 5000 папушъ, 3) Семенъ *Козелецкій*—продаетъ до шести тысячъ папушъ въ годъ, на лице у него—одна тысяча, 4) Іосифъ *Петренко*—вымѣнялъ въ Переяславѣ на деготь двѣ тысячи папушъ и продаетъ по 80 к., 5) Захарій *Рубанъ* купилъ 700 папушъ у привозныхъ, 6) Иванъ *Погорѣлый* купилъ за Днѣпромъ въ Густинскомъ десять тысячъ папушъ за тысячу по 7 р. 50 к., И Рубанъ и Погорѣлый продаютъ тертый табакъ „табачницамъ" (мелочнымъ торговкамъ), 7) Іустимъ *Бушученко* находился во время составленія вѣдомости въ отлучкѣ.

Въ рапортѣ магистрата въ заключеніи говорится, что съ торгующихъ табакомъ „никакого окладу въ магистратъ не взимается, кромѣ что изъ нихъ которые сидятъ въ лавкахъ, съ оныхъ за землю купичныя деньги равномѣрно какъ и отъ другихъ взимаются".

Не извѣстно, состоялся ли тогда же этотъ обыскъ, но изъ встрѣчавшихся мнѣ разрозненныхъ документовъ видно, что въ первый же годъ своего откупа Каблуковъ возбудилъ множество дѣлъ по обвиненію кіевскихъ мѣщанъ въ тайномъ провозѣ мимо таможенъ табаку за границу. Одно изъ такихъ дѣлъ, сохранившееся въ крайне растерзаномъ видѣ, даетъ несомнѣнныя указанія на то, что мѣщане кіевскіе дѣйствительно „не иначе старались провозить за границу табакъ, пока тайно“. Дѣло это въ сохранившейся перепискѣ представляется въ такомъ видѣ.

14-го іюня 1759 г. Каблуковъ донесъ въ кіев. губ. канц. что кіев. мѣщанинъ Алексѣй Бушиченко съ товарищами привезъ на восемнадцати „четвероволовыхъ“ возахъ въ с. Троетчину за Днѣпромъ папушный табакъ и сложилъ его у тамошняго мужика Григорія Пилипенка, а противъ 13-го іюня ночью „наклалъ три дуба большихъ и оной табакъ провезъ водою вверхъ и тамо, заѣхавъ между лозы, скрытно стоялъ чрезъ цѣлый день, а потомъ воротясь внизъ, заѣхалъ въ рѣку Старуху и тамо съ тѣмъ табакомъ кроется въ лозахъ“, намѣреваясь провезти его тайно въ польское м. Ржищевъ „для отдачи по подряду тамошнему жиду“.

Губ. канц. предоставила Каблукову „пристойную команду“ изъ одного капрала и семи человѣкъ гарниз. солдатъ, которые дѣйствительно и поймали указанную контрабанду. Изъ бывшихъ при дубахъ 20-ти человѣкъ поймано лишь шесть, остальные, въ томъ числѣ и самъ Бушиченко, бѣжали. Арестованные были представлены въ губ. канц. къ допросу. Всѣ они были подольскіе жители и согласно показали, что, когда де узнали, что нанявшій ихъ въ работники Бушиченко хочетъ везти табакъ въ Польшу, то не захотѣли ѣхать, и въ это время ихъ и арестовали.

4-го августа магистратъ препроводилъ въ кіев. губ. канцелярію дядю скрывшагося Алексѣя Бушиченка Устима, который на допросѣ и показалъ слѣдующее: „въ прошломъ 1758 году у пріѣхавшаго изъ-за Днѣпра малороссіянина на имѣвшійся у него въ шести бочкахъ деготь вымѣнялъ табаку три тысячи съ половиною папушъ и изъ онаго на Подолѣ разнымъ людямъ продалъ до двухъ тысячъ папушъ, а остальной, что никто его

въ Кіевѣ за гнилостію купить не пожелалъ, взялъ и обще съ вялою рыбою на одномъ дубѣ поѣхалъ вверхъ рѣкою Днѣпромъ и по прибытіи въ межигорской погранич. таможнѣ явился, и по взятіи только съ одной рыбы пошлины (а того, что у него табакъ былъ, не объявилъ) отпущенъ за границу; не доѣзжая до польскаго села Толокуни меж. таможни объѣздчиками возвращенъ для того, что о табакѣ не объявилъ, и какъ тотъ табакъ и рыба находились при меж. таможни чрезъ долгое время, и по прошенію его оной дубъ съ рыбою и табакомъ ему отданы; прибывъ въ Кіевъ, оные рыбу и табакъ просушилъ и что изъ оной рыбы выбралось годной, наложилъ на тотъ же дубъ и, по объявленіи въ меж. таможни, пропущенъ заграницу; и по прибытіи въ м. Чернобыль, оной рыбы не продалъ, но у тамошняго жителя Савы Шовкуленка оставилъ и, купя тамо грибовъ, прибылъ на томъ же дубу въ Кіевъ", оставшійся же табакъ просилъ польскихъ жителей, пріѣзжавшихъ въ Кіевъ, провезти за границу, что тѣ и сдѣлали за 3 р. 10 к., забравъ его на два воза, и доставили въ м. Ржищевъ, куда затѣмъ прибылъ и онъ, Бушиченко, и продалъ табакъ жиду по 70 к. за сотню папушъ, получивъ всего денегъ 28 руб. „А минувшаго мая сего 1759 г. племяннику своему Алексѣю Бушиченко продалъ собственный свой дубъ за 10 руб., но денегъ не получилъ, а когда племянникъ съ пятью наемными роботниками изъ кіево-подольскихъ жителей, наложа въ тотъ дубъ табаку, поѣхалъ, то и онъ, Устимъ за нимъ на лодкѣ слѣдовалъ, чтобы деньги за дубъ получить; проѣхавъ тайнымъ образомъ мимо Стоецкаго форпоста въ м. Ржищевъ, племянникъ его и другой кіевскій мѣщанинъ Алексѣй Фенявскій, у котораго тоже былъ дубъ съ табакомъ, продали табакъ: Фенявскій—тамошней арендаркѣ жидовкѣ, а племяникъ—шляхтичу Понятовскому по 1 р. 10 к. сотню, но племянникъ всѣхъ денегъ тогда же не получилъ, почему и остался въ Ржищевѣ, а онъ, Устимъ, получивъ свои 10 р. за дубъ, вернулся въ Кіевъ тайно же".

Такимъ образомъ, показаніе Устима Бушиченка (собственноручно подписанное), очевидно, относилось не къ тому дѣлу, по которому собственно онъ и былъ представленъ.

Племянникъ же его присланъ былъ магистратомъ только 27 августа и въ губ. канц. далъ такое показаніе:

Въ прошломъ 1758 г. ѣздилъ онъ изъ Кіева въ разныхъ мѣсяцахъ и числахъ въ малорос. мѣстечко Лохвицу для покупки табаку и продавалъ его съ барышемъ старостѣ рыбальскаго цеха Лукьяну Богомазу, который уже отъ себя посылалъ тайно тотъ табакъ неоднократно заграницу на дубахъ по Днѣпру съ подольскимъ жителемъ Наумомъ Быховцемъ. А въ апрѣлѣ мѣсяцѣ сего 1759 г. купилъ онъ у лохвицкаго жителя, прибывшаго въ Пустынно-Николаевскаго монастыря слободку на той сторонѣ Днѣпра, десять тысячъ папушъ табаку по 9 р. за тысячу и сложилъ его тамъ же у одного мужика; а въ маѣ мѣсяцѣ, согласясь съ дядей своимъ, Устимомъ, сложили тотъ табакъ на дубъ, и къ нимъ присоединился Алексѣй Феневскій, который нынѣ скрывается у своего тестя, такимъ образомъ на двухъ дубахъ и одной лодкѣ поѣхали мимо Стаецкаго форпоста въ м. Ржищевъ. Тамъ Феневскій свой табакъ продалъ, а у него, Алексѣя Бушиченка, сторговалъ табакъ шляхтичъ Понятовскій, но уплату денегъ задержалъ" за то, что какъ дядя его Устимъ съ прочими кіево-подольскими жителями напередъ того таковой же табакъ тайнымъ образомъ на одномъ дубу въ м. Ржищевъ привозилъ и оному шляхтичу по рублю сотня не продалъ, а продалъ въ томъ же Ржищевѣ жиду по 70 к. сотню". Живучи до полученія денегъ въ Ржищевѣ, Бушиченко „видалъ неоднократно присыланнаго къ Понятовскому вороньковскаго сотника Матвѣя Сулимы прикащика Павла Масловскаго, который ежечасно привозимой отъ оного сотника на трехъ, на двухъ, а временемъ и на одномъ дубу табакъ отдавалъ и отъ него деньги получалъ". Пробрался затѣмъ Бушиченко къ вороньковскому сотнику, надѣясь при его посредствѣ получить удовлетвореніе отъ Понятовскаго, но въ томъ не успѣлъ. Тамъ то ему невѣдомые обуховскіе люди сказывали, что „имѣется у нихъ въ товариствѣ кіево-подольскій житель Матвѣй Поповичъ, который въ нынѣшнемъ 1759 г. въ с. Бубнахъ лубен. полка у тамош. протопопы Павла Свѣта купилъ табаку 50,000 папушъ, и оной табакъ находится въ с. Троечинѣ, и просили его, чтобъ онъ тайнымъ

образомъ тотъ табакъ провезъ за границу“. Съ этими то обуховскими людьми поѣхалъ Бушиченко въ м. Обуховъ для заключенія договора, оттуда въ с. Василевщину, гдѣ шляхтичъ Новицкій и предложилъ ему 70 р. за тайный провозъ находившагося у Поповича табаку, причемъ обѣщалъ посодѣйствовать и полученію денегъ съ Понятовскаго. Согласившись на условія Новицкаго, онъ получилъ отъ него 60 р. на наемъ работниковъ и „паки тайнымъ же образомъ“ прибылъ въ Кіевъ вмѣстѣ съ однимъ обуховскимъ „панкомъ“ и, явившись къ Поповичу, заявилъ ему, что де подрядился спровадить его табакъ за границу. Съ нанятыми 16-ю работниками (названы имена) прибывъ въ Троетчину, Бушиченко нанялъ у тамошнихъ жителей три дуба, наложилъ на нихъ ночью безъ счету табаку, и, переждавъ день въ озерѣ, намѣренъ былъ вмѣстѣ съ Поповичемъ же проѣхать ночью мимо моста. Но Поповичъ на время отлучился, и онъ съ тѣми дубами заѣхалъ въ скрытное мѣсто между лозъ и тамъ заночевалъ, а на другой день и былъ пойманъ солдатами и объѣздчиками Каблукова. Ему удалось бѣжать и „послѣ того онъ первѣе скрывался на Подолѣ у работника своего Алексѣя Феневскаго одинъ день, а отъ оного Феневскаго пошелъ въ м. Лохвицу къ родному дядѣ Сосницкому, намѣреваясь тамъ долго прожить, но потомъ вернулся въ Кіевъ и когда увидѣлся съ Поповичемъ, тотъ ему совѣтовалъ тайно поѣхать за границу къ шляхт. Новицкому, но прежде явиться въ губ. канц., почему онъ, не ѣздя за границу, и явился.—Изъ всего этого видно, что Бушиченко занимался тайнымъ провозомъ табаку за границу и къ нему обращались, какъ къ спеціалисту, „сихъ дѣлъ мастеру“. Кромѣ этого дѣла, на значительное развитіе среди кіевскихъ мѣщанъ контрабанднаго промысла указываютъ имѣвшіеся у меня разразненные документы изъ дѣлъ, возбужденныхъ Каблуковымъ. Такъ, въ поданныхъ въ губ. канц. въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1759 г. доношеніяхъ Каблуковъ сообщалъ слѣдующія свѣдѣнія о контрабандномъ провозѣ табаку.

Жители м. Макарова сообщали ему, что де въ Генварѣ мцѣ 1759 г. ѣхали они въ м. Лохвицу для покупки тамъ рыбы

и, пріѣхавши въ Кіевъ, остановились на Преваркѣ у тамошняго жителя Василія Высоцкаго, который и говорилъ имъ, что еслибы они купили тамъ въ Лохвицѣ табаку, то и онъ бы присталъ къ нимъ въ товарищи и провезъ бы табакъ заграницу „безъ всякаго указнаго платежа—*такъ, какъ и прочіе кіевскіе мѣщане тайно провозятъ*". Согласившись съ Высоцкимъ, они и сторговали въ Лохвицѣ 60,000 папушъ у нѣкоего Каленика съ тѣмъ, чтобы онъ представилъ его на своихъ подводахъ въ Кіевъ, причемъ дали ему въ задатокъ своихъ денегъ 150 рублей. Каленикъ представилъ сначала 12 тысячъ, а потомъ 25,400 папушъ къ Высоцкому, который изъ этого числа и повезъ было тайно 26 кулей за границу вмѣстѣ съ другими мѣщанами, которые тоже везли свой табакъ такимъ же образомъ; но уже при самой границѣ Межигорской таможни объѣздчики весь этотъ поѣздъ поймали, а Высоцкій самъ ушелъ. Опасаясь, чтобы чрезъ такую неосторожность и остальной табакъ, имъ принадлежащій и находившійся у Высоцкаго, не пропалъ бы, эти „заграничные жители" м. Макарова два человѣка согласились „больше въ тайномъ провозѣ его Высоцкаго намѣренія и совѣту не принимать", и одинъ изъ нихъ приходилъ въ Кіевъ просить Высоцкаго, чтобы онъ „больше того табаку тайно провозить не отваживался, но лежалъ бы оной до времени въ слободкѣ прозываемой генеральской". Когда они порѣшили „указанное заплатить" и просили о томъ Каблукова, тогда онъ „со взятіемъ за выпускъ указаннаго платежа при повѣренномъ межигор. таможни такова табаку одинадцать возъ за границу пропустилъ".

Въ іюлѣ мѣсяцѣ того же года объѣздчики Каблукова поймали тайно провозимый на трехъ возахъ табакъ, причемъ арестованные ими два человѣка (третій бѣжалъ) показали, что они куреневскіе жители и наняты жителемъ той же Куреневщины Гапономъ. О розыскѣ этого Гапона и представленіи его въ губ. канц. эта послѣдняя и предписывала кіев. магистрату. Но магистратъ не особенно заботился объ исполненіи такихъ предписаній. Въ самомъ магистратѣ утвердился взглядъ на табачный откупъ, какъ на нарушеніе правъ и привилегій города,

а потому и естественно, что мѣщане, дѣйствовавшіе въ подрывъ этому откупу, могли встрѣчать скорѣе потворство со стороны магистрата, чѣмъ энергическое преслѣдованіе. При такихъ условіяхъ и могъ развиваться, среди кіевскихъ мѣщанъ, особенно въ предмѣстьяхъ, спеціальный промыселъ, могли являться „сихъ дѣлъ мастера“, къ которымъ и обращались заинтересованные въ тайномъ провозѣ табаку лица.

А. А.

КЪ ИСТОРІИ АПОКРИФИЧЕСКИХЪ СКАЗАНІЙ.

Въ замѣчательной статьѣ проф. Сумцова „Очерки исторіи южнорусскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ", напечатанной въ іюньской, іюльской, сентябрьской и ноябрьской книжкахъ „Кіевской Старины" 1887 года, положено начало систематическому изученію южнорусскихъ апокрифовъ и апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ. Вполнѣ сознавая важность изученія апокрифической литературы и необходимость прежде всего опубликованія древнихъ южнорусскихъ апокрифовъ, я позволю себѣ, ссылаясь на статью проф. Сумцова, сдѣлать къ ней нѣкоторыя примѣчанія и дополненія и привести нѣкоторые новые матеріалы.

Въ началѣ своей статьи проф. Сумцовъ говоритъ (К. Ст. іюнь—іюль, стр. 217), что „въ рукописяхъ южнорусскихъ сохранились почти исключительно западныя апокрифическія сказанія". Какъ на изъятія изъ этого правила могу указать на слово Меѳодія Патарскаго, сохранившееся въ Галиціи въ нѣсколькихъ спискахъ (Библ. Оссол. рукоп. № 29, XVII стол., мой списокъ конца XVIII стол.), апокрифъ, извѣстный подъ заглав. „Сказаніе Афродитіана" (Библ. Оссол. № 29, списокъ XVII стол.), о которыхъ рѣчь впереди.

На стр. 226—7 проф. Сумцовъ приводитъ галицкую старинную пѣсню, начинающуюся словами „Війте, дѣвойки", и говоритъ по поводу ея запѣва (стр. 229): „нѣкоторое недоразумѣніе здѣсь вызываетъ странный мотивъ витья вѣнковъ изъ Божьей крови на хоругви". Проф. Сумцовъ старается разъяснить это недоразумѣніе съ помощью апокрифической пѣсни о крови Спа-

сителя. „Вѣроятно—говоритъ онъ—мотивъ приготовленія вѣнковъ изъ Божіей крови вышелъ отсюда посредствомъ какого нибудь прозаическаго сказанія, не нашедшаго мѣста въ печати“. По моему мнѣнію, запѣвъ этотъ объясняется гораздо проще, ежели принять во вниманіе, что „Божа кровця“ на мѣстномъ нарѣчіи карпатскихъ горцевъ стрыйскаго округа обозначаетъ цвѣтокъ (кажется тотъ же, что въ „словникѣ“ Желеховскаго обозначенъ „кровник=Geranium phaeum“), употребляемый преимущественно при витіи вѣнковъ на хоругви.

Такъ какъ проф. Сумцовъ, говоря о народныхъ сказаніяхъ объ Адамѣ и Евѣ, не упоминаетъ о текстахъ апокрифовъ о нихъ книжнаго происхожденія, то прилагаю здѣсь именно такой текстъ, взятый изъ находящагося у меня Дрогобыцкаго сборника апокрифическихъ сказаній, писаннаго, какъ упоминается нѣсколько разъ на поляхъ рукописи, „для мѣщанина дрогобыцкаго Петра Чорневича“ въ 1742—43 годахъ какимъ то неизвѣстнымъ писцомъ. Текстъ этого сказанія довольно близокъ къ изданному г. Тихонравовымъ („Памятники отреченной русской литературы“, т. I, стр. 1 и д.) особенно въ первой части своей, во второй же части представляется въ болѣе полномъ видѣ. Языкъ его церковный, хотя и довольно испорченный, и съ значительной примѣсью формъ малорусскихъ, принадлежащихъ мѣстному подгорскому говору. Интересно сохранившееся въ нашемъ текстѣ, дважды повторенное болгарское слово „биличъ“ (=знакъ, отмѣтка; у Тихонравова въ соотвѣтственномъ мѣстѣ стоитъ „знаменіе нескверно“), которое указываетъ на прямую зависимость нашего текста отъ болгарскаго, опять таки въ разрѣзъ съ мнѣніемъ проф. Сумцова о польскомъ и вообще западномъ происхожденіи галицко-русскихъ апокрифовъ.

Житїе ѡ Адамѣ і Євѣ і ѡ согрѣшенїи ихъ, и изгнанїю из раѧ и ѧко книга по согрѣшенїю.

Адам бѣ враи прежде согрѣшения вся імѣяше вхотеніи своемъ, і вся по хождении его похождаше. Егда ізгна его Богъ із Рая, сѣлъ во Едемѣ предверми райскими. І видѣ сонъ како

хощет родити Каина и Авеля и вкотрих лѣтехъ хощетъ убити Каинъ Авеля брата своего. Запрѣти ему ангелъ Господенъ неповѣдати Евѣ и пробист х̃ сотъ лѣтъ и виде во болестъ червоную, и невидяше, что естъ ему за болестъ. И собрася отъ мала до велика, и чудишася вси Евѣ глаголющи, о мати наша, ти вѣси вси таини, повѣдж нам, почто отецъ нашъ болитъ, всѣхъ бяше людий над Адамом х̃. ѿ тисящъ, и Ева рече, повѣм вам чада моя. Егда сотвори Богъ рай и всю вселеную, тогда сотвори Богъ отца вашего имене и предалъ нам раи и вся скоти і гади и вся птенца пернатная. Адам соблюдаше восточную страну и сѣверную зору, азъ соблюдохъ западняя и южняя, тако предалъ намъ вруцѣ рай, речи нам (:) вся снѣдайте сущая во раи точию единаго (двера) древа неснѣдайте. И показа нам древо тое и возиде Богъ нбса, а ми обладахом враю, безъ повеления Адамова, и моего вси звѣри и скоти и гади и отмѣша (очевидно ошибка вм. „не смѣша“, у Тихонравова „не смѣяху“) ходити, ни лежати, ни ясти, дондеже повелѣх ми, тогда пришолъ дияволъ свѣтелъ яко аггелъ и рече кнамъ: что вам рече Господь ясти или не ясти враи? Адам рече: все нам повелѣ токмо единаго древа рече блюститися. Дияволъ рече: много жалую васъ понеже не р(оз)умѣете. Аще бисте отъ того древа снѣли и били бисте яко Боги. То рекши отиде дияволъ, и обрѣте змию и научи я измѣняше яко ангелъ естъ ему. И приде змия комнѣ и показа древо плодовитое, и красн(о)е, а змия бѣ любая Богу развѣ всѣхъ вещей И даде ми плодъ, аже взях и снѣдохъ, тогда серце мое возмутися вомнѣ напрасно, во моей странѣ повергоша древа листвіе. Азъ же внидохъ подрево отъ негоже снѣдохъ и возвахъ Адама глаголя: прийди Господине Адаме да видиши великое чудо, азъ уста отверзохъ, и язикъ мои глаголаше вомнѣ сам, егда приятъ Адамъ и вложи во уста и снѣдохъ, тогда отверзошася очи наши и видѣхомъ (вину) наши и серце наше возлежаше на лонохъ. Тогда вся древа листвие поверже, една смоковница тогда неповерже. Тогда восплакася горко і рече: о жено, что ми таково сотворила еси! Такожде и мое сердце неотдѣлися отъ Адама и внийдохъ подрево яже неповерже листвие, тогда и

зшихомъ листвие и сотворихомъ одѣния себѣ. Тогда слишахомъ гласъ на небесехъ глаголющи архангели призивает і ангели глаголющи: пріидѣте вси да впидутъ во рай, понеже согрѣшихъ Ева і Адамъ. И тако снийде со всѣми ангели своими і ста престолъ поста (вмѣсто посредѣ?) рая возва Господь Адама гласом великим: Адаме, Адаме, где еси. Отвѣща самъ и рече: се зде есмъ Господи, гласъ твой услишахъ и смирихся, се нагъ есмъ,- что сотворилъ еси? Рече Адамъ: жена прелъсти мя воеже ми еси дала ябко, рече Господъ: а жену кто прелъсти, рече: змія. Рече Господъ: понеже преступи заповѣдъ моя, и послушалъ еси жени, сего ради во потѣ лица своего снѣси хлѣбъ. Мнѣже рече: вопечалехъ родиши чада, а зміи рече: ползати будешъ по земли и человѣкомъ пяти стеречи, а онъ тебѣ сотретъ главу і тако отятъ еи ноги и ста позлати (sic!) и красоту еи отятъ, бо била яко ангелъ, и бридкост на ню вложилъ, посем повелѣ Господъ изгнати нас из рая, тогда пояше ангели своя побіюще изна нас из рая. Адамже моляшеся егда како умилосердися Господъ о насъ и отпусти нас. Архангелъ моляшеся ко Богу непрестано о насъ и тако изна нас из рая и непусти. Ми же сѣдохомъ во едемѣ Адамъ паде на лице свое и плакася м҃ дній. Изнеможе душа наша гладомъ, рекохъ ко Адаму: Господине мой, востани да пощиваемъ себѣ хранимы (sic, вм. храмини) іже бо сердце оглянѣло гладом и душа моя во мнѣ омалѣ. Адамже рече: О ево, находитъ на сертце мое егда разори икону твою, но неимамъ скимъ бити и боюся Бога и сертце мое не отдали ся отъ тебе. Воставже и обийдохомъ всю землю і необрѣтохомъ нѣчто снѣднѣ, но токмо цвѣти селния согрѣваста, и паки придохом и плакахом со воздиханіем. І рече Адамъ: Господи, преступими воню (sic вм. вогню), да тя помяну. Тогда посла Бог темиянъ иванъ (sic вм. ливанъ) и ладанъ, взя Адам и сотвори молитву ко Богу, тогда умилосердися Господъ, тогда ангелъ отлучи седмую частъ отрая и постъ (sic вм. подастъ у Тихонравова) намъ, прежде наядохомся и напихомся. Изгна вся скоти, и гади и звѣри отрая и преда Адаму, Адамже сотвори внѣкое питомо отлучивъ собѣ напотребу и нарече всѣмъ имена, и всѣмъ лѣтающимъ.

Тогда рече Господъ Адаму: Терние и волчицъ от дѣланій твоихъ да прозябнетъ. І поятъ воли Адамъ и нача орати и пришедъ дияволъ и ста пред волами, и неда землѣ орати глаголя: недам азъ тебѣ орати понеже моя земля, а Божая сут небеса и рай да аще хощеши мои бити, то землю работай, аще хощеши Божій бити то поиди врай. Адамже рече: Божия сут небеса и земля и вся вселеная, дияволже не даде ему орати глаголя: запиши мѣнѣ рукописание свое и жеби еси мой билъ, тожъ землю работай. Адам рече: чия земля того и азъ, и чада моя, видяше бо Адам, иже сним хощетъ наземлю родитися от дѣвы, дияволъ урадовася велико и рече: тако запиши рукописание свое. И взя чернило и записа рукописание сице рече: чия земля того и азъ и чада моя. Дияволъ взяв рукописанія и держа всебе. Азъ Ева рѣхъ ко Адаму: покаймося господине да избавитъ насъ Господъ отъ диявола сего, Адам рече, покаймося м̃ дній. Ева рече: господине ти постъ м̃ дній и азъ буду. И рече Адамъ мнѣ внити вомиръ рѣки (у Тихонравова... въ тигръ реку) и положи камень наглаву свою, а другій под ноги и стоитъ во вишнѣ водѣ и никогожъ неслухай, да небудешъ паки прещена. Азъ рѣхъ: сотвори ми Билигъ и сокровенъ, и сотвори и даде ми и рече: неизиди оту дондеже азъ пріиду и ктебѣ. Воставъ Адамъ, и поиде во орданъ рѣки (sic), каятися. Ту снидоша вси звѣри и птица и множество (ко Евѣ поставлено въ скобкахъ) ангелъ плакахуся за Адама. Адам погрузися во иордани и пребист во рѣцѣ м̃ дній, и приде дияволъ коженѣ свѣтелъ, яко ангелъ слонце росняше по земли и глаголаше ми: Ево, услиша Господъ молитву твою и нас ангелъ твои послуша молящихся о тебѣ и послалъ мене Господъ Богъ да изнидеши отъ рѣки сея. Тогда азъ невѣровахъ ему и паки вотрети денъ пріиде сотворитися Адамовим образом і много соблазниша мене, азъ же неизидох дондеже вижди Билигъ еже рече ми Адам. Егдаже соверши Адамъ м̃ дній идяше отъ иордана, и обрѣте дияволъ слѣдъ и убояся велико, да не како прелъщена есм. Егда видѣ мене Адамъ во водѣ и возрадовася велико, егда прійде ко мънѣ. Азъ невѣровахъ, дондеже показалъ ми бисть Билигъ свой тогда вѣровахъ. Изидохомъ вомадиямъ и то родися Каинъ

и Авелъ. Егдаже возрастоша, Каинъ бѣ работая землю Аавелъ скоти пасяше и жертву твориша оба Богу. (Здѣсь въ текстѣ пропускъ). Аавелъ отъ скота и непринятъ Господъ жертву Каинови Аавелову любляше, и зато возненавиде Каинъ Авеля, и рече Каинъ коавелю поидѣмъ наполе, и поидоша оба на поле и тако оуби Каинъ Авеля брата своего. Воединъ денъ воставъ Адамъ отъ ложа своего, и рече ко мнѣ: о жено, совершися лѣтъ ді отъ рождения его крове Авелеви убиением дажми осля да шедше обращу его я. Слишахъ азъ и распалися сердце мое, всѣдъ Адам на осля поиде и обрѣте Авеля заклати и не рече ему ничтоже, якоже рече ему ангелъ: принеси Авеля и постави его на мѣстѣ рекомом реонъ. Тогда азъ родихъ Сифа и рѣхъ: Господине мои незлого родит сердце мое, уже родихъ сына вмѣсто Авеля и нарекохъ имя ему Сифъ. Тогда Адам клятохъся: о Ево, Ево, молчи останися рѣчи своихъ уже бо духъ мои омалѣ вомнѣ естъ. Посем Сифъ рече: отче мои поиду ворай и принесу тебѣ израя да видишъ и оупокоитъ тебе. Адам рече: о сыну мои како ти внидешъ ворай, нетако естъ но тако но поиди противу рая, и плачся да не како приступит отъ древа Богу маслинна да увидишъ како упокоится болѣзнъ мнѣ, и рече Сифъ: А якая естъ болѣзнъ. Адам рече: о сыну мои великую имамъ болѣзнъ. Егда согрѣшихъ азъ и мати твоя, тогда рече Господъ: умножу стогнание твое, и всегда во печали пребудеши, и дам ти в и о болѣзний: а болѣзнъ чревом, вторая очима, потом послѣдуя поединой, и матери вашей рече: всегда мужъ твои да обладаетъ тобою, а егда ражъдаеши то смертію растаешися. Воставъ Сифъ поиде к раевѣ со материю своею и видѣ два лютая звѣра, рекомия горгоніи, гонящая сына ея Сифа, онаже слишавши к нему рече: отъ звѣру нечисти, непомнишъ ли како ти смѣешъ разверсти уста своя на образъ Божій или како смѣешъ обявити зуби своя на насъ. Тогда отвѣща звѣръ ко евѣ и рече еи: о ево, отъ тебе естъ почалося первое зло, како ти смѣла уста отверсти на снѣдъ, еже рече тебѣ Господъ неясти, для того азъ хощу чада твоя поясти. Тогда Ева восплакася горко, слишано бисть то отъ востока до запада, тако глаголя: о горе мнѣ

Боже мои, отселѣ и до вѣка (и до вѣка) клясти мя хощетъ всякъ язикъ: тогда Сифъ рече: заклинаю тя Богомъ живим звѣру окаяній да пребиваеши в ложи своем до суднаго дне егда тако дерзаеши наизядение человѣка. И тако пребивает тамо звѣр во вѣки. А Сифъ шедъ со материею своею и плакася противу рая перстию главу свою посипаше. Явися им Архангелъ Господенъ и рече: почто плачете. Сифъ рече: о господи отецъ мой болитъ, и желаетъ благая райския, хощет видѣти отъ древа масличнаго, егда како утомится болезнъ его. Рече Архангелъ Господенъ (и рече): о Сифе, о Сифе неимает отецъ твои исцѣлитися понеже приближися денъ его ко смерти и скончашася дние его уже. Тогда уломи древа Архангелъ во- раи, отнегоже изгнан бисть Адам и даст древо Сифови, и Сифъ принесе ко Адаму. Видѣ то древо Адамъ и позна его и приятъ его, востхнувъ велій, и звитъ вѣнецъ с того древа и вложи на главу свою и видѣ руку Господню, приемшую душу его, видѣ кадилницу з ладономъ, кадящу тѣло Адамово, а г҃ ангели свѣща держаще, возрѣлъ Сифъ (на) небо, и видѣ душу отца своего Адама, недалече отъ Господа стоящу, и множество святихъ ангелъ молящися за Адама. Егда во- ставъ архангелъ Михаилъ, тогда вси ангели умолкоша, тогда умилосердися Господъ, и простеръ руку свою ко Адаму, и прият душу Адамову, и посла ангела да сопрятает тѣла Адамова, и научити Сифа. И взят ангелъ тѣло Адамово и знесе его на мѣсто, рекомое терусий блато, і ту ископаша гробъ, и бистъ глаголъ съ небесъ глаголющи: Адаме Адаме, рече: Се азъ Господи. Господъ рече: сице рекохъ тебѣ, земля еси и в землю поидеши. Адам же рече: твоя отъ твоихъ тебѣ приносяше о всѣхъ и за вся. И тако погребоша Адама, и з вѣнцем, иже бѣ на главѣ его и Ева умилним гласом моляшеся ко Богу глаголющи: Господи прими духъ мои. И тако в седмій денъ преклони главу и умре. И погребе ю Сифъ близъ сына ея Авеля.

Къ числу немногихъ малорусскихъ пѣсенъ объ Адамѣ, основанныхъ на апокрифическихъ сказаніяхъ, кстати будетъ прибавить еще одну, до сихъ поръ, кажется, неизвѣстную, запи-

санную мною въ 1881 году въ с. Нагуевичахъ, дрогобичскаго повѣта изъ устъ старика-крестьянина Ивана Гаврилыка. Пѣсня эта поется, какъ колядка, въ селахъ Нагуевичахъ и Ясеницѣ Сольной. Вотъ она:

Ходитъ Господь по раю,
Зъ Адамомъ розмовляе:
„Ой Адаме, Адаме,
Що е въ раю, то твое,
Но яблоко одное
Рвати не позволяю".
А гадына въ корчи чуе,
Та Адама трибуе:
„Ой Адаме, Адаме,
Що е въ раю, то твое,
А яблоко одное
Чому не трибуешъ?"
Ева ябко зирвала,
Адамови подала:
„Ой Адаме, небоже,
Ой не бійся, мій друже!
Вкусы яблока того,
Будешъ старшый надъ Бога
И панъ всего свита.
Адамъ яблоко вкусывъ,
Весь рай му изрушывъ.
Ой Адаме, Адаме!
Иде Господь до раю.
„А дежъ я ся сховаю
Поганый та голый!"
Ввишовъ Господь въ райській садъ,
На яблони выдивъ гадъ.
„Ой Адаме, небоже,
Изробывесь негоже
Прыкладъ давесь другимъ".
Летытъ ангелъ изъ мечемъ,
Взявъ Адама за плече,
Вытрутывъ го на сей свитъ:
„Ты проклятый и твій рідъ,
Ажъ зійде Сынъ Божій".
Сынъ ся Божій народывъ
И весь свитъ освободывъ
Одъ мукъ, пекла, й одъ ада.
Тоби буде честь, слава
На викъ викомъ. Аминь.

Прилагаю еще „Плачъ Адама", взятый изъ находящагося у меня сборника пѣсенъ духовныхъ, списаннаго, вѣроятно, во второй половинѣ XVIII стол.

Плачъ Адама праотца, из Рая изгнаннаго.

Уви, откуду отпадохъ бѣдный,
Что день, что время, той часъ послѣдній,
С изъ царя нищъ сотворихъ ся,
Отъ порфиры въ руби одѣхъ ся,
Уви! Уви! Уви! О горе!
Очеса лійте, лійте слезъ море,
Быхъ азъ первѣйшій населникъ рая,
Зде мя послѣдня постигли злая,
Ахъ изъ рая въ ровъ преселихся,
Отъ сладости въ горесть зближихся,
Уви и т. д.
Жилемъ ахъ! прежде яко владыка,
Была мнѣ въ сластехъ сытость велика,
Но господство все измѣнися,
И богатство все истощися,
Уви и т. д.
Въ чемже я тогда бывалъ лишенный?
Весь быхъ якъ селній цвѣтъ украшенный.
Ахъ! отъ цвѣта листъ бысть отпадшій
И отъ древа корень увядшій.
Уви и т. д.
Стражъ огнь палящій мещетъ плачь зелній
Того постави Творецъ всесилный;
Но и плачь той въ страхъ претворися,
А самъ трепетъ къ мнѣ обратися.
Уви и т. д.

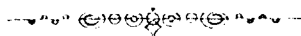
Отнюдъ неможно ся возвратити,
Орачемъ земли надлежитъ бытн,
И снѣдь съ потомъ лица мѣшати,
Всю жизнь въ трудѣхъ препровожлати.
Уви и т. д.
Морска пучина, вода глубока,
Была мнѣ вмѣсто моста широка;
На се волни на мя достаютъ!
Въ глубинѣ гробъ уготовляютъ!
Уви и т. д.
Обладахъ всѣми звѣрми нѣмыми,
Царь быхъ поставленъ владѣти ими;
Но и гласа ихъ днесъ боюся,
Да злыхъ зубовъ ихъ сохраню ся.
Увы и т. д.

Где убо бѣдну мнѣ ся сокрыти!
Развѣ отъ земли въ землю вселити;
Ахъ отъ персть персть таки буду!
Что горѣе, предстану суду!
Уви и т. д.
Една надежда въ владыцѣ Богу,
Яко милостивъ есть по премногу,
Сего любве треба искати,
Прощенія слезми благати:
Уви и т. д.
Раю святейшій, саде Владыки!
Врагъ азъ явихся Богу толикый!
Ты мнѣ убо купно споболи,
Шумомъ листвій Творца утоли.
Уви и т. д.

Въ этой виршѣ, составленной какимъ нибудь духовнымъ лицомъ и распѣваемой въ церквахъ, отмѣчу только двѣ апокрифическія черты: способность Адама предъ грѣхопаденіемъ ходить по водѣ, какъ по сушѣ, и послѣдній куплетъ, поразительно сходный съ апокрифическимъ текстомъ „Слова святаго отца Меѳодія“ (Патарскаго) по имѣющемуся у меня списку, довольно отличному отъ трехъ списковъ, напечатанныхъ у Тихонравова (Памятники, II, 213—281).

Вотъ какъ излагается въ этомъ спискѣ плачъ Адама: „И сѣде Адамъ прямо раю плачася и бияся каменем во перси своя глаголя: раю, раю, красная доброто, мене ради насажденъ еси, Еввы ради заключенный, помяни мя раю шуменіемъ листвій твоихъ, о милостыве помилуй мя падшаго“.

Миронъ.

ЗАПИСКИ
МИХАИЛА ЧАЙКОВСКАГО (САДЫКЪ-ПАШИ).[1]

Холера свирѣпствовала во всемъ краѣ, особенно въ городахъ и мѣстечкахъ. Очень странно началась она въ Бердичевѣ. Въ домѣ одного раскольника, на дворѣ, была найдена мертвая женщина, вся посинѣвшая, съ запекшейся кровью на губахъ. Закричали: „холера!" Всѣ 14 докторовъ, находившихся въ то время въ городѣ, были призваны сюда; долго они осматривали трупъ, хотя осторожно, держась отъ него въ нѣсколькихъ шагахъ, и, наконецъ, рѣшили, что это и есть азіатская холера. Михаилъ Войцѣховскій, впослѣдствіе графъ и знаменитый докторъ, бывшій въ то время случайно въ городѣ, не согласился съ тѣмъ, что это азіатская холера, и одинъ осмѣлился дотронуться до трупа. Наконецъ, разыскали мужа покойной, спавшаго сномъ праведника въ какомъ то сараѣ. Когда его, еще не протрезвившагося, привели къ трупу жены и онъ услыхалъ слово: „холера", то поднялъ палку, которую держалъ въ рукѣ, и сказалъ:

— Проклятые доктора! Если бы я попотчивалъ васъ, какъ ее, этой палкой, то вы бы всѣ заболѣли холерой и поумирали.

Такимъ образомъ онъ сознался самъ, и дѣйствительно оказалось, что женщина умерла отъ побоевъ, но, къ несчастью, чрезъ нѣсколько дней появилась настоящая холера и народъ остался при убѣжденіи, что причиной холеры были раскольникъ съ раскольницей, и скоро нашли въ рѣкѣ трупъ мнимаго ви-

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1891 г., № 10.

новника со связанными руками и ногами, но слѣдствія не производили и не разыскивали виновныхъ.

Переполохъ былъ очень великъ, люди бѣжали въ лѣса, но это продолжалось не долго. Городскія власти выказали большую распорядительность; Войцеховскій, назначенный инспекторомъ народнаго здравія, не давалъ засыпать докторамъ и надо сознаться, что его старанія о мѣрахъ къ предупрежденію эпидеміи и прекращенію ея въ самомъ началѣ были такъ энергичны и успѣшны, что смертность въ Бердичевѣ, даже на Пескахъ, не была такъ велика, какъ опасались.

Надо признаться, что правительственные чиновники не воспользовались, какъ могли бы, появленіемъ холеры, чтобы пресѣчь сообщенія между дворянами и изолировать, если не отдѣльныхъ помѣщиковъ, то отдѣльные уѣзды. Правительство этого не сдѣлало, а напротивъ допустило повстанцевъ воспользоваться появленіемъ эпидеміи. Помѣщики отлично съумѣли устроиться на Украинѣ и въ Подоліи и, нужно воздать должное Викентію Тышкевичу или тѣмъ, которые были его опекунами, почти всѣ гражданскіе коммиссары, назначенные по случаю холеры, были уже посвящены въ заговоръ и, имѣя въ своихъ рукахъ власть надъ крестьянскою стражею, устроили самымъ правильнымъ образомъ сообщенія между помѣщиками; я не слышалъ ни объ одномъ случаѣ доноса по этому поводу.

На Волыни, напротивъ, не было тогда никакой организаціи, никакой связи. Бѣгство Тадеуша Валевскаго и отступленіе Дверницкаго разрушили и ту организацію, какая была на Волыни. Только нѣсколько кружковъ сгруппировалось вокругъ избранныхъ предводителей. Одинъ лишь овруцкій повѣтъ былъ организованъ по своему, но такъ какъ въ этомъ шляхетскомъ гнѣздѣ считалось за грѣхъ служить въ русской и даже въ польской арміи, то во всемъ повѣтѣ не было военныхъ, кромѣ маршалка Вильгельма, который два или три года служилъ юнкеромъ въ польскихъ гвардейскихъ гренадерахъ. Человѣкъ добросовѣстный и большой патріотъ, онъ не считалъ себя способнымъ предводительствовать повстанцами и послалъ Карла Пашковскаго съ молодымъ Галецкимъ къ Карлу Ружицкому съ просьбой при-

слать имъ офицера для организаціи возстанія. Ружицкій назначилъ для этого капитана Сасинскаго, служившаго нѣкогда въ наполеоновскихъ уланахъ; тотъ сказалъ, что пріѣдетъ тотчасъ, но не пріѣхалъ, гдѣ то затерялся, какъ и многіе другіе, рвавшіеся къ возстанію, но потомъ оказавшіеся Богъ знаетъ гдѣ. Такъ сдѣлалъ и Іосифъ Залѣскій, начальникъ кіевскаго повѣта и города Кіева; испугавшись большой отвѣтственности, которая могла пасть на него, или, какъ говорили нѣкоторые, послушавъ совѣта Голеёвскаго, сидѣвшаго въ тюрьмѣ, онъ потихоньку выѣхалъ въ Галицію, по примѣру Тадеуша Валевскаго и многихъ другихъ волынянъ изъ знатныхъ фамилій, которые занимали важнѣйшія должности между помѣщиками и которые соединялись съ Дверницкимъ, чтобы уѣхать въ Галицію.

Въ Кіевѣ начались аресты и высылки.

Мы должны были выставить въ назначенное мѣсто 800 всадниковъ и 2,000 пѣхоты; каждый изъ насъ долженъ былъ явиться на это мѣсто со своимъ отрядомъ. До насъ дошли слухи, что повстанцы украинско-польскіе собираются въ Красноселкѣ, имѣніи Липковскихъ, въ Губникѣ у Еловицкихъ и въ иныхъ мѣстахъ, что Вацлавъ Ржевускій двинулся изъ Саврани со своими козаками, что къ повстанью пристали подполковникъ Быдловскій, бывшій адъютантъ ген. Ружницкаго, и маіоръ Радзишевскій, что въ походъ выступаютъ—Юрій Корсакъ съ Побѣдзинскимъ изъ Бабчинецъ, Выжиковскій изъ Рогинецъ, Германъ и Іосифъ Потоцкіе изъ Бѣлиловки и даже Нерей Абрамовичъ, что у нихъ уже были выборы вождя. Воинственная шляхта хотѣла Вацлава Ржевускаго — Эмира Ташъ-Ульфера, но Еловицкіе и иные не любили эмира. Онъ училъ шляхту, какъ различать сѣверъ и югъ по мху на дубахъ, какъ узнавать вѣтеръ по наклоненію травы, какъ по породамъ птицъ угадывать въ какой находишься мѣстности—вблизи жилья, болота, лѣса или поля, какъ соображаться съ положеніемъ звѣздъ, все это онъ объяснялъ имъ, а Еловицкіе, Липковскіе и др. ходили между шляхтой и говорили:

— Эмиръ бредитъ, что намъ за дѣло до мха, травъ, птицъ и звѣздъ, намъ надо драться.

При этомъ они угощали водкой, медомъ и виномъ и шляхта, по польскому обычаю, начала кричать: „Не хотимъ Эмира! Зачѣмъ намъ арабовъ, мы хотимъ поляка!“ Вождемъ, по внушенію Еловицкихъ, отца и сыновей, избрали стараго генерала Колыско. Викентій Тышкевичъ, все думавшій о своемъ братѣ Генрихѣ, будучи увѣренъ Еловицкими, что старый Колыско передастъ булаву въ руки Генриха, подтвердилъ этотъ выборъ, и Вацлавъ Ржевускій, подобно ген. Козловскому, былъ устраненъ.

Собрано было 19 эскадроновъ кавалеріи, и еще какихъ! 4000 пѣхоты подъ начальствомъ Владислава Загурскаго и 4 пушки подъ командой Эдуарда Еловицкаго; начальникомъ штаба былъ Орликовскій. Съ такимъ войскомъ ген. Колыско двинулся къ Дашеву, на пиръ къ графу Владиміру Потоцкому.

Много разсказывали намъ о приключеніяхъ отдѣльныхъ отрядовъ. Такъ, между прочимъ разсказывали о возстаніи Нагурничевскаго въ литинскомъ повѣтѣ и о нападеніи на Литинъ, гдѣ не было другаго русскаго войска, кромѣ инвалидовъ, которыхъ у насъ звали селедками, подъ командой капитана Хлопицкаго, родственника извѣстнаго диктатора. У гарнизона не было никакого оружія. Хлопицкій вывелъ инвалидовъ за рогатку, велѣлъ имъ снять шинели и при приближеніи непріятеля махать ими, какъ будто вытряхивая пыль. Ждать пришлось недолго. Кавалерія Нагорничевскаго шла на рысяхъ съ горы по большой дорогѣ; самъ Нагорничевскій и Александръ Голынскій были во главѣ. Увидѣвъ инвалидовъ, они съ крикомъ ура! поскакали впередъ. Хлопицкій подпустилъ ихъ шаговъ на 30 и скомандовалъ махать шинелями. Когда инвалиды замахали шинелями, точно огромныя птицы крыльями, лошади повстанцевъ встали на дыбы и всадники полетѣли на землю. Пришлось уходить и городъ не былъ взятъ.

Намъ сборъ былъ назначенъ на 17 мая. Я, какъ и другіе помѣщики, не полагался на крестьянъ, хотя любилъ ихъ и зналъ, что и они меня любятъ, и не разсчитывалъ выставить болѣе 30 человѣкъ, которыхъ обязался привести съ собою. Недостававшее до этой цифры количество дворовыхъ я намѣревался

пополнить молодыми людьми изъ чиншевой шляхты моихъ другихъ деревень—Семаковъ и Агатовки.

Я попрощался съ моими сестрами и отослалъ ихъ въ Агатовку къ замужней сестрѣ Сосницкой, попрощался и съ моимъ старымъ слугою Игнатомъ, который плакалъ и говорилъ:

— Нѣтъ ничего удивительнаго, что паничъ дѣлаетъ глупости—онъ еще молодъ и неразуменъ, а вотъ что панъ капитанъ (рѣчь шла о Ружицкомъ), имѣющій дѣтей, летитъ, какъ мотылекъ на огонь, Богъ знаетъ куда и зачѣмъ — это странно.

Серебро, котораго у меня оказалось много, даже послѣ того какъ я взялъ все нужное мнѣ въ дорогу, и драгоцѣнныя вещи были оставлены, не спрятанными и не запертыми, такъ какъ некому было этимъ заняться. Позднѣе я узналъ, что вся движимость и скотъ были вывезены и выведены крестьянами въ степь, такъ что, когда пришли донцы, то нашли въ Гальчинцѣ только голыя стѣны. Послѣ моего ухода въ возстаніе, моя сестра Ружицкая была назначена опекуншей Гальчинца, а зять Сосницкій ея помощникомъ. Въ Агатовкѣ дѣло происходило иначе. Донцы, явившись туда, начали хозяйничать по своему; Сосницкій все время молчалъ, но когда козаки стали ловить его любимыхъ индюковъ, онъ не выдержалъ, надѣлъ на шлафрокъ всѣ свои ордена, вышелъ и закричалъ на донцовъ такъ грозно, что тѣ тотчасъ оставили его индюковъ въ покоѣ.

Ко мнѣ прибыли два брата Выговскихъ — Антоній, мой повѣренный, и Станиславъ, мой школьный товарищъ. Ихъ посылала въ повстанье мать и, когда они заявили ей, что не имѣютъ ни ружей, ни палашей, сказала:

— А руки Выговскихъ, развѣ это не оружіе?

Кромѣ братьевъ Выговскихъ, изъ шляхты со мной были Антоній Топчевскій, мой управляющій, Феликсъ Рособовскій, мой камердинеръ, Гарайскій и Сѣдлецкій, чиншевые шляхтичи, прочіе были всѣ крестьяне.

Мы сѣли на коней и выѣхали изъ села. Я ѣхалъ впереди, а остальные за мной по два въ рядъ. Все это были молодые люди,—только двоимъ изъ нихъ было болѣе 30 лѣтъ. Одинъ изъ повстанцевъ несъ хоругвь, которую вышила панна Роза

Залѣская; на этой хоругви по малиновому атласу былъ вышитъ серебромъ архангелъ Михаилъ съ поднятымъ мечемъ, попирающій ногами змія. Панна Роза вышивала эту хоругвь потихоньку отъ отца и братьевъ и отдала ее мнѣ въ подарокъ со словами:

— Помоги Боже!

Мы вышли изъ Гальчинца среди бѣла дня, перешли почтовый трактъ и на большой дорогѣ никого не встрѣтили, кромѣ еврейскаго фургона, что сочли за доброе предзнаменованіе, и сосѣда Сильвестра Хрухровскаго, который разнесъ по окрестностямъ вѣсть: „уже пошли!"

Это было 15 мая 1831 г., а сборъ былъ назначенъ на Кравинецкомъ хуторѣ 16 мая.

Помню, что я взялъ съ собою четырехъ борзыхъ. Перейдя почтовую дорогу, мы повернули направо въ Гвоздовскій лѣсъ и на опушкѣ его остановились въ кустахъ, съ цѣлью дождаться вечера; мой конь, очень дорогой, постоянно ржалъ и не было возможности заставить его замолчать; я велѣлъ его убить и это было очень кстати, потому что вскорѣ мы услышали топотъ лошадей и увидѣли сотню донцовъ, двигавшихся по дорогѣ изъ Реи въ Катериновку.

Съ наступленіемъ ночи мы тронулись въ путь, прошли мимо Сосновки, перешли Гнилопятъ, а потомъ прошли черезъ Пилипы, гдѣ жила панна Северина; мы видѣли огни въ домѣ, слышали звуки фортепіано; мнѣ очень хотѣлось заѣхать проститься, но обстоятельства побуждали спѣшить.

Мы дошли безъ всякихъ приключеній до назначеннаго пункта и застали тамъ только Карла Ружицкаго и Яна Омецинскаго съ нѣсколькими десятками всадниковъ; но вдругъ, точно по уговору, съ другой стороны хутора показался отрядъ—Мих. Грудзинскій велъ 25 улановъ и 15 козаковъ. Вскорѣ прибыли братья Будзинскіе съ Ант. Трипольскимъ изъ Тютюнника, а за ними и другіе. Когда мы сосчитали собравшихся, то у насъ оказалось только 220 чел. конницы, но за то отборной.

XI.

Сборъ повстанцевъ.—Сраженіе подъ Чудновомъ.—Походъ на Подолію и возвращеніе назадъ.—Графъ Ростворовскій изъ Миропоія.—Сраженіе подъ Молочками.—Іосифъ Стецкій въ Межиричѣ Корецкомъ. — Сраженіе подъ Тычицей. — Мазурка въ Кошовѣ.—Походъ на Дубровицу.

Въ тотъ же день изъ повстанцевъ было сформировано 9 взводовъ. Эти 9 взводовъ составили три эскадрона. Аммуниція и вооруженіе были козацкія. Три взвода въ каждомъ эскадронѣ были вооружены пиками съ осиновыми древками, на которые были насажены зубцы, обитые желѣзомъ, саблями и пистолетами; сабли были только у унтеръ-офицеровъ—у 30 человѣкъ изъ моего отряда и у 25 изъ отряда Грудзинскаго; пистолетовъ было столько же; нѣкоторые взводы вооружены были карабинами, а такъ какъ карабиновъ было не болѣе 30, то недостающее количество было пополнено охотничьими двустволками и одностволками, которыхъ было достаточно, такъ что и нѣкоторые изъ вооруженныхъ пиками имѣли ружья; иные были вооружены вмѣсто сабель ятаганами, кинжалами и даже ножами. Одежда была разныхъ цвѣтовъ, но одинаковаго покроя, у всѣхъ были черныя барашковыя шапки; на трехъ человѣкъ полагался котелокъ. Лошади были породистыя, хорошо выѣзженныя и большею частью пріученныя на охотѣ къ выносливости и быстрому бѣгу; всадники также знали свое дѣло. Боевой строй былъ въ одну шеренгу; маневрировали согласно правиламъ польской кавалеріи.

Въ кассѣ было болѣе 150,000 рублей золотомъ и серебромъ, изъ которыхъ 50,000 было внесено нами, повстанцами, и князьями Радзивиллами изъ Бердичева, а 100,000 были даромъ бердичевскихъ евреевъ, доставившихъ еще котелки, немного оружія, 100 сѣделъ и 30 отборныхъ лошадей. Кромѣ того, они прислали 16 молодыхъ евреевъ для исполненія обязанностей шпіоновъ.

У всѣхъ офицеровъ было по нѣсколько вьючныхъ и верховыхъ лошадей; у меня ихъ было 7; нельзя было имѣть повозокъ; только одна повозка, запряженная тройкой, назначалась для кассы и аптеки. Медицинскій персоналъ былъ у насъ до-

вольно великъ: три цирюльника—еврея и еврей—аптекарь, всѣ изъ Бердичева; кромѣ того былъ докторъ медицины виленскаго университета Терлецкій, который впослѣдствіи сдѣлался уніатскимъ священникомъ. Былъ у насъ и капеланъ—ксендзъ-базиліанинъ изъ Любара, Коломыйскій, отличавшійся рыцарскими наклонностями.

Въ тотъ же день мы исполнили нѣсколько первоначальныхъ военныхъ упражненій и отрядъ усвоилъ себѣ начала военной выправки. Трубачей у насъ не было и вмѣсто крика ура! велѣно было кричать: „слава Богу!“ Ночью мы выставили патрули. Всѣ военныя эволюціи выполнялись очень успѣшно, чему способствовало то обстоятельство, что мы были всѣ охотниками.

Мы рѣшили уйти въ лѣса и тамъ, двигаясь маршами и контрмаршами по окраинамъ лѣсовъ, возбудить возстаніе пѣшихъ, руководителемъ котораго былъ назначенъ Тадеушъ Струмилло и очагъ котораго былъ на берегахъ Тетерева и горнаго Гнилопята до самой Случи, гдѣ были расположены Гуты, Рудни, лѣсопильные заводы, Тригоры съ монастыремъ инвалидовъ и ветерановъ базиліанскаго ордена, Новая Троя пани Дзяпынской; Новый Римъ сенатора Илинскаго и Чудновская Гута—главные пункты сбора и дальнѣйшихъ операцій. Базиліанскій монастырь въ Тригорахъ заключалъ въ себѣ польскія духовныя силы всей округи; тамъ было убѣжище всѣхъ базиліанъ юго-западнаго края, удрученныхъ старостью, болѣзнями и уже отбывшихъ положенные годы учительской дѣятельности; они жили здѣсь по-шляхетски: охотились, писали, читали, вели умныя бесѣды. Это были разумные и ученые поляки, находившіеся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ окрестными жителями, всецѣло преданные польскому дѣлу, но только съ козацкой окраской, да иначе и быть не могло въ орденѣ, пополнявшемся шляхтичами изъ юго-западной Руси.

Мы миновали Глубочекъ и около корчмы, на границѣ лѣсовъ Люцей и Буковъ, имѣній извѣстнаго Тышкевича, находившихся въ управленіи Тадеуша Струмиллы, насъ догналъ молодой Вагутовичъ, сынъ адвоката изъ Бердичева, который прозывался безносикомъ, такъ какъ у него отъ рожденія не было

носа; онъ былъ очень рѣчистъ, держался демократическихъ мнѣній, любилъ покричать, къ тому же отличался бездѣльничествомъ и большимъ честолюбіемъ. Мы знали его за сторонника будущей централизаціи и еще болѣе будущаго коммунизма (?). Онъ говорилъ, кричалъ о томъ, что никто ничего не дѣлаетъ, не умѣетъ дѣлать, но все это были только слова безъ всякаго содержанія. Корчма стояла на распутьи двухъ большихъ дорогъ: направо—на Тригоры и налѣво—на Новую Трою и далѣе на Житомиръ, до котораго было болѣе 40 верстъ плохой дороги черезъ лѣса, называвшейся *жидовскимъ шляхомъ*. Разъѣзды уже возвратились съ обѣихъ дорогъ, наши козаки были уже на коняхъ и построились по-взводно въ колонну, офицеры находились передъ фронтомъ, а Карлъ Ружицкій въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ въ сторонѣ, подъ развѣсистымъ дубомъ, разговаривалъ съ какимъ то шляхтичемъ, пріѣхавшимъ изъ окрестнаго села.

Вагутовичъ выѣхалъ впередъ и по-цицероновски сталъ держать рѣчь:

— Дворяне! за грибами что ли ведутъ васъ въ лѣсъ? Бабамъ только пристало собирать грибы, а вамъ, отважной молодежи, надо расковать цѣпи, сковывающія народъ, искупить саблей насилія, совершенныя вашими отцами, ихъ несправедливости, ихъ тиранства! Дубы и сосны, которые окружаютъ васъ,—не люди; люди плачутъ въ Житомирѣ, взываютъ къ вамъ, кричатъ вамъ: измѣнники, измѣнники! За мной, дворяне, на Житомиръ! на Житомиръ!

Онъ обнажилъ саблю, и почти всѣ офицеры, съ Севериномъ Пильховскимъ во главѣ, послѣдовали его примѣру, крича: „На Житомиръ на Житомиръ“! и поскакали за нимъ. Поскакалъ даже старый Дунинъ. Передъ фронтомъ осталось только трое: Мих. Грудзинскій, Янъ Омецинскій и я. Козаки стояли на мѣстѣ и пересмѣивались между собою, говоря:

— Ну и паничи!

Ружицкій вскочилъ съ мѣста, сѣлъ на коня, но недовольные уже возвращались одинъ за другимъ, пристыженные, какъ борзыя съ поджатыми хвостами. Вагутовичъ не возвратился, да и хорошо сдѣлалъ. Ружицкій не произнесъ ни одного слова

укоризны, но такъ посмотрѣлъ на нихъ, что они рады были бы отъ стыда провалиться сквозь землю.

Это происшествіе имѣло однако хорошія послѣдствія. Послѣ неудачной выходки стали стыдиться и размышлять о ней, и въ отрядѣ водворился порядокъ и слѣпое повиновеніе; поняли, что у нихъ недостаетъ ума для того, чтобы командовать, но есть достаточно доброй воли для того, чтобы повиноваться, а Ружицкій понялъ, что у него нѣтъ совѣтниковъ, и съ тѣхъ поръ поступалъ по собственному усмотрѣнію; въ этомъ и заключалась главная сила бердичевскаго возстанія.

Подъ самыми Люцями мы получили очень непріятное извѣстіе. Тадеушъ Струмилло, который принялъ командованіе надъ пѣшими повстанцами, не взвѣсилъ ни своихъ способностей, ни важности принятыхъ обязанностей. Когда онъ увидѣлъ массу предстоявшихъ трудовъ и еще болѣе опасностей, то, вмѣсто того, чтобы сознаться въ своей неспособности или трусости, (что нанесло бы ударъ только его самолюбію, а не дѣлу и дало бы возможность пособить горю), онъ постоянно доносилъ, что вошелъ въ сношенія съ базиліанами въ Тригорахъ и со всѣми жителями лѣсныхъ хуторовъ, что можно разсчитывать не на 2,000, а на 10,000 повстанцевъ. Когда-же онъ узналъ о моемъ выступленіи изъ Гальчинца, то вмѣсто того, чтобы отправиться въ Буки, гдѣ онъ жилъ и гдѣ былъ одинъ изъ сборныхъ пунктовъ повстанцевъ, уѣхалъ къ своему брату Игнатію, котораго не засталъ дома, а встрѣтилъ вмѣсто него исправника, пріѣхавшаго произвести обыскъ и арестовать Игнатія; тотчасъ же заявилъ исправнику, что онъ Тадеушъ Струмилло, братъ Игнатія, и готовъ ѣхать вмѣсто него; но исправникъ вовсе не захотѣлъ брать его подъ арестъ, говоря, что Петра не берутъ вмѣсто Павла, вслѣдствіе чего панъ Тадеушъ наговорилъ ему дерзостей, чтобы попасть подъ арестъ и быть отвезеннымъ въ Житомиръ. Когда переодѣтый крестьяниномъ базиліанинъ, привезшій намъ это извѣстіе, выѣзжалъ изъ Тригоръ, туда вступала уже сотня донскихъ козаковъ и полъ-баталіона пѣхоты, а другіе русскіе отряды были посланы въ Новую Трою, Романовъ и Чудновскую Гуту. Теперь не было уже и рѣчи ни о нашей пѣхотѣ, ни о

треугольникѣ для нашихъ операцій, образованномъ тремя крайними пунктами: Новый Римъ, Новая Троя и Тригоры.

Мы возвратились въ Дрыловъ, и туда пріѣхало къ намъ шестеро слугъ Камилла Піотровскаго, сообщившихъ, что ихъ паничъ и всѣ Піотровскіе, такъ же какъ Заблоцкіе и Францишекъ Янковскій, убѣжали изъ своихъ домовъ, Богъ знаетъ куда, но что крестьяне готовы къ возстанію и ждутъ насъ.

Какъ мы узнали впослѣдствіи, многіе изъ помѣщиковъ, при томъ молодыхъ, добровольно отдали себя въ руки властей, даже платили за то, чтобы ихъ арестовали, съ цѣлью избѣжать необходимости примкнуть къ возстанію. Эти господа, какъ и Тадеушъ Струмилло, котораго вскорѣ выпустили на свободу, объясняли свое поведеніе боязнью вызвать въ краѣ гайдамачество.

Мы прошли Дрыловъ на разсвѣтѣ. Наши шпіоны, евреи, донесли намъ о появленіи разъѣздовъ ахтырскаго гусарскаго полка въ окрестностяхъ Чуднова, а одинъ изъ нашихъ разъѣздовъ даже видѣлъ нѣсколько гусаровъ, разъѣзжавшихъ около чудновской дороги. Такъ какъ по свѣдѣніямъ шпіоновъ опушки лѣсовъ были заняты пѣхотой и отрядами гусаръ и донцовъ, то мы направились влѣво, въ степь и, свернувши съ дороги къ с. Бабушкамъ, расположились на отдыхъ въ долинѣ, которая скрывала насъ отъ взоровъ идущихъ и ѣдущихъ по большой торговой дорогѣ изъ Бердичева въ Чудновъ.

Ружицкій велѣлъ пустить пастись лошадей и накормить людей, а самъ разговаривалъ со шпіонами и съ бабушкинскимъ экономомъ, который ѣхалъ изъ Чуднова; никто изъ насъ не осмѣливался приблизиться къ нимъ, такъ какъ мы догадывались, что готовится нѣчто важное. Наконецъ, былъ позванъ Мих. Грудзинскій, и начальникъ (такъ мы звали Ружицкаго) сталъ съ нимъ о чемъ то говорить, указывая рукою по направленію къ Чуднову. Затѣмъ тремъ взводамъ 1-го эскадрона, моему, Яна Омецинскаго и Адольфа Пильховскаго, было приказано сѣсть на коней, и мы пошли прямо на чудновскую дорогу. Грудзинскій командовалъ нами. Станиславъ Дунинъ двинулся съ однимъ взводомъ влѣво на взгорье между Бабушками и Чудновомъ, Пржиборовскій, тоже съ однимъ взводомъ, къ

рощицамъ, которыми начинались чудновскіе лѣса, а Ружицкій шелъ со 2-мъ эскадрономъ въ нѣскольких стахъ шагахъ за нами по большой дорогѣ.

Мы шли колонной, по-взводно, форсированнымъ маршемъ, и едва взошли на пригорокъ, какъ увидѣли по ту сторону отрядъ гусаръ, которые разбѣжались вразсыпную и открыли длинную колонну пѣхоты. Грудзинскій тотчасъ скомандовалъ „рысью“, потомъ „опустить пики“ и „въ галопъ“. Пѣхота была атакована такъ неожиданно, что командиръ ея не успѣлъ даже скомандовать; раздалось нѣсколько выстрѣловъ, но мы уже смяли пѣхоту. Русскіе бросили оружіе, но мы, какъ ураганъ, пронеслись вдоль всей колонны. Мы доскакали до Чуднова; гусары укрѣпили въѣздъ, поставивъ поперекъ его возы въ видѣ баррикады; но и это не помогло; мы преслѣдовали гусаръ въ самомъ Чудновѣ; 18 изъ нихъ пало, въ томъ числѣ одинъ офицеръ, 22 солдатъ и одного офицера мы взяли въ плѣнъ; только двое изъ этого отряда успѣли убѣжать. Пѣхота была взята въ плѣнъ вся. Это былъ батальонъ, на двѣ трети состоявшій изъ рекрутъ.

Послѣ этой побѣды мы возвратились къ Бабушкамъ, въ долину. Часть оружія и аммуниціи, которую не могли забрать съ собой, ми зарыли въ землю на мѣстѣ, указанномъ экономомъ, принявъ мѣры для сохраненія вещей отъ порчи. Лучшихъ лошадей взяли съ собою, а худшихъ выпустили въ поле. Плѣннымъ русскимъ было выдано по полтиннику на человѣка, и съ наступленіемъ ночи Тулинскій съ отрядомъ нашихъ козаковъ вывелъ ихъ на опушку лѣса и отпустилъ на всѣ четыре стороны; офицеры были доставлены въ Турчиновку, и эконому было поручено отвезти ихъ въ Житомиръ.

Этотъ сводный батальонъ былъ назначенъ въ бердичевскій гарнизонъ, такъ какъ 3-я гусарская дивизія вышла изъ города, оставивъ только запасные эскадроны и батарею артиллеріи, въ которой не было полнаго комплекта ни людей, ни лошадей. Кавалерія употреблялась для разъѣздовъ, такъ что въ городѣ оставалась только артиллерія. О нашей побѣдѣ туда принесли извѣстія двое бѣжавшихъ гусаровъ, предупреждая,

что съ часу на часъ надо ожидать нашего нападенія на Бердичевъ. Замѣшательство было полное. Евреи, хотя и знали очень хорошо, что мы идемъ не на Бердичевъ, скрывали это, и русскіе, несмотря на всѣ разспросы, не знали какъ стоитъ дѣло.

Въ нашемъ лагерѣ была величайшая радость и я, хотя предъ тѣмъ уже нѣсколько недѣль былъ боленъ, почувствовалъ себя совершенно здоровымъ.

Мы двинулись на Подолію безъ всякаго распоряженія со стороны высшаго начальства. Ружицкій, не отважившійся въ самомъ началѣ рѣшиться на какой нибудь смѣлый планъ, постыдно обманутый своими товарищами-помѣщиками (обманъ этотъ долженъ былъ вызвать въ будущемъ колебанія и неувѣренность въ его стратегическихъ операціяхъ), потерявъ моментъ, когда могъ воспользоваться и настроеніемъ народа, и неготовностью непріятеля, былъ вытѣсненъ изъ опорныхъ пунктовъ своихъ военныхъ дѣйствій и какъ бы ощупью искалъ выхода изъ своего положенія.

Мы пошли прямо на Хмельникъ, а потомъ повернули направо и, послѣ двухдневнаго похода, остановились въ Жеребкахъ, имѣніи ген. Корженевскаго, находившемся въ арендѣ у какой то пани Рогинской или Рогозинской, у которой было 4 взрослыхъ сына; двое изъ нихъ служили прежде офицерами въ русской арміи, а теперь были въ отставкѣ. Тамъ мы застали еще нѣсколькихъ молодыхъ людей, бывшихъ въ сраженіи подъ Дашевомъ, и отъ нихъ то мы и услышали въ первый разъ объ этомъ пораженіи и о сопровождавшихъ его обстоятельствахъ.

Генералъ Колыско прибылъ подъ Дашевъ во главѣ отряда изъ 3,000 отборной конницы, 4,000 пѣхоты и 4 орудій. Графъ Владиміръ Потоцкій, владѣлецъ Дашева, устроилъ великолѣпное пиршество по случаю прибытія генерала и повстанцевъ, бывшихъ подъ его командой. Въ самый день торжества было донесено о приближеніи генерала Ротта съ двумя уланскими полками—смоленскимъ и курляндскимъ—и 4 орудіями. Силы отряда ген. Ротта не превышали 1,500 человѣкъ. Вацлава Ржевускаго выслали съ эскадрономъ конныхъ козаковъ въ Левухи, въ 7 верстахъ отъ Дашева. Когда готовились сѣсть за столъ,

было получено извѣстіе, что Ржевускій вступилъ въ сраженіе съ авангардомъ Ротта. Еловицкіе и Липковскіе стали кричать: „Пусть сражается, пусть покажетъ себя!“ Черезъ нѣсколько часовъ было дано знать, что козаки Ржевускаго отступаютъ, а ген. Роттъ со всѣми силами спѣшитъ къ Дашеву. Снова закричали: „Пусть приходитъ, мы себя покажемъ!“ И не встали изъ-за стола. Вскорѣ прискакали Петръ Копчинскій и другіе съ извѣстіемъ, что Ржевускій погибъ, что видѣли, какъ онъ упалъ съ коня, что Скуратъ еще сражается, но не можетъ удержать непріятеля. Тогда отдали приказъ войску строиться, а сами остались допивать тосты. Только когда сообщили, что русскіе уже показались, командиры сѣли на лошадей, совершенно пьяные. Колыско и старый Еловицкій сѣли на дрожки и уѣхали. Побѣдзинскій, командовавшій эскадрономъ Корсака, ударилъ на русскихъ улановъ, прорвалъ ихъ ряды, доскакалъ до пушекъ и сталъ рубить канонировъ, но здѣсь погибъ съ большею частью своего храбраго эскадрона. Прочіе эскадроны не тронулись съ мѣста. Ихъ начальники не въ состояніи были произнести ни одного слова команды. Появился начальникъ штаба Орликовскій и скомандовалъ:

— Спасайся, кто куда можетъ и какъ можетъ!

Эскадроны бросились бѣжать вразсыпную; каждый бѣжалъ туда, куда несъ его конь и гналъ страхъ. Русскіе уланы, которые сражались, построясь въ одну шеренгу, взяли въ плѣнъ всю пѣхоту повстанцевъ со всѣми пушками и почти третью часть кавалеріи. Дрожки съ ген. Колыско и старикомъ Еловицкимъ, благодаря искусству кучера, благополучно добрались до лѣса.

Генералъ Роттъ не могъ и думать о преслѣдованіи повстанцевъ; его отрядъ былъ слишкомъ малочисленъ, къ тому же и люди, и лошади изнемогали отъ усталости. На другой день изъ семитысячнаго отряда повстанцевъ на лицо оказалось не болѣе 400 кавалеристовъ; но бѣглецы стали мало по малу собираться, и силы поляковъ увеличились присоединеніемъ Нагорничевскаго и Александра Гозынскаго съ 500 кавалеристами.

Что повстанцы были храбры—это они доказали подъ Ободнымъ и Тывровомъ; подъ Дашевомъ же командиры по-просту

пропили сраженіе и военную славу. На слѣдующій день уже распѣвали:

Pod Daszowem polaków moskal w ucho bije,
Kołysko ze starszizną miód i wino pije.
Kołysko ze starszizną hulaią w pałacu,
A moskali polaków morduią na placu.
Kołysko ze starszizną z Daszowa uciekli,
A moskali polaków okropne wysiekli[1]).

Эту пѣсню и много другихъ въ томъ же родѣ, сложенныхъ по тому же поводу, я слышалъ на Дунаѣ и въ Балканахъ отъ бердичевскаго мѣщанина Рачица, повстанца, бывшаго подъ Дашевомъ; а разсказъ о пораженіи я передалъ слово въ слово, какъ разсказывали повстанцы, которыхъ мы застали въ Жеребкахъ.

Сама хозяйка Жеребковъ и двѣ ея кузины были горячими патріотками, но всѣ четыре брата, рослые какъ дубы и такіе же крѣпкіе, указывая на примѣры подъ Боремлемъ и Дашевомъ, утверждали, что нельзя бороться съ русскими, а надо сидѣть тихо и ждать лучшей поры; можетъ быть, они были и правы, если говорили по убѣжденію. Они все повторяли, обнимая насъ: „Мы удивляемся вамъ, но сожалѣемъ васъ“.

Каждый изъ молодежи, бѣжавшей изъ подъ Дашева, на наше приглашеніе идти съ нами отвѣчалъ: „Нѣтъ, намъ достаточно и этого!“ Хозяева развезли этихъ молодыхъ людей къ окрестнымъ помѣщикамъ, чтобы укрыть ихъ до болѣе спокойнаго времени, а мы отправились въ походъ по направленію къ Пикову.

И командиры, и солдаты нашего отряда знали о пораженіи подъ Дашевомъ, видѣли отчаяніе и страхъ повстанцевъ, которыхъ мы встрѣтили въ Жеребкахъ, но все таки не теряли бодрости.

По дорогѣ мы встрѣтили Константина Бернатовича и Михаила Езерскаго, которые подтвердили намъ все, что говорилось

---

[1]) Т. е. „Подъ Дашевомъ русскій бьетъ поляковъ въ ухо, а Колыско со старшиной пьютъ медъ и вино. Колыско со старшиной пируютъ въ палацѣ, а на площади русскіе убиваютъ поляковъ. Колыско со старшиной убѣжали изъ Дашева, а русскіе поляковъ въ конецъ изрубили.

о сраженіи подъ Дашевомъ, но Бернатовичъ увѣрялъ насъ, что повстанцы съ Украины и Подолья собираются снова, что Нагорничевскій и Александръ Голынскій присоединились къ повстанцамъ и что въ войскѣ повстанцевъ въ настоящее время считается около 2,000 кавалеристовъ, что это войско направляется въ Каменцу-Подольскому, гдѣ возстаніе вспыхнуло во многихъ мѣстахъ и гдѣ ожидаютъ ген. Дверницкаго, который послѣ переговоровъ съ кн. Меттернихомъ навѣрное перейдетъ границу подъ Гусятиномъ, что эти переговоры будутъ имѣть успѣхъ, такъ какъ эрцгерцогъ Карлъ получитъ разрѣшеніе прибыть въ Варшаву для того, чтобы вступить на польскій престолъ. Въ это время къ намъ пріѣхалъ нѣмецъ Гаршмингель, у котораго я купилъ лошадь, и этотъ нѣмецъ сообщилъ намъ, что Дверницкаго не выпустятъ изъ Австріи, что есть распоряженіе отвезть его въ Штейермаркъ, что никакой эрцгерцогъ не поѣдетъ въ Варшаву, чтобы вступить на польскій престолъ, что дѣйствительно кн. Адамъ Чарторыйскій, вслѣдствіе настояній Станислава Малаховскаго и Владислава Замойскаго, обратился къ австрійскому императору съ просьбой о назначеніи одного изъ австрійскихъ эрцгерцоговъ въ польскіе короли, но что это письмо Чарторыйскаго кн. Меттернихъ отослалъ съ полковникомъ Фахомъ въ Петербургъ. Гаршмингель утверждалъ, что онъ знаетъ обо всемъ этомъ навѣрное, такъ какъ видѣлъ самого Фаха, который останавливался у него и разсказалъ ему все это.

Эти разсказы произвели сильное впечатлѣніе на меня и на Яна Омецинскаго, который также слышалъ ихъ. Мы сообщили о нихъ Ружицкому, и тотъ тоже серьезно задумался.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Документы, извѣстія и замѣтки.

Памятники козацкой старины въ музеѣ Императорскаго Одесскаго Общества исторіи и древностей. Небольшой музей Одесскаго Общества, помѣщающійся въ красивомъ зданіи на Биржевой площади, наполненъ главнымъ образомъ классическими древностями, собственно греческими, изъ мѣстныхъ древнихъ колоній. Среди нихъ, вмѣстѣ съ небольшими собраніями другого рода древностей, каковы напр. византійскія, египетскія, доисторическія, (послѣднія, къ слову сказать, не пользуются вниманіемъ Общества, т. к. немногочисленная коллекція ихъ, заключающая въ себѣ очень цѣнные экземпляры, находится въ полномъ безпорядкѣ), нашли себѣ мѣсто и памятники козацкой старины, такъ или иначе относящіеся къ югу Россіи. Сосредоточены они главнымъ образомъ въ первой комнатѣ. Здѣсь находится икона, изображающая Спасителя, съ вдохновеннымъ приподнятымъ вверхъ лицомъ. Икона эта довольно большихъ размѣровъ, квадратная, хорошаго письма; она изъ сѣчевой Покровской церкви, бывшей въ селѣ Покровскомъ екатеринославской губ. (по Указателю изд. 1890 г. I, № 1). Другая икона изъ Покровской церкви находится въ залѣ нижняго этажа; она изображаетъ Спасителя съ предстоящими Богоматерью и Іоанномъ Предтечею (по Указат. V, № 1). Изъ той же церкви и икона св. Николая, писанная въ 1764 г. «коштомъ козаковъ пашкѣевскаго куреня Карпа и Петра Сторчовусъ», въ третьей комнатѣ нижняго этажа (по Указат. VI, № 1). Въ полукруглой залѣ верхняго этажа помѣщена копія извѣстной иконы, изображающей Покровъ Пресвятой Богородицы надъ молящейся запорожской старшиной, изъ той-же Покровской церкви.

Въ этой же залѣ находятся три небольшія иконы изъ запорож ской церкви въ селѣ Каплуновкѣ екатеринославск. у. Одна—Пресвятой Богородицы Одигитріи, другая—святителей Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго, третья—св. равноапостольнаго князя Владиміра. Иконы въ старинныхъ рѣзныхъ рамахъ (по Указат. II №№ 2, 3 и 4).

Изъ портретовъ выдѣляются два—Якова и Ивана Шіяновъ. Ими былъ въ 1782 г. построенъ иконостасъ въ Покровской церкви м. Никополя (бывшаго запорожскаго поселенія, носившаго разныя названія: Микитино, Микитинъ рогъ, Микитинъ перевозъ). Устроенный ими иконостасъ былъ перенесенъ въ построенную въ 1796 г. новую церковь. Вообще оба брата много способствовали украшенію Никопольской церкви, въ которой состояли ктиторами. На портретѣ Яковъ Шіянъ представленъ во весь ростъ, бодрымъ старикомъ, съ умнымъ и строгимъ выраженіемъ глазъ; голова у него совсѣмъ лысая; онъ при саблѣ, лѣвая рука взята въ бокъ, правая лежитъ на шапкѣ, надѣтой на палку. Иванъ Шіянъ моложе брата, голова бритая, съ оселедцемъ, снятъ онъ въ такой же молодцоватой позѣ. На портретахъ надписи: «Сей портретъ снятъ сктитора Якова Шыяня и поставленъ здѣсь при томъ мѣстѣ, гдѣ труда его всему обществу наіконостасѣ видни 1784 года Генваря 9 дня»; на другомъ портретѣ такая же надпись, только вмѣсто «Якова», стоитъ «Ивана». Портреты эти стояли прежде по бокамъ устроеннаго Шіянами иконостаса (по Указат. I, № 12 а и б). Кромѣ этихъ большихъ портретовъ, есть еще одинъ гораздо меньшихъ размѣровъ—потемнѣвшій портретъ запорожскаго войска полковника Афанасія Федоровича Колпака, основателя селенія Колпаковки на Кинбурнской косѣ, таврич. губ. Портретъ погрудный, выраженіе лица у Колпака усталое, равнодушное, въ правой рукѣ палка, на груди на лентѣ медаль, вѣроятно полученная за войну съ турками, въ которой онъ участвовалъ (по Указат. I, № 14). Къ портретамъ же по указателю отнесена, скорѣе картина, изображающая запорожца курящаго люльку.

Картина очень не велика и скомпанована весьма оригинально: все почти полотно занимаетъ выразительная голова, лицо какъ бы передернуто гримасой, тутъ же помѣщена рука съ люлькой. По указателю, это портретъ Максима Желѣзняка 1786 г., что конечно подлежитъ большому сомнѣнію, которое отчасти раздѣляетъ и самъ составитель указателя, поставивши вслѣдъ за такимъ опредѣленіемъ вопросительный знакъ. Картина эта привезена изъ Херсона (по Указат. I, № 25).

Есть также въ музеѣ цѣлая серія (5) современныхъ портретовъ малороссійскихъ гетмановъ (по Указат. II, №№ 56—60).

Изъ трехъ картинъ, изображающихъ «Мамаевъ» или «Гайдамаковъ», заслуживаетъ вниманія старинная, бóльшая по размѣрамъ. На этой картинѣ подъ изображеніемъ Гайдамака, сидящаго по турецки, въ шубѣ, съ бандурой и окруженнаго обычными на такихъ картинахъ аксесуарами, каковы дубъ, лошадь, запорожскій гербъ, оружіе и т. д., помѣщены длинныя вирши; начало ихъ слѣдующее:

Хочь дивись на мене, та-ба невгадаешъ:
Вѣдкель родомъ, какъ зовуть, ни чичиркъ не скажешъ:
Коли трапилось кому у степахъ буваты,
То той можетъ прозвище мое вгадати...
(по Указат. I, № 15).

Двѣ другія картины такого же содержанія меньше по формату и гораздо новѣе, по крайней мѣрѣ одна изъ нихъ (по Указат. I, № 17).

Иконы, портреты и картины висятъ довольно высоко, вслѣдствіе чего неудобно было опредѣлить точные ихъ размѣры.

Изъ козацкаго оружія, находящагося въ Музеѣ, отмѣтимъ прежде всего три кованныя желѣзныя пушки, двѣ узкія, въ 1 ар. 4 вер. и 1 ар. 2 в. длиной; найдены—первая на островѣ Хортицѣ екатериносл. губ., другая—около Херсона; третья пушка почти въ два раза шире первыхъ, 1 арш. и 4 вер. длиной, съ правиломъ, найдена около мѣстечка Никополя. Пушки перетянуты чистыми желѣзными обручами, заряжались съ казенной части (по Указат. I, № 46). Изъ мелкаго оружія есть карабинъ, четыре пики, сабля, типичный пороховой рожокъ, сдѣланный изъ рога, келепъ, ружейный замокъ, стремя, удила, клинокъ, косарь и большая баклага изъ тисненой кожи. Всѣ эти предметы найдены въ курганахъ екатеринославской и херсонской губерній (по Указат. I, № 31). Очень изящна по работѣ серебряная лядунка Іереміи Родзянки (1773 г.); она вся отдѣлана чернью, сверху положены прорѣзныя позолоченныя пластинки, также орнаментированныя, съ гербомъ Родзянокъ по срединѣ (по Указат. I, № 37).

Изъ бытовыхъ предметовъ запорожскихъ козаковъ хранятся въ музеѣ двѣ серебряныя чарки и деревянная тарелка (по Указат. II, № 64).

Въ небольшомъ дворикѣ при музеѣ, сплошь уставленномъ каменными бабами, надгробными восточными памятниками и другими каменными фрагментами, находится очень оригинальное надгробіе съ изображеніемъ козаковъ. Это небольшая плита $13^1/_2$ вер. вышины и

10 вер. ширины. Невысокимъ рельефомъ высѣчены двѣ фигуры козаковъ; они въ жупанахъ, во весь ростъ. Лѣвый направляетъ копье съ развѣвающимся значкомъ противъ праваго, который, какъ бы обороняясь, взялся за саблю. Памятникъ найденъ въ курганѣ въ 125 верстахъ отъ г. Херсона (по Указат. VII, № 18).

Какъ ни незначительно собраніе козацкой старины въ одесскомъ музеѣ, но оно на своемъ мѣстѣ, открыто для обозрѣнія всѣмъ и каждому и такимъ образомъ выполняетъ цѣль, для которой сохраняются и собираются различные остатки прошлаго. Вообще, послѣ осмотра музея остается хорошее впечатлѣніе, и тутъ невольно является сравненіе совсѣмъ юной Одессы съ нашимъ древнимъ Кіевомъ, сравненіе не въ пользу послѣдняго: въ Одессѣ музей былъ открытъ городомъ еще въ 1820 г, а Кіевъ, вѣроятно давно отпраздновавшій свое тысячелѣтіе, не только не имѣетъ, но еще серьезно и не помышляетъ объ историческомъ музеѣ.

Н. Б.

Свѣдѣнія о задунайскихъ запорожцахъ въ 1826 году.

Въ Кіевск. Старинѣ 1883 г. была напечатана статья г. Кондратовича— «Задунайская Сѣчь», въ которой приведены любопытныя свѣдѣнія о состояніи задунайскихъ запорожцевъ въ первой половинѣ настоящаго вѣка, основанныя преимущественно на изустныхъ разсказахъ древняго старика Коломійца. Недавно мы пріобрѣли книжку съ такимъ заглавіемъ: *Нѣкоторыя свѣдѣнія о правомъ берегѣ Дуная, собранныя въ 1826 г. Спб. Въ тип. генер. штаба. 1827. 16⁰ 63 стр. Съ план. крѣпости Тульчи.* Книжка эта ни въ какихъ каталогахъ не значится и по отсутствію въ ней цензурнаго разрѣшенія, можно думать, что она заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія, собранныя офицерами генеральнаго штаба наканунѣ турецкой войны 1827—28 г.г. и напечатанныя по распоряженію военнаго начальства. Въ этой книжкѣ помѣщены, между прочимъ, и приводимыя здѣсь свѣдѣнія о задунайскихъ запорожцахъ, во многомъ дополняющія статью г. Кондратовича.

Перепечатка дѣлается съ сохраненіемъ какъ правописанія, такъ и курсивовъ подлинника.

А. Л.

«*Большія Дунавцы,* Запорожская Сѣча, отъ *Тульчи* въ лѣво, около 50 верстъ при рѣчкѣ *Дунавцѣ*. *Большія Дунавцы* издавна обитаемы были *некрасовцами* и включали въ себѣ до 10 тыс. душъ. Онѣ служили до начала послѣдней войны средоточіемъ или сборнымъ мѣ-

стомъ всѣмъ *Некрасовцамъ*, живущимъ въ окрѣстныхъ и отдаленныхъ мѣстахъ.

Запорожцы же тогда жили къ Дунаю. Они имѣли сѣчу свою на рѣкѣ сей, въ мѣстечкѣ *Семенахъ*, около 50 верстъ выше Гирсова и нѣсколько ниже *сухаго Дуная*; откуда въ 1805 году за разбой *на Дунаѣ* (Гайдамачество) Фирманомъ переведены къ берегамъ *Чернаго моря*, въ сосѣдство къ *Некрасовцамъ*. Имъ отведены были земли; тамъ построили они мѣстечко, назвали его *Едрелесомъ*, (отъ имени пролива) и учредили въ ономъ свою *сѣчу*; но возникшія междоусобія въ *Турецкой Имперіи* не долго оставили ихъ въ новыхъ жилищахъ. *Пегливанъ*, склонившій къ себѣ *Некрасовцевъ*, послалъ ихъ на *Запорожцевъ*, зависящихъ отъ *Браиловскаго Назыря*.

Напавъ на *Едрелесъ* и разсѣянныя жилища *Запорожцевъ*, *Некрасовцы* истребили и сожгли до основанія ихъ *сѣчу*, многихъ изрубили, остальныхъ разсѣяли; нѣкоторые успѣли спастись въ *Браиловъ*, другіе продолжали скитаться по деревнямъ и по войскамъ до *Букарестскаго мира*; тогда возвратясь въ отведенныя имъ для жилищъ мѣста, и не найдя тутъ *Некрасовцевъ*, отошедшихъ большею частію къ *Марморному морю*, построили и учредили свою сѣчу, на томъ мѣстѣ, гдѣ были *Некрасовскіе большіе Дунавцы*, сохранивъ прежнее наименованіе мѣстечка, и поселились въ окрестностяхъ.

Въ *б. Дунавцахъ*, обнесенныхъ не высокимъ валомъ и сухимъ ровомъ, нынѣ находится церковь, одна изъ плетня здѣланная паланка кошевого начальника сѣчи и не болѣе 40 домовъ (куреней), въ коихъ живутъ 40 атамановъ. Приписанныхъ къ симъ 40 куренямъ, щитаютъ до 40 т. душъ; всѣ имѣютъ тамъ свое управленіе.

Кошевой избирается *атаманами* безсрочно; они всѣ какъ и самъ кошевой холосты (бурлаки), и жить въ сѣчѣ никакой женщинѣ не дозволено; кто же вступаетъ въ бракъ, тотъ часъ переселяется въ въ селеніѣ. *Кошевой* отъ *Султана* имѣетъ *Топузъ и два Байрака* и пользуется властію равною съ трехъ—бунчужнымъ Пашею, завися отъ одного только *Сераскира въ Силистріи*.

Запорожцы не платятъ ни какой подати. *Порта* отводитъ имъ земли подъ селенія, даетъ на каждый курень по 300 левовъ (170 рублей) и по 2000 окъ (6000 фунтовъ) муки, называемой *сборочной*. Предъ симъ *порта* давала только по 200 левовъ и 1400 окъ муки; но сего года кошевой ѣздилъ въ Константинополь, гдѣ исходатайствовалъ вышеупомянутую прибавку. За это во время войны они должны выставлять требуемое число войскъ. Когда получается тако-

вой *Фирманъ*, то по наказу, збираются всѣ изъ селеній въ *Б. Дунавцы* для выбора означеннаго числа на службу. На собраніяхъ сихъ и на выборѣ въ *кошевые* имѣютъ голосъ только одни казаки, то есть: не женатые. Тяжебныя дѣла рѣшаются по деревнямъ сходкою, недовольный жалуется *кошевому*, рѣшеніе коего есть уже свято,—равномѣрно онъ имѣетъ власть по произволу казнить—за воровство и смертоубійство.

Некрасовцы, нанесшіе жестокой ударъ, истребленіемъ множества коренныхъ *запорожцевъ*, понудили *сѣчу* для пріумноженія общества своего испросить права приписывать въ оное желающихъ. Нынѣ находится въономъ множество нашихъ бѣглыхъ солдатъ [1]) и крестьянъ. Прежде многіе *Турки* и *Молдовсне* избѣгая смертной казни являлись къ нимъ и—впервые принявъ Христіанское исповѣданіе, оставались спокойными; ибо *Порта* по даннымъ имъ прежде правамъ, не имѣла власти требовать скрывшихся; но съ не давняго времени *Тульчинской* паша *Юносъ* получивъ званіе *Казакъ-Баши*,—разспространяетъ вліяніе свое нѣкоторымъ и на запорожцевъ, живущихъ вблизи его Пашалика; а потому приписанныхъ *Турокъ* и *Молдаванъ* отбираетъ; но и сіе право не касается какъ только до женатыхъ; холостые же остаются не прикосновенными и правленіе *Турецкое* отнюдь не распространяетъ власть свою надъ сею сволочью не признающей никакой другой, кромѣ *Дунавцевъ*.

Управленіе запорожцевъ состоитъ: изъ одного *Есаула*, одного *писаря* и одного *Драгомана*, коихъ *сѣча* содержитъ на свой щетъ. По обычаямъ *Кошевой* еслибъ и зналъ Турецкой языкъ, то подъ смертною казнію не можетъ объясняться на ономъ съ кѣмъ либо присланнымъ отъ *Порты* или *Сераскира* или какого либо сосѣдственного *Паши*; но все черезъ *Драгомана* на *природномъ Малороссійскомъ языкѣ*.

Атаманы выдавали билеты за своею подписью тѣмъ изъ *Запорожцевъ*, кои переѣзжали на время къ намъ по коммерческимъ или другимъ дѣламъ. Билеты сіи предъявлялись и прописывались въ нашихъ присудственныхъ мѣстахъ. Я много изъ оныхъ имѣлъ случай видѣть.

Большая часть сей сволочи, подъ названіемъ *Запорожцевъ*, промышляетъ рыбною ловлею и живетъ на проливъ (ѣрикахъ) въ *Чер-*

---

[1]) Солдаты однако преимущественнѣе принимаютъ магометанскую вѣру въ *Тульчѣ* и *Шакчѣ*.

ное море, *Едрелесъ-Бугазъ* и *Парчица-Бугазъ*.—Рыбу продаютъ въ *Галацахъ* и по берегу *Чернаго моря* до *Ахіолы*. Многіе гнѣздятся по островамъ между *Сунійскимъ* и *Килійскимъ Дунаемъ*, а наиболѣе на островѣ *Гассанъ-Баба*, не далеко отъ *Вылкова* въ весьма большомъ количествѣ, гдѣ есть и корчмы, тамъ живетъ одинъ и Турокъ назначенный для сбора десятины.

Збродъ сей прежде для насъ былъ весьма опасенъ. Имѣя родвенниковъ и друзей въ *Вылковѣ*, *Киліи*, *Тучковѣ*, *Ренни* и въ селеніяхъ близъ берега лежащихъ,—онъ не разъ въ ночное время выходилъ на нашъ берегъ, производилъ ужасныя смертоубійства и разбои среди городовъ, покражи, сманивалъ и перевозилъ по условленнымъ знакамъ нашихъ солдатъ и людей, обкрадывавшихъ своихъ господъ, подвергая безпрестанно край сей опасенію чумы;—но по принятіи мѣръ болѣе дѣйствительныхъ къ отвращенію сего, съ 1823 года почти не слышно подобныхъ приключеній; но неменѣе того сосѣдство онаго останется всегда опаснымъ для границъ нашихъ.

Другіе *Запорожцы* ходятъ и живутъ по деревнямъ, занимаясь разными мастерствами до востребованій ихъ *наказомъ* на собраніе,—есть и цѣлыя селенія оныхъ: 1-е *Раи* около 150 дворовъ между *Дунавцами* и *Бабадагомъ*; 2-е *Озаклія*, до 60 дворовъ противъ *Галацъ* черезъ *Дунай*; 3-е *Саранасувъ*, до 70 дворовъ между *Дунавцами* и *Бабадагомъ*; 4-е *Караерманъ*, на островѣ между *Сунійскимъ* и *Георгіевскими* гирлами—около 50 дворовъ—богатая деревня; 5-е *Чукурова*, около 20 дворовъ въ *Бабадагскомъ лѣсу*; 6-е *Иглица*, выше *Мачина*, ниже *Даянъ* на *Дунаѣ*, около 50 дворовъ перемѣшанныхъ съ *Некрасовцами*.

Есть многіе весьма богатые *Запорожцы* наиболѣе въ селеніяхъ и вышеупомянутыхъ проливахъ. Корчма въ *Дунавцахъ*, ходитъ ежегодно около 40 тыс. левовъ (22 тысячи рублей) на откупу въ пользу *сѣчи*.

Запорожцы почти всѣ вооружены, но когда идутъ на войну, то получаютъ оружіе отъ *Порты*, которая по окончаніи отбираетъ; они жестоки и кровожадны, на войну ходятъ пѣшіе. *Кошевымъ* нынѣ у нихъ *Василій Головатый*, старшій *Запорожецъ*, избранный въ сіе достоинство около шести мѣсяцевъ тому назадъ, на мѣсто бывшаго предъ симъ бѣглаго *Литвина*, извѣстнаго между ними подъ именемъ *Литвина Ивановскаго куреня*.

Въ *малыхъ Дунавцахъ*, вблизи большихъ лежащихъ, жителей нынѣ нѣтъ, и *Запорожцы* не долго занимали оные послѣ *Некрасовцевъ*.

Во время возмущенія *грековъ* двѣ тысячи *Запорожцевъ*, подъ предводительствомъ ихъ *Кошеваго Никифора Бѣлуги*, стараго *Малороссіянина*, ходили въ *Валахію* и возвратились изъ *Букареста* съ большою добычею—привезли много дорогихъ иконъ для своей церкви и большой колоколъ.

Около полутора года тому назадъ, 700 *Запорожцевъ* взяты были противъ *Грековъ*. Они пошли подъ предводительствомъ ихъ *Кошевого Мороза*, который въ послѣдствіи былъ Архимандритомъ и погибъ въ сей войнѣ. Въ Февралѣ сего года посланы еще 270 человѣкъ и вскорѣ еще 150 человѣкъ; а нынѣ требуется *Фирманомъ* 500 человѣкъ. Обстоятельство сіе привело въ волненіе всѣхъ; многіе разбѣжались, нѣсколько уже начали являться къ намъ въ карантинъ,—сѣча для сбора сего просила отсрочки на 15 дней; но имъ дано только 8 дней для отправленія сего числа. (Стр. 32—39).

Къ исторіи церквей г. Остра. Въ одной южнорусской старопечатной книгѣ [1]) встрѣтили мы приводимую здѣсь надпись, изъ которой видно, что ок. 1678 г., въ г. Острѣ (черниг. губ.) была построена кіевскимъ полковникомъ Константиномъ Солониною церковь Воскренія Христова. Свѣдѣніе это тѣмъ интереснѣе, что нынѣ не только этой церкви уже нѣтъ, но и память о ней забыта: въ книгѣ преосв. Филарета (Описаніе черниговской епархіи) Воскресенская церковь въ Острѣ вовсе не упоминается. Какъ безслѣдно поисчезали у насъ даже такіе памятники, какъ городскія церкви, построенныя только въ к. XVII в?...

.... «то есть учительное Єѵглїє, з власти и праци своеѣ купивши благочестивый христолюбивый и славою рицерскою квитнуючийся его мл. пнъ Константинъ Дмитриевичъ Солонина, полковникъ войска его царского пресвѣтлого величества запорожского киевский въ храмъ надалъ до Воскресения Христова в Острѣ, на новомъ мѣсте стоячой церкви, его коштомъ и щирымъ старанемъ урунованой (sic) [2]) згорливости своеѣ надаючы, такъ хотячи мѣть, абы тая книга

---

[1]) Евангеліе учительное архіеписк. Калликста, Евю, 1616. Въ началѣ книги недостаетъ нѣсколькихъ листовъ, почему и въ надписи недостаетъ первыхъ словъ. (Надпись сдѣлана по листамъ).

[2]) Уфундованной?

с того храма, то есть Воскресенія Христова, никимъ оддалена не была под проклятіемъ светихъ отецъ. Офѣрована сія книга и вручена в храмъ звишъ менованный року 1678, мца марта 14 дня».

А. Л.

«Письмо»—Апокрифъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ, въ с. Молодецкомъ, кіевской губ. уманскаго уѣзда, одна странница, повидимому великорусскаго происхожденія, усердно распространяла между народомъ апокрифическую «Епистолію и сказаніе о недѣлѣ». Въ заглавіи эпистолія переведена словомъ—«Письмо». На вопросъ мѣстнаго священника, откуда странница взяла «Письмо», она отвѣтила, что мужъ ея, живущій въ Одессѣ, переписалъ «Письмо» и далъ ей. Это «Письмо», во многихъ мѣстностяхъ подольской губ., какъ сообщаетъ И. Ф. Бѣньковскій, крестьянки во время беременности носятъ при себѣ, въ силу обѣщанія, выраженнаго въ «Письмѣ»: *«которая невѣста* (польск. niewiasta, жена) *беременна имѣла сіе письмо при себѣ, будетъ имѣть дитя счастливое»*.

Приводимый мною ниже апокрифъ уже разобранъ Н. Ѳ. Сумцовымъ въ его «Очеркахъ исторіи южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ подъ заглавіемъ: «Листъ небесный, или эпистолія о недѣлѣ». (стр. 116—121).

Насколько можно видѣть изъ «Очерковъ» Н. Ѳ. Сумцова апокрифическое «Письмо» не примыкаетъ къ великорусскимъ редакціямъ названнаго апокрифа, изданнымъ гг. Пыпинымъ, Тихонравовымъ, а также Кушелевымъ-Безбородко («Памятники старинной русской литературы»; вып. III, 150—153). Оно скорѣе примыкаетъ къ южнорусскимъ и польскимъ редакціямъ, что видно изъ завѣщанія посвящать субботу Божіей Матери, изъ обѣщанія отпущенія грѣховъ, въ католическомъ смыслѣ, и изъ названія женщины по-польски *невѣстой*. «Письмо» написано безграмотно и почти безъ пунктуаціи; такъ какъ здѣсь дѣло идетъ о содержаніи, то я передаю апокрифъ въ исправленномъ видѣ. Вотъ текстъ его:

„Письмо“.

«Сіе письмо найдено въ землѣ Британской со словъ Господа Іисуса на горѣ Таборѣ подъ образомъ святаго Михаила; кто его хотѣлъ прочитать или списать, то само ему раскрывалось, и было написано золотыми литерами.

Я Іисусъ, сынъ Бога живаго приказываю Вамъ силою Божества моего, чтобы вы день воскресный почитали отъ меня (sic): ибо я вамъ далъ шесть дней рабочихъ, а седьмый себѣ оставилъ и посвятилъ его вамъ, чтобы молились за благо, вамъ удѣленное, благодареніе Господа Бога, и награждали бы убогихъ, чему имѣйте вѣровать.

Я Іисусъ Христосъ, сынъ Бога живаго, сіе письмо своею рукою писалъ, чтобы вы на семъ свѣтѣ хорошо себя вели, чего если исполнять не будете, что вамъ приказываю, то буду васъ наказывать гладомъ, повѣтріемъ, огнемъ, мечемъ и водою, а если не покоритесь и который человѣкъ остался въ адской волѣ, то и несчастной душѣ будетъ адское наказаніе. Возбужу противъ васъ царей противъ царей, бояръ и другихъ и будетъ кровопролитіе животъ свой (sic), и чтобы вы познали справедливость мою, буду васъ наказывать жашомъ (!) (ужасомъ), молніемъ, градомъ за грѣхи ваши, бы вы остерегались, ибо если вы приказанія моего исполнять не будете, то отвращу лицо мое, напущу на васъ черныя птицы, летающія по воздуху, съ которыми распространится повѣтріе-нагло получите.

Я Іисусъ Христосъ, сынъ Бога живаго, приказываю вамъ, чтобы вы всюду субботу отъ вечерни не работали для умоленія Матери Моей, которая если бы не молила бы въ день праздничный....(пропускъ) какъ старые, такъ и малые собрали бы мимо идущаго.... грѣхи свои припоминали, въ чемъ прогнѣвали величіе мое и меня самого. Не присягайте напрасно на имя мое, на кровь мою, на члены мои, которыми я васъ искупилъ и сотворилъ по образу моему. Одинъ другаго не убивайте и не послушествуйте свидѣтельства ложнаго; отца и матерь чтите, ближняго любите, священно-служителей своихъ почитайте, убогихъ не выгоняйте, богатства не собирайте, и дамъ вамъ въ царствіи моемъ пребываніе.

Я Іисусъ Христосъ, сынъ Бога живаго, приказываю вамъ силою божества моего, чтобы вы сіе письмо, которое я своею рукою писалъ, уваженіе имѣли, и который человѣкъ сіе письмо будетъ имѣть при себѣ и давать его на прочитаніе или переписывать такое, хотя имѣлъ бы столь много грѣховъ, какъ въ морѣ песку, на небѣ звѣздъ, на древѣ листовъ, всѣ ему будутъ прощены; а кто сіе письмо будетъ имѣть и не давать его читать или переписывать, тотъ проклятъ погибнетъ, въ вѣчномъ огнѣ горѣть будетъ. Наконецъ приказываю вамъ подъ вѣчнымъ наказаніемъ моимъ,—который человѣкъ сему вѣрить не будетъ, тотъ насильно помретъ, на вѣчно мученіе

сойдетъ. А кто сіе письмо будетъ имѣть въ уваженіи, почтеніи своемъ, тотъ прославленъ будетъ люди, безъ исповѣди и причастія моего не умретъ и въ царствіе небесное внидутъ. Сіе письмо такой силы, кто его будетъ читать или слушать, (будетъ) имѣть сто дней отпущеніе грѣховъ, ни одинъ непріятель ему вредить не можетъ; которая невѣста беременна имѣла сіе письмо при себѣ, будетъ имѣть дитя счастливое, отъ Бога на семъ.... великую милость какъ душевную, такъ и тѣлесную получитъ, и кто сіе письмо будетъ имѣть при себѣ, вѣчное счастіе получитъ навѣки. Аминь».

Сообщилъ **Хр. Ящуржинскій.**

Великорусскіе чиновники въ Кіевѣ въ двадцатыхъ годахъ XVIII столѣтія. Со времени раздѣленія Россіи на губерніи кіевскіе воеводы переименованы были въ губернаторовъ, а состоявшая при нихъ приказная палата—въ губернскую канцелярію. Сущность дѣла отъ этого нисколько не измѣнилась; губернаторы были, по прежнему, начальниками великорусскихъ войскъ, расположенныхъ въ малороссійскихъ крѣпостяхъ, а губернская канцелярія была органомъ этого, чисто военнаго, управленія. Составъ служащихъ въ канцеляріи былъ великорусскій; это были тѣ же дьяки и подъячіе, какіе служили въ приказной палатѣ. Положеніе приказныхъ въ XVIII в. было, вообще, нелегкое. Содержаніе они получали ничтожное—въ царствованіе Петра В. рядовые солдаты получали отъ 10 до 12 р. въ годъ, а подъячіе, по удвоенному въ 1719 г. штату, отъ 15 до 60 р.; но и эту незначительную сумму выдавали имъ неаккуратно и не всегда полностью—такъ въ 1723 г. по случаю неурожая у всѣхъ служащихъ вычитали $^1/_4$ содержанія. Подспорьемъ служили «безгрѣшные доходы», узаконенные, въ извѣстномъ размѣрѣ, самимъ правительствомъ: въ 1714 г. подъячимъ предоставлено было взимать по каждому дѣлу съ праваго 3%, съ виноватаго 10% съ суммы иска, да по деньгѣ съ каждой четверти спорной земли[1]). Положеніе служащихъ въ кіевской губернской канцеляріи было еще тяжеле: никакихъ доходовъ, кромѣ жалованія, они не имѣли, такъ какъ судебныя дѣла не входили въ компетенцію кіевскаго губернатора; въ Кіевѣ они были люди пришлые, не имѣвшіе никакихъ связей съ коренныімъ населеніемъ и не

---

[1]) См. Лешковъ. Раздѣленіе Россіи на губерніи по указамъ Петра В. и Екатерины II. Р. В. 1863 № 22.

встрѣчавшіе со стороны послѣдняго особаго сочувствія. Все это должно было ставить ихъ тогда въ очень тяжелое положеніе.

Довольно яркую картину матеріальныхъ невзгодъ служащихъ въ кіевской губернской канцеляріи «и у прочихъ дѣлъ» даетъ прилагаемое доношеніе кіевскаго генералъ-губернатора кн. И. Ю. Трубецкого [1]) въ сенатъ, найденное нами въ связкѣ старыхъ документовъ кіевскаго центральнаго архива. Документъ этотъ, относящійся къ 1727, представляетъ черновую доношенія, которое, очевидно, не разъ уже посылалось въ сенатъ, начиная съ 1723. Онъ сохранился одновременно въ двухъ редакціяхъ—старой, относящейся къ царствованію Петра В., и новой—къ царствованію Екатерины I; старая редакція легла въ основу позднѣйшей, причемъ измѣнены только титулы (Ея И. В. вмѣсто Его И. В., высокій сенатъ вм. высокоправительствующій), вставлено нѣсколько строкъ въ серединѣ, да нѣсколько строкъ въ концѣ зачеркнуты и замѣнены новыми. Приводимъ этотъ любопытный документъ цѣликомъ, съ сохраненіемъ обѣихъ редакцій.

«Ея И. В. въ высокій сенатъ искиевской губерніи доношеніе.

Неоднократно чрезъ посланные мои іскіиева ввысокій Сенатъ доношеніі доносилъ я требуя (его) ея И. В. повелителного указа о выдаче обретающимся у дѣлъ (его) ея И. В. вкиевской Генералъ Губернской канцеляріи и у прочихъ дѣлъ и вгварнизоне канцеляристамъ и подканцеляристамъ и копеистамъ заслуженнаго ими (его) ея И. В. денежного жалованія на минувшій 723 г., о которомъ какъ прежде сего, такъ и нынѣ оные служители непрестанно и неотступно (его) ея И. В. бьютъ челомъ, объявляя при томъ всеконечную свою скудость, что многие изнихъ забраны вкиевъ издругихъ далныхъ городовъ, оставя домы свои впусте івовсеконечномъ разорениі і будучи нынѣ вкиевѣ уделъ (его) ея И. В. денно и ночно кандиціі себе кроме Е. И. В. определенного жалованія никакоі неімеютъ і многие уже займывая вчужихъ людехъ сженами ідетми пропитание имеютъ, вчемъ немалую нужду претерпеваютъ, на что і досего резолюціі отамъ не получилъ; а впрошломъ 726 году июня 16 дня поприсланному Ея И. В. указу исштатсъ конторы велено имъ служителямъ ея И. В. одно денежное жалование на 725 годъ помимо 723 и 724 годовъ, на которые они не получали, выдать, и я видя ихъ всеконечную нужду приказалъ прежде порядочную дачу произвесть

[1]) Имя генералъ-губернатора съ донесеніи не названо, но извѣстно, что кн. И. Ю. Трубецкой занималъ этотъ постъ съ 1722 по 1730 г.

на 723, а на 724 и на 725 и на 726 годы за необявлениемъ втомъ присланномъ указе помянутыхъ годовъ и за неимѣніемъ принадлежащихъ ктому расходу денегъ дачи еще не произведено, а понеже киевъ городъ пограничной̈ другимъ губерниямъ нев(п)римеръ ј ежели онымъ служителемъ определенное імъ Е. И. В. денежное и хлебное жалованье выдачу удержать то въ последнею нищету могутъ произойти.

(Затѣмъ слѣдуютъ зачеркнутыя строки прежняго донесенія: и коликое число оныхъ служителей вгубернской канцеляріи івгварнизонехъ присутствующихъ вкиеву уделъ обретаютца і что втому вдобавку потребно придоношениі моемъ ввысокоправительствующіи сенатъ минувшего 9 марта 724 года вмоскве подано ведение и требовалъ о томъ Его И. В. указа)

и какъ прежде такъ и нынѣ высокому (в. -пр.) сенату о томъ же доношу і (*прошу*) овыдаче онымъ служителемъ і земскому писарю заслуженного іми (его) ея И. В. помянутого жалованья для ихъ всеконечного мизерия которымъ ужеі вконцеляриі стало ходить невчемъ, а жены и дѣти по миру ходятъ и Христовымъ именемъ какъ себѣ такъ и мужемъ и дѣтемъ своимъ пропитание имеютъ, у которыхъ отъ нищеты многие отдаютъ и дѣтей (*неразобрано: вдаръ?*) на прошедшие 723 годъ и на 724 і впредь по вся годы о произвожденiі і о предложениі о томъ вгосударственную каморъ коллегию і высокого (в.—пр.) сената повелительной о томъ резолюциі».

На оборотѣ находится слѣдующая помѣтка, опредѣляющая, приблизительно, время составленія доношенія: «Сие дѣло отдано налетову отъ Алеѯѣя Ѳатѣјва Ѳевраля въ 8 день 727 году».

В. Щербина.

Письмо П. Д. Юркевича къ прот. П. И. Катранову. Помѣщаемое ниже письмо бывшаго профессора философіи сначала въ кіевской духовной академіи, а потомъ въ московскомъ университетѣ, Памфила Даниловича Юркевича (род. 1826 г., ум. 1874 г.), представляетъ интересъ не только потому, что самая личность писавшаго въ свое время была очень замѣтной, какъ въ наукѣ, такъ и въ жизни, особенно въ періодъ пребыванія своего въ Кіевѣ, но еще болѣе въ виду того, что въ письмѣ этомъ затронуты такіе животрепещущіе въ недавнемъ прошломъ вопросы, какъ изданіе научнаго журнала при духовной академіи, прогрессъ въ развитіи воспитанни-

ковъ академіи 60-хъ годовъ, сравнительно съ прежнимъ временемъ, и пр. Думаемъ, что, помѣщая это письмо, мы даемъ возможность будущему бытописателю общественной жизни Кіева прибавить нѣсколько характерныхъ чертъ, хотя и мелкихъ, но въ общей сложности проливающихъ особый свѣтъ на нѣкоторыя частности въ недавнюю эпоху 60-хъ годовъ.

Достопочтеннѣйшій Павелъ Ивановичъ!

Не помню, писалъ ли я когда нибудь къ Вамъ въ Полтаву. Теперь же вы имѣете въ Петрѣ Ивановичѣ[1]) такого правдиваго повѣствователя обо всемъ, относящемся до Кіева и кіевской академіи, что я долженъ предоставить его живому слову удовлетворить вашей любознательности въ этомъ случаѣ. Каникулы для меня время занятій; именно въ эти свободные отъ чтеній дни я обыкновенно приготовляю статьи для нашихъ, а иногда и для свѣтскихъ журналовъ. Помнится, когда вы были въ Кіевѣ, я просилъ васъ участвовать своими статьями въ нашемъ новомъ журналѣ[2]), который рождается какъ-то трудно и медленно, но который все же долженъ увидѣть свѣтъ и притомъ уже очень скоро. Наша бѣда въ томъ, что мы, какъ люди кабинетные и прикованные къ школѣ, не знаемъ жизни и ея живыхъ насущныхъ нуждъ, поэтому мы еще можемъ коекакъ поставлять статьи обще-ученаго содержанія, а для разъясненія вопросовъ, взятыхъ изъ дѣйствительности и жизни, мы нуждаемся въ посторонних сотрудникахъ. Вотъ почему я прошу васъ, Павелъ Ивановичъ, удѣлять свои досуги нашему журналу. Почему бы и Николаю Даниловичу[3]) не взяться за эту же работу. Вѣдь, если мы не обанкротимся съ нашимъ предпріятіемъ, то статьи будутъ вознаграждаемы, какъ слѣдуетъ.

Нашъ владыка, по пріѣздѣ изъ Петербурга, привезъ одну добрую вѣсть, и то касающуюся собственно нашей академіи, — вѣсть объ увеличеніи оклада наставникамъ академіи. Окладъ будетъ уравненъ до оклада академіи петербургской. Это значитъ, что я, напримѣръ, получу болѣе настоящаго сто рублей съ небольшимъ. Благо и это. О дѣйствіяхъ комитета, разсуждающаго объ улучшеніи быта сельского духовенства, извѣстно, что тамъ были предлагаемы самые

---

[1]) Студентъ, братъ протоіерея Катранова.

[2]) „Труды кіевской духовной академіи", начавшіе издаваться въ 1860 г.

[3]) Думитрашко, протоіер. законоучит. полтавск. гимн.

умные планы, но которые всегда оканчивались роковымъ вопросомъ: гдѣ денегъ взять? Впрочемъ и то хорошо, что стали разсуждать и строить планы; по крайней мѣрѣ это даетъ возможность нашему сельскому духовенству жить надеждою или ожиданіями: а это какъ не звать улучшеннымъ бытомъ?

Сколько я замѣчаю, многіе изъ нашихъ духовныхъ смѣшались, сконфузились, не могли найтись при встрѣчѣ съ новыми, не знакомыми для нихъ идеями и вопросами, и отсюда изъясняю я эту нерѣшительность, это двусмысліе въ поступкахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Отсюда же недостатокъ твердаго и мужественнаго голоса въ нашей духовной литературѣ. Мы какъ бы выжидаемъ, что сдѣлаютъ изъ насъ обстоятельства, а дѣйствовать не рѣшаемся. Я могъ бы указать вамъ на личности, высокостоящія, которыя отличаются этимъ пассивнымъ настроеніемъ и возбуждаютъ въ наблюдателѣ невольную грусть о нравственномъ безсиліи, объ этой нравственной апатіи... Для меня лично эти люди представляютъ поле психологическихъ наблюденій, которыми я подѣлюсь когда нибудь съ моими добрыми слушателями при чтеніи нравственной философіи.

Полтавская семинарія перемѣщается наконецъ въ Полтаву [1]). Не худо, если бы она оставила на старомъ мѣстѣ все грязное и унижающее наши школы. Въ Полтавѣ общественное мнѣніе будетъ взыскательнѣе. Здѣшніе наставники семинаріи издаютъ журналъ очень дѣльный [2]), лучшій нашего Воскреснаго Чтенія. Сотрудниковъ немного, но это люди молодые и дѣятельные: они имѣютъ свыше двухъ тысячъ подписчиковъ и вотъ отпечатали первый годъ вторымъ изданіемъ: оба эти обстоятельства рѣдко случаются съ нашими духовными изданіями. Но этотъ журналъ больше всего ожидаетъ помощи отъ самихъ же священниковъ, потому что практическіе вопросы стоятъ у него на первомъ планѣ.

Не легко и сказать вамъ, какъ измѣнились и созрѣли духовныя требованія нашихъ молодыхъ людей. Если они часто вступаютъ въ разладъ съ людьми стараго воззрѣнія, въ разладъ, который нѣкоторые такъ охотно и самодовольно изъясняютъ изъ вольнодумства или изъ безнравственности молодого поколѣнія,—то я понимаю это

---

[1]) Изъ Переяслава.

[2]) „Руководство для сельскихъ пастырей“, журналъ, въ которомъ такую видную роль игралъ покойный Ѳеоф. Гавр. Лебединцевъ, первый редакторъ—издатель нашего журнала.—Ред.

явленіе иначе. Когда Іисусъ Христосъ сказалъ о дѣтяхъ: не мѣшайте имъ приходить ко мнѣ, потому что имъ принадлежитъ Царствіе Небесное; то мнѣ кажется, что это надо понимать такъ: «Вы старики, отжившіе свой вѣкъ, упорно держитесь прежнихъ понятій о томъ, что добро и зло, что правда и неправда. Новыя идеи, новыя духовныя потребности уже не воодушевляютъ васъ. Все это будетъ понято, принято къ сердцу и усвоено свѣжимъ, молодымъ поколѣніемъ». Въ самомъ дѣлѣ, когда я смотрю, сколько нынѣшніе студенты читаютъ, сколько выписываютъ газетъ и журналовъ, съ какимъ участіемъ слѣдятъ за общественными вопросами, мнѣ становится стыдно за мое школьное время, когда студенты довольствовались тетрадками профессоровъ, а деньги расходовали только на табакъ и вино, причемъ, кажется, были убѣждены, что чтеніе журналовъ свѣтскихъ рѣшительно безполезно для духовныхъ воспитанниковъ, поэтому выходили люди, которые очень хорошо знали *сущность* вещей, а о самихъ то вещахъ не имѣли ни малѣйшаго понятія, были коротко, до подробностей знакомы съ небомъ и адомъ, а о землѣ, которая стелется передъ ихъ носомъ, не могли сказать ни одного путнаго слова. Всѣ недостатки этого воспитанія извѣстны мнѣ очень хорошо, потому что и самъ я страдалъ отъ нихъ. Вотъ почему я смотрю надвиженія, происходящія въ нашихъ академіяхъ, не съ той точки зрѣнія, съ какой изъясняютъ ихъ добрые почитатели старыхъ порядковъ. Впрочемъ, я согласенъ, что съ развитіемъ образованія добродѣтель смиренія и послушанія въ томъ видѣ, какъ она была понимаема у насъ доселѣ, дожна много потерять: притомъ, кажется, что она могла образовать только пасивныя личности, а не дѣятелей, имѣющихъ характеръ и волю, въ которыхъ и въ самомъ дѣлѣ чувствуется теперь большой недостатокъ.

Я поручаю Петру Ивановичу одно дѣло по консисторіи, прошу покорно и вашего содѣйствія, если оно тамъ понадобится. Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть вашъ покорнѣйшій слуга П. Юркевичъ.

1860 г. Іюня 25.
Кіевъ.

Дѣло о П. И. Богдановичѣ, типографщикѣ и переводчикѣ „Монтюглевой" Исторіи математики. *(Изъ архива Полтавской Полиціи 1793)* [1]) Въ архивѣ полтавской полиціи имѣется дѣло о коллежскомъ ассесорѣ Петрѣ Ивановичѣ Богдановичѣ, предпріимчивомъ литераторѣ и типографщикѣ послѣдней четверти 18 столѣтія, высланномъ изъ Петербурга въ 1793 году за ослушаніе начальству на безвыѣздное жительство въ Полтаву къ отцу его. Дѣло это не лишено интереса по тѣмъ мотивамъ, которые послужили основаніемъ ссылки Богдановича, а также и по его похожденіямъ.

Петръ Ивановичъ Богдановичъ родился въ 1 половинѣ 18 столѣтія въ Полтавѣ. Учился онъ въ Лейпцигскомъ Университетѣ, гдѣ преимущественно занимался математическими науками. Возвратясь изъ заграницы, онъ завелъ въ Петербургѣ собственную типографію, изъ которой вышло много полезныхъ книгъ, какъ имъ самимъ сочиненныхъ, такъ и его переводовъ. Съ 1779 г. по 1781 г. издано имъ 8 частей перевода Монтюглевой Исторіи Математики отъ ея начала до разрушенія Греческой Имперіи. Болѣе о его литературной дѣятельности намъ ничего не извѣстно, какъ равно, когда и гдѣ онъ умеръ. Изъ архивнаго же дѣла мы можемъ извлечь лишь его похожденія съ 1793 по 1800 годъ.

Въ 1793 году генералъ-прокуроръ графъ Александръ Самойловъ сообщилъ екатеринославскому намѣстническому правленію высочайшее Ея Императорскаго Величества повелѣніе, по коему коллежскій ассесоръ Петръ Богдановичъ за ослушаніе начальству отосланъ со всѣмъ семействомъ и имуществомъ на казенный счетъ въ Полтаву къ отцу его, для жительства безвыѣздно. Отправленный изъ Петер-

[1]) Печатаемая нами замѣтка о П. И. Богдановичѣ является тѣмъ болѣе интересной, что она проливаетъ хотя нѣкоторый свѣтъ на то темное дѣло, которое случилось съ нимъ въ Петербургѣ и о которомъ можно прочесть намекъ въ „Энциклопедическомъ словарѣ", подъ редакціей проф. И. Е. Андреевскаго (Т. IV, стр. 159). Считаемъ нелишнимъ, въ видѣ справки, привести нѣсколько данныхъ объ этой личности изъ „Словаря".

„Богдановичъ (Петръ Ѳедоровичъ или Ивановичъ)—писатель и переводчикъ конца прошлаго вѣка, род. въ Полтавѣ; служилъ въ тайной экспедиціи; въ 1796 г. съ нимъ случилось какое-то несчастье, и онъ, „яко безпокойный и упорнаго нрава человѣкъ, не повинующійся власти", былъ высланъ изъ Петербурга въ Полтаву къ отцу. Въ 1801 г. Б. напомнилъ о себѣ прошеніемъ и въ концѣ 1810 г. ему было дозволено выѣзжать изъ Полтавы безъ права въѣзда въ столицу. Въ 1786 г. онъ издавалъ „Новый Санкпетербургскій Вѣстникъ", изданный потомъ книжкой подъ заглавіемъ „Описаніе землетрясеній въ Калабріи и Сициліи (съ франц., СПБ. 1787);

бурга съ прапорщикомъ сенатской роты Нелидовымъ, которому приказано не подавать виду, что Богдановичъ препровождается подъ стражею, онъ остался въ Москвѣ, гдѣ, по неимѣнію денегъ къ отправкѣ его, начальствующимъ въ Москвѣ дѣств. тайн. совѣт. Измайловымъ задержанъ 4 мѣсяца и затѣмъ одинъ безъ семейства отправленъ въ Курскъ, гдѣ тоже пробылъ 4 мѣсяца, пока генералъ-прокуроръ князь Куракинъ не доставилъ средствъ къ продолженію пути его, такъ что только 7 марта 1794 г. прибылъ въ Полтаву. Жена же и двое дѣтей остались въ Москвѣ.

Проживая въ Москвѣ съ семействомъ, больною женой и дѣтьми, Богдановичъ, какъ видно, разсчитывая на казенный коштъ, не стѣснялся въ расходахъ и задолжалъ разнымъ лицамъ за квартиру, лекарства и съѣстные припасы 457 р. 90 к. Между тѣмъ, денегъ на содержаніе его и семьи и на дальнѣйшій путь не высылалось, и хотя чрезъ 4 мѣсяца и выслана была въ Москву нѣкоторая сумма, но ею только пополнены путевые расходы его и семейства до Москвы и на путь до Курска. Вслѣдствіе болѣзни жена и дѣти оставлены въ Москвѣ, а отправленъ былъ дальше въ Курскъ одинъ Богдановичъ, долги же его въ Москвѣ 457 р. 90 к., не смотря на данное Измайловымъ женѣ его удостовѣреніе въ томъ, что означенные 457 р. 90 к. будутъ уплочены изъ денегъ, которыя будутъ присланы генералъ-прокуроромъ для уплаты всего путеваго кошта, остались не только не уплаченными, но полтавскому городничему отъ малороссійскаго губернатора генералъ-лейтенанта Бердяева предписывалось о взысканіи означенныхъ 457 р. 90 коп. съ Богдановича. Полтавскій городничій князь Шаховской сталъ требовать уплаты этихъ денегъ съ Богдановича, но на требованіе его Богдановичъ отвѣтилъ, что таковыя должны пасть на счетъ казны, такъ какъ по Высочайшему повелѣнію онъ высланъ съ семействомъ и имуществомъ на казенный

ему же принадлежатъ слѣдующіе компиляціи и переводы: „Дикій человѣкъ, смѣющійся учености и нравамъ нынѣшняго свѣта“ (СПБ. 1781—1790); „Новая россійская азбука для дворянскихъ дѣтей“ (СПБ. 1784); „Магометъ съ Алкораномъ“ (СПБ. 1786 г.); „Скрижали нравоученія“ (СПБ. 1784); „Размышленія Додда“ (пер. съ англ. СПБ. 1784); „Новый способъ леченія чесотки, Пещикова“ (съ лат. СПБ. 1786 г.); „Новый полный письмовникъ“ 2 части (СПБ. 1791); „Правила для соблюденія здоровья (СПБ. 1788). У него была собственная типографія въ СПБ.“

Какъ оказывается, среди данныхъ о его переводческой дѣятельности ни словомъ не поминается указываемый въ настоящей замѣткѣ переводъ Монтюклевой исторіи математики.—Ред.

счетъ, и, между прочимъ, объяснилъ, что «невыполненіемъ Высочайшей воли чрезъ 11 мѣсяцевъ относительно перемѣщенія его въ Полтаву съ семействомъ и имуществомъ усугубляется разореніе его не токмо въ разсужденіи его наличности, но вообще всѣхъ частей состоянія, чувствованьемъ правоты его при неизобразимыхъ горестяхъ и страданіяхъ невинно съ цѣлымъ семействомъ, за то, что открылъ секретно у графа Димитрія Зубова лицъ, преступившихъ тяжко Монаршіе законы, въ чемъ и состоитъ все таинство заключенія его въ тайной, откуда изъяла его десница премудрой въ Бозѣ почивающей монархини, предписавшей перемѣщеніе его въ Полтаву для спокойнаго продолженія его трудовъ, за которые Высочайше предназначены и награды». Этотъ только отзывъ Богдановича проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на причины его злополучной высылки изъ Петербурга и помѣщеніе въ тайной канцеляріи, именно—открытіе какихъ то преступныхъ лицъ у всесильнаго графа Димитрія Зубова. Въ чемъ заключалась вина этихъ лицъ, преступившихъ тяжко законы монаршіе, изъ дѣла не видно.

Это объясненіе Богдановича, цѣликомъ представленное городничимъ генералъ-лейтенанту Бердяеву, навлекло на него неудовольствіе послѣдняго, которому впрочемъ не понравилось изложеніе Богдановичемъ обстоятельствъ, послужившихъ къ его высылкѣ, и заставило его дать городничему предостереженіе, чтобы впредь никогда подобныхъ бумагъ не присылалъ и самъ не принималъ, ибо ему велѣно имѣть смотрѣніе за поведеніемъ Богдановича, а не переписываться съ нимъ. Въ теченіе 2-хъ лѣтъ Богдановича не тревожили взысканіемъ съ него денегъ, и только по восшествіи на престолъ императора Павла, князь Куракинъ передалъ Высочайшее повелѣніе малороссійскому губернатору дѣйств. стат. совѣт. Бакуринскому о взысканіи съ Богдановича по Высочайшему повелѣнію, употребленныхъ въ Москвѣ и въ Курскѣ 369 р. 15 к. всего 869 р. 75 к. Бакуринскій 15 мая 1797 г. предписалъ князю Шаховскому взыскать означенныя деньги съ имѣнія и движимости Богдановича. Имѣнія, по донесенію городничаго, у Богдановича на уплату 869 р. никакого не оказалось а движимость состояла изъ 2 станковъ типографскихъ и многихъ буквъ, и, кромѣ нужной одежи, былъ еще оригиналъ Крекшина «Исторіи Императора Петра Великаго» въ 40 томахъ и тысячи на двѣ разныхъ книгъ въ листахъ. Это все имущество Богдановичъ, какъ доноситъ городничій, отдаетъ въ залогъ на полугодичный срокъ, на который проситъ, для внесенія требуемыхъ у него денегъ, отсрочки.

Но просьба объ отсрочкѣ не была уважена и, вслѣдствіе новаго предписанія произвесть опись и публичную продажу имущества Богдановича, заставило его выслать почтою князю Куракину 400 р., а въ уплатѣ остальныхъ 469 р. 75 к. ему на $^1/_2$ года разрѣшена отсрочка. Уплочены ли имъ остальныя деньги или нѣтъ, изъ дѣла не видно. Кромѣ взысканія съ него денегъ и описыванія имущества, полиція и въ остальномъ не оставляла въ покоѣ находящагося подъ ея надзоромъ Богдановича. Поступившій на мѣсто князя Шаховскаго полтавскимъ городничимъ Значко-Яворскій усилилъ наблюденіе за поднадзорнымъ Богдановичемъ и донесъ губернатору Миклашевскому, что Богдановичъ выѣзжаетъ изъ города въ окрестныя селенія, что у него въ Полтавѣ живетъ польская шляхтянка Ульяна Палашевичева, вслѣдствіе чего законная жена съ старшею дочерью удалены и живутъ на наемной квартирѣ, что Богдановичъ Палашевичеву не отправляетъ, не смотря на напоминанія его городничаго.

На это донесеніе 17-го мая 1800 года губернаторъ замѣтилъ Яворскому, что хотя предписано городничему наблюдать за поведеніемъ Богдановича, но не въ такихъ случаяхъ, а въ обращеніи его въ обществѣ и «не дѣлаетъ ли чего противнаго закону и порядку»; въ домашнія же его дѣла вмѣшиваться вовсе не слѣдуетъ и ежели жена его обижается, то можетъ сама просить на него.

Въ сентябрѣ 1800 года Яворскій, недовольный полученнымъ отъ губернатора выговоромъ, опять доноситъ ему, что Богдановичъ съ 5 по 7 число отлучался за 40 верстъ отъ города и что онъ поставилъ къ нему караулъ для прекращенія и далѣе могущихъ быть отлучекъ. Такое стѣсненіе Богдановича не понравилось новому губернатору барону Френздорфу, и ордеромъ 19 сентября онъ приказалъ городничему снять караулъ, «яко излишній», а 4 декабря 1800 г. далъ знать ему, что по Высочайшему повелѣнію Богдановичу дана свобода выѣзжать куда пожелаетъ, кромѣ Петербурга.

Такимъ образомъ Богдановичъ въ теченіи 7 лѣтъ, съ своими типографскими станками, исторіей Петра Великаго Крекшина, книгами въ листахъ, пробылъ въ Полтавѣ подъ надзоромъ полиціи «въ безотлучномъ его тамъ пребываніи, для спокойнаго продолженія трудовъ, за кои Высочайше предназначены награды».

Въ чемъ заключались эти труды и продолжались ли они въ Полтавѣ, какое употребленіе сдѣлано имъ изъ типографскихъ станковъ, какія книги въ листахъ имѣлись у Богдановича, осталось неизвѣстнымъ.

Петръ Ивановичъ Богдановичъ, какъ было сказано родился въ Полтавѣ, но когда именно—свѣдѣній не сохранилось; если же принять во вниманіе, что онъ обучался за границею въ Лейпцигѣ, затѣмъ завелъ типографію въ Петербургѣ и, занявшись переводомъ Монтюгля исторіи математики, издалъ ее въ 1779 году, то до ссылки его въ Полтаву въ 1793 г. ему было, вѣроятно, не менѣе 50 лѣтъ, почему положительно можно полагать, что время рожденія Петра Ивановича Богдановича почти совпадаетъ съ рожденіемъ Ипполита Федоровича Богдановича, знаменитаго автора «Душеньки», причемъ весьма вѣроятно, что они состояли и въ родствѣ другъ съ другомъ; но насколько авторъ «Душеньки» успѣлъ завоевать себѣ литературное имя, настолько переводчикъ Монтюглевой исторіи математики остался почти въ безвѣстности, сохранивъ лишь память о себѣ въ полицейскомъ полтавскомъ архивѣ.

Николай Сторжеовскій.

Библіографія.

Сборникъ извѣстій, относящихся къ мѣстной антропологіи (Zbiór wiadomości do antropologji krajowej). Изданіе краковской академіи наукъ; том. XIII и XIV. Краковъ 1889—1890.

Антропологическая коммиссія краковской академіи продолжаетъ издавать свои труды, носящіе выписанное выше заглавіе, съ замѣчательною аккуратностью: въ теченіе каждаго года выходитъ одинъ томъ «Сборника», содержащій 3 отдѣла: археологическій, собственно антропологическій и этнографическій. По характеру помѣщаемаго матеріала изданіе это представляетъ для насъ существенный интересъ, такъ какъ большинство помѣщенныхъ статей посвящено изслѣдованію русской территоріи; изъ 24 статей, входящихъ въ составъ двухъ послѣднихъ томовъ, 15 (6 по археологіи, 2 по антропологіи и 7 по этнографіи) относятся къ Южной Руси, 1 къ Бѣлоруссіи, 1 къ Литвѣ и только 7 къ областямъ, заселеннымъ поляками.

Въ отдѣлѣ архелогіи помѣщены три статьи извѣстнаго знатока первобытной археологіи г. Готфрида Оссовскаго.

1) *«Матеріалы для палеоэтнологіи украинскихъ кургановъ». (т. XIII)*. Г. Оссовскій сообщаетъ здѣсь дневники своихъ раскопокъ, произведенныхъ въ 1888 году въ васильковскомъ уѣздѣ кіевской губерніи (1 курганъ у фермы Станиславки, 2 у села Соколовки и 1 у с. Лосятина) и описываетъ сосуды, извлеченные другими лицами изъ кургановъ у сс. Антоновки и Кирилловки. Раскопки г. Оссовскаго произведены крайне тщательно, и дневники составлены весьма подробно. Въ изслѣдованныхъ имъ курганахъ онъ встрѣтилъ довольно подробно констатированный въ южной Руси похоронный типъ, относящійся къ концу каменнаго вѣка. Типъ этотъ отличается тѣмъ, что кости скелета окрашены слоемъ охры, и при костякахъ встрѣчаются грубаго издѣлія горшки, иногда каменныя орудія и костяныя шила. Черепа

10

въ этого рода гробницахъ всегда принадлежатъ къ типу долихоцефалическому, что подтверждается и измѣреніемъ черепа, добытаго г. Оссовскимъ изъ кургана у Станиславки.

2) *«Мастерская бронзовыхъ издѣлій въ Зарѣчіи»* (*т. XIII*). Г Оссовскій открылъ въ окрестности Бѣлой Церкви на урочищѣ «Зарѣчіе», около села Великой Половецкой стоянку, повидимому, каменнаго вѣка; на ней кромѣ кремневыхъ орудій и осколковъ и черепковъ первобытныхъ глиняныхъ издѣлій, онъ нашелъ двѣ каменныя формы для отливки бронзовыхъ орудій: цельта и копья; на основаніи этой находки г. Оссовскій полагаетъ, что въ Зарѣчьи нѣкогда существовала мастерская бронзовыхъ орудій; намъ кажется, что положеніе это не вполнѣ доказано, такъ какъ кромѣ двухъ формъ въ данной мѣстности не найдено было никакихъ другихъ признаковъ мастерской: недодѣланныхъ или испорченныхъ орудій, запасовъ или слитковъ металла, запасовъ проволокъ и т. п. Даже сколько нибудь характерныхъ предметовъ бронзоваго вѣка на стоянкѣ не найдено; единственный предметъ, о которомъ упоминаетъ г. Оссовскій, это, по его собственнымъ словамъ, обломокъ церковнаго колокола, конечно относящійся къ позднѣйшей, исторической эпохѣ. Такимъ образомъ, невольно зарождается предположеніе, что найденныя имъ каменныя формы принадлежатъ къ числу случайно уроненныхъ предметовъ и не могутъ быть сочтены доказательствомъ существованія мастерской на зарѣчской стоянкѣ.

3. *«Отчетъ о палеоэтнологической экскурсіи въ Галиціи въ 1889 году»* (*т. XIV*). Въ обширной статьѣ этой г. Оссовскій предлагаетъ весьма интересные выводы изъ многочисленныхъ наблюденій своихъ относительно характера археологическихъ памятниковъ въ Галиціи; по его мнѣнію, вся страна можетъ быть раздѣлена на три района, представляющіе въ археологическомъ отношеніи рѣзкія отличительныя черты: a) въ западной Галиціи (польской) по рѣку Санъ— вовсе нѣтъ кургановъ, господствуетъ погребальный обрядъ сожженія и гробницы, содержащія сосуды съ прахомъ сожженныхъ, группируются на «погребальныхъ поляхъ»; b) въ восточной Галиціи, отъ Сана до границъ Волыни, находится множество кургановъ, покрывающихъ собою всевозможные похоронные типы отъ каменнаго и до конца первобытнаго желѣзнаго вѣка; c) въ галицкой Подоліи и въ Покутіи курганы встрѣчаются весьма рѣдко, преобладаютъ гробницы, построенныя изъ каменныхъ плитъ или прикрытыя ими, а также особенный видъ похоронныхъ полей, открытый г. Оссовскимъ и названный имъ *кирпич-*

ными гробницами. Одно такое поле у с. Васильковецъ г. Оссовскій описываетъ подробно: подъ слоемъ чернозема онъ встрѣтилъ на значительномъ пространствѣ толстый сплошной слой, сложенный изъ кирпичей неправильной формы и различной величины; въ нижней части этого слоя помѣщались сосуды, по большей части по два вмѣстѣ, одинъ въ другомъ, а внутри ихъ лежали отдѣльныя человѣческія кости, кремневыя и костяныя орудія.

Затѣмъ г. Оссовскій передаетъ собранныя имъ свѣдѣнія о пещерахъ и стоянкахъ каменнаго вѣка и сообщаетъ дневники раскопокъ кургановъ, произведенныхъ имъ въ восточной Галиціи.

Въ археологическомъ же отдѣлѣ помѣщены двѣ статьи г. Неймана подъ общимъ заглавіемъ «*Археологическія замѣтки изъ русскаго Подолія*». Первая (т. XIII) содержитъ описаніе валовъ и городища у с. Стрижавки винницкаго уѣзда, а также дневники раскопокъ двухъ кургановъ, произведенныхъ въ той же мѣстности г. Нейманомъ въ 1886 году; въ могилахъ найдены были скелеты и при нихъ бронзовыя украшенія и желѣзное оружіе: копья, ножи, удила. Во второй статьѣ (т. XIV) г. Нейманъ сообщаетъ результаты раскопки четырехъ кургановъ, произведенной имъ въ 1889 году у села Болгана ольгопольскаго уѣзда. Въ курганахъ этихъ скелеты покрыты были корытообразно выдолбленными деревянными колодами, укрѣпленными посредствомъ рядовъ кольевъ; у скелетовъ найдено нѣсколько бронзовыхъ украшеній желѣзныхъ орудій и экземпляръ cyrraeae monetae.

Въ томъ же отдѣлѣ (т. XIV) помѣщена статья г. Казиміра Пулавскаго, «*Археологическія изслѣдованія въ русскомъ Подоліи*». Г. Пулавскій пріобрѣлъ уже давно почетную извѣстность своими серьезными и безпристрастными трудами, относящимися къ исторіи и археологіи южной Руси. Въ названной статьѣ онъ сообщаетъ результаты произведенныхъ имъ въ 1888 году раскопокъ у села Заводынцы каменецкаго уѣзда. Онъ вскрылъ здѣсь двѣ гробницы каменнаго вѣка, въ которыхъ лежали длинноголовые скелеты съ мечевидными голенями; при нихъ находились полированныя и отбивныя кремневыя орудія, кремневыя стрѣлки, костяное остріе и два комка красной желѣзистой краски. Мы полагаемъ, что гробницы, вскрытыя г. Пулавскимъ, должны быть отнесены къ числу упомянутыхъ уже гробницъ каменнаго вѣка, отличающихся присутствіемъ красной краски и окраскою ею костей скелетовъ.

Въ собственно антропологическомъ отдѣлѣ «Сборника» помѣщены только двѣ статьи: въ XIII томѣ весьма основательная и точ-

ная работа покойнаго проф. Коперницкаго подъ заглавіемъ *«Физическая характеристика русскихъ горцевъ»*. Матеріалъ для этой статьи собранъ былъ г. Коперницкимъ на мѣстѣ; съ этою цѣлью онъ предпринялъ въ 1888 году поѣздку въ Карпаты, собралъ точныя помѣрки и наблюденія въ различныхъ мѣстностяхъ (всего изслѣдовано имъ 188 особей) и добытые результаты сличилъ съ антропологическою характеристикою русиновъ, живущихъ въ остальной, не горной Галиціи (эта работа напечатана раньше имъ-же сообща съ проф. Майеромъ) и съ антропологическими данными о населеніи южно-русскаго края, собранными Чубинскимъ (Труды этнографической экспедиціи т. VII), и г. Дибольдомъ (Ein Beitrag zur Anthropologie der Kleinrussen). Въ трудѣ г. Коперницкаго разсмотрѣны подробно: ростъ, отношенія между собою частей тѣла, цвѣтъ кожи, волосъ и глазъ, размѣры черепа и лица. При сличеніи добытыхъ имъ выводовъ онъ приходитъ къ слѣдующему общему результату: «разсматривая физическую характеристику русскихъ горцевъ вообще, я не нашелъ ни одного признака, которымъ бы они рѣзко отличались отъ другихъ руссиновъ. Вообще тождественныхъ чертъ гораздо больше, чѣмъ отличій; притомъ тождество наблюдается въ признакахъ основныхъ, менѣе подверженныхъ индивидуальнымъ отклоненіямъ, т. е. въ ростѣ и размѣрахъ черепа, отличія-же замѣчаются въ признакахъ менѣе устойчивыхъ, какъ цвѣтъ волосъ и глазъ и очертанія лица. Впрочемъ, и сами отличія эти состоятъ по большей части лишь въ томъ, что общій этнографическій характеръ выражается у горцевъ и остальныхъ русиновъ въ большей или меньшей степени; мы не можемъ указать ни одной такой черты «которая, будучи присуща всѣмъ русинамъ, отсутствовала-бы у русскихъ горцевъ».—Сличая затѣмъ матеріалы, добытые въ разныхъ мѣстностяхъ Карпатъ, г. Коперницкій раздѣляетъ русскихъ горцевъ на 5 группъ, ясно отличающихся другъ отъ друга оттѣнками антропологическихъ признаковъ. Эти группы расположены по кряжу Карпатъ съ запада на востокъ въ слѣдующемъ порядкѣ: *лемки*, (называемые также снижаками, куртаками или чухонцами), *полонинцы*, *бойки*, *тухольцы и гуцулы*. Не ограничиваясь антропологическими наблюденіями, г. Коперницкій помѣстилъ въ этнографическомъ отдѣлѣ того же тома другую статью, служащую дополненіемъ и продолженіемъ первой — *«этнографическій очеркъ русскихъ горцевъ въ Галиціи»*. Здѣсь онъ разсматриваетъ подробно этнографическія черты каждой изъ пяти группъ, установленныхъ имъ путемъ антропологическимъ, причемъ въ каждой группѣ, указавъ географическіе пре-

дѣлы ея распространенія, онъ разсматриваетъ устройство жилищъ, пищу, одежду и отличительныя черты говора.

Вообще обѣ статьи, взятыя вмѣстѣ, представляютъ весьма точный, полный и, насколько знаемъ, лучшій понынѣ очеркъ этнографіи Карпатъ.

По образцу антропологической работы г. Коперницкаго составленъ другой трудъ, помѣщенный въ XIV томѣ «Сборника»,—это статья д-ра Талько-Гринцевича подъ заглавіемъ «*Физическая характеристика украинскаго населенія*». Г. Талько-Гринцевичъ собралъ для своего труда довольно значительный матеріалъ: наблюденія надъ 3,266 особями (въ томъ числѣ помѣрки были сдѣланы на 1292 лицахъ). Главнымъ матеріаломъ служило народонаселеніе звенигородскаго уѣзда, гдѣ г. Талько-Гринцевичъ собралъ наблюденія надъ 2782 лицами (85% съ лишнимъ), затѣмъ уже уманскаго (около 6%), таращанскаго (4%) и едва по 3—4 десятка наблюденій приходится на уѣзды черкасскій, чигиринскій и кіевскій. Работа г. Гринцевича произведена весьма тщательно, кажется намъ только, что при группировкѣ цвѣта волосъ и глазъ, почтенный авторъ нѣсколько иначе понималъ оттѣнки относительной темноты и ясности окраски, чѣмъ его предшественники и что вслѣдствіе этого процентъ свѣтлоглазыхъ и свѣтловолосыхъ лицъ, быть можетъ; вышелъ значительно больше вслѣдствіе нѣсколько субъективной группировки этихъ оттѣнковъ.—Во всякомъ случаѣ, отдавая полную справедливость антропологическому труду г. Т.-Гринцевича,—мы полагаемъ, что онъ напрасно присоединилъ къ антропологическимъ выводамъ нѣсколько общихъ историческихъ комментаріевъ и вслѣдствіе этого работѣ точной и объективной придалъ нѣсколько неподобающій оттѣнокъ субъективизма. Правда, такихъ комментаріевъ немного, но такъ-такъ они поставлены какъ результатъ его общихъ выводовъ, то невольно бросаются въ глаза читателю. Такъ, замѣтивъ, что нѣкоторыя антропологическія черты среди собранныхъ имъ наблюденій представляютъ довольно значительныя колебанія, г. Талько-Гринцевичъ объясняетъ это явленіе исторіею колонизаціи края, главнымъ образомъ, истребленіемъ народонаселенія набѣгами Менгли-Гирея и поселеніемъ новыхъ пришельцевъ въ XV и XVI столѣтіяхъ, причемъ составъ этой колонизаціи онъ изображаетъ слѣдующими общими чертами: «извѣстно, что Русь, обезлюдѣвъ послѣ каждаго катаклизма, сама по себѣ слабо населенная, не могла доставить нужныхъ колонизаціонныхъ силъ и если доставляла пришельцевъ, то они составляли значительное меньшинство,

большинство-же поселенцевъ приходило преимущественно изъ сосѣднихъ странъ: Литвы и Польши. Безпрестанно приходившіе изъ этихъ странъ выходцы, какъ то доказываютъ историческіе факты и почти живые примѣры (?), смѣшивались съ русскимъ населеніемъ и, можетъ быть, съ остатками татаръ (?), и положили основаніе современнаго намъ типа украинскаго населенія». Очевидно, д-ръ Талько-Гринцевичъ не историкъ и потому, намъ кажется, напрасно дѣлаетъ экскурсы въ историческую область. Сколько общихъ мѣстъ, несообразностей и странностей пришлось ему нагромоздить въ нѣсколькихъ приведенныхъ строчкахъ: Литва (т. е. ковенская и виленская губерніи) и Польша (ближайшая къ Украинѣ польская область—люблинская) являются сторонами, лежащими по сосѣдству съ Украиною; изъ этихъ областей будто, по свидѣтельству исторіи, идутъ безпрестанно выходцы (когда и о какихъ историческихъ фактахъ говорится, неизвѣстно); въ звенигородскомъ уѣздѣ они встрѣчаютъ остатки татаръ, никогда тамъ не жившихъ, и т. д.—Право, было-бы лучше, если-бы г. Талько-Гринцевичъ поудержался отъ историческихъ комментаріевъ и не портилъ ими прекрасной позитивной антропологической работы, сообщая ей какъ будто оттѣнокъ тенденціозности, напоминающій поговорку о ложкѣ дегтю и бочкѣ меду.

Въ третьемъ, этнографическомъ, отдѣлѣ «Сборника», кромѣ указанной выше статьи г. Коперницкаго о русскихъ горцахъ въ Галиціи, помѣщены еще 6 статей (въ XIII томѣ), содержаніе которыхъ относится къ территоріи южной Руси; мы сообщимъ только ихъ заглавія, которыя достаточно точно обозначаютъ содержаніе этихъ этнографическихъ работъ: 1) *Анна Ванке* «Галагивки, игры во время свѣтлаго праздника у русскаго населенія въ селѣ Горчицы, перемышльскаго повѣта». 2) *Маркелъ Цисекъ*—«этнографическіе матеріалы изъ мѣстечка Жалынии въ перемышльскомъ повѣтѣ"—содержитъ: описаніе «господы», т. е. братства, основаннаго подъ этимъ именемъ подмастерьями сапожниками, «вертепа» и сборникъ повѣрій, пріемовъ вѣдовства, чародѣйства и т. д. 3) *Янъ Колеса*: «Родины, крестины, свадьба и похороны у русиновъ въ селѣ Ходовицахъ, стрыйскаго повѣта». 4) *Софія Рокоссовская*: «Вѣрованія, предразсудки и преданія русскаго населенія Волыни о предметахъ растительнаго царства. Собрано въ с. Юрковщинѣ новгородъ-волынскаго уѣзда» 5) *Оскаръ Кольбергъ*: «Полѣсскія легенды» (собраны въ пинскомъ уѣздѣ). 6) *Оскаръ Кольбергъ*: «Свадебные полѣскіе обычаи и обряды» (изъ той-же мѣстности).

Изъ этого краткаго перечня содержанія послѣднихъ двухъ томовъ антропологическаго сборника краковской академіи можно оцѣнить количество научнаго матеріала и его разработку, которыя это изданіе привноститъ въ изученіе русской археологіи, антропологіи и этнографіи. Полагаю, что всякій, кто интересуется этими отраслями знанія, съ пользою прочтетъ краковскій сборникъ и съ благодарностью отнесется къ трудамъ ученаго общества, приносящаго несомнѣнно значительную научную пользу разработкою и собраніемъ матеріала въ доступной для него части русской территоріи.

В. А.

Изданія Статистическихъ Комитетовъ Южной Россіи въ 1891 году: кіевскаго, волынскаго, черниговскаго, полтавскаго, воронежскаго, кубанскаго «Кубанскій Сборникъ» и «Календарь черниговской губерніи».

По «Положенію о губернскихъ и областныхъ статистическихъ комитетахъ 26 декабря 1860 года» эти учрежденія обязаны составлять описаніе губерній и областей или отдѣльныхъ частей ихъ въ отношеніи топографическомъ, историческомъ, промышленномъ, торговомъ и т. п., въ видѣ «памятныхъ книжекъ», отдѣльныхъ статей и сочиненій. Такого рода изданія комитетовъ появлялись въ 60-хъ и 70-хъ годахъ подъ именемъ «Записокъ», «Памятныхъ книжекъ», «Трудовъ», и въ нихъ встрѣчались и солидныя работы по мѣстной исторіи, какъ напр. въ «Запискахъ Черниговскаго губернскаго статистическаго комитета» за 1866—72 годы; но затѣмъ они почему то прекратились. Въ настоящее время «памятныя книжки», издаваемыя комитетами, выходятъ не во всѣхъ губерніяхъ, да и тѣ, какія выходятъ, имѣютъ болѣе характеръ справочныхъ книгъ и календарей, чѣмъ интересныхъ для науки сочиненій. Во всѣхъ поименованныхъ въ заголовкѣ изданіяхъ комитетовъ, состоятъ ли они изъ 3, 4, или 5 отдѣловъ, справочныя и календарныя свѣдѣнія преобладаютъ. Кромѣ этихъ свѣдѣній, вездѣ имѣется еще статистическій отдѣлъ, состоящій изъ таблицъ, изготовляемыхъ для всеподданнѣйшаго отчета губернаторовъ,— о числѣ жителей, приростѣ населенія, урожаяхъ, положеніи скотоводства, промышленности, торговли и т. п. за 1889 годъ; свѣдѣнія о распредѣленіи землевладѣнія въ нѣкоторыхъ книгахъ (напр. Кіевской) показаны также за 1889 годъ, въ другихъ же по большей части по этому предмету приводятся данныя обслѣдованія 1877—81 годовъ; за текущими измѣненіями землевладѣнія комитеты не слѣдятъ. Къ Пол-

тавской памятной книжкѣ приложены карты всѣхъ уѣздовъ губерніи въ 10-верстномъ масштабѣ, что очень помогаетъ при разнаго рода справкахъ.

Отдѣлъ статистическихъ данныхъ во всѣхъ названныхъ книжкахъ отличается старымъ формализмомъ и аподиктичностью изложенія. Ни при одной таблицѣ нѣтъ указанія источниковъ и способовъ полученія приводимыхъ данныхъ, такъ что при разнаго рода противорѣчіяхъ, встрѣчаемыхъ при сопоставленіи однородныхъ свѣдѣній за два ближайшіе года или же и за одинъ и тотъ же,—имѣющій нужду въ справкѣ не знаетъ, на чемъ болѣе надежно остановиться. Конечно, свѣдѣнія о числѣ учащихся, ходѣ дѣлъ церковно-приходскихъ попечительствъ, разныхъ общественыхъ и кредитныхъ учрежденій имѣютъ общій интересъ, независимо отъ того, какая степень критики приложена была къ опубликованнымъ даннымъ.

Два комитета изъ названныхъ—воронежскій и кубанскій—въ текущемъ году не ограничились изданіемъ статистическихъ и справочныхъ свѣдѣній, а по способу Харьковскаго комитета издаютъ отдѣльныя монографіи: Воронежскій комитетъ назвалъ свою памятную книжку—первымъ выпускомъ ея, во второмъ же, котораго мы еще не имѣемъ подъ руками, намѣренъ помѣстить поэму Серебрянскаго, друга и учителя поэта Кольцова, и изслѣдованіе г. Дикарева о воронежскомъ мѣщанскомъ говорѣ съ приложеніемъ собранныхъ имъ поговорокъ и пословицъ; Кубанскій комитетъ, кромѣ объемистой оффиціальной справочной книжки на настоящій годъ, издалъ еще болѣе объемистый отдѣльный томъ разнаго рода монографій подъ заглавіемъ «*Кубанскій сборникъ*».

Это изданіе выдается по своему содержанію и солидности, и о немъ необходимо сообщить болѣе подробныя свѣдѣнія. Извѣстный знатокъ исторіи Черноморія, почетный членъ комитета *П. П. Короленко* въ статьѣ «Атаманы Черноморскаго войска» изложилъ біографіи всѣхъ восьми атамановъ Черноморскаго войска отъ Бѣлаго, Чепѣги и Головатаго до Безкровнаго и Завадовскаго включительно. Другой почетный членъ этого же комитета, состоящій въ настоящее время земскимъ статистикомъ воронежской губерніи и помощникомъ предсѣдателя воронежскаго статистическаго комитета, *Ф. А. Щербина* помѣстилъ въ «Кубанскомъ сборникѣ» обширное изслѣдованіе о земельной общинѣ Кубанскихъ козаковъ. Данныя для него собраны были авторомъ экспедиціоннымъ путемъ еще въ 1879 и 1880 году и затѣмъ въ видѣ отдѣльныхъ очерковъ появлялись въ разныхъ пері-

одическихъ изданіяхъ. Послѣ извѣстнаго сочиненія о Черноморіи И. Д. Попка трудъ г. Щербины является первымъ полнымъ очеркомъ географіи и исторіи внутреннихъ соціальныхъ отношеній въ кубанской области. Исторія колонизаціи ея, со времени разоренія Запорожской Сѣчи на Днѣпрѣ и перевода вѣрныхъ запорожцевъ подъ предводительствомъ атамана Харька Чепѣги на Кубань до самаго послѣдняго времени, разсмотрѣно авторомъ подробно и параллельно съ исторіею образованія формъ землевладѣнія. Процессъ образованія изъ коллективной войсковой земельной собственности частнаго владѣнія офицеровъ, сначала пожизненнаго (по положенію 1842 года), а затѣмъ и потомственнаго (по положенію 1870 г.), разъясненъ авторомъ въ мельчайшихъ подробностяхъ отъ самаго его генезиса при занятіи новыхъ земель. Географическія, сельско-хозяйственныя условія пастушескаго и земледѣльческаго быта, способы разселенія куренями и кошами (которые стали впослѣдствіи станицами и хуторами), наконецъ политическое и соціальное неравенство между старшиною и рядовыми козаками—вотъ причины, которыя дали въ концѣ концовъ въ кубанской области тѣ два класса, какіе знакомы намъ въ другихъ странахъ подъ именемъ аристократовъ, измѣрявшихъ свое достоинство медимнами, и демократовъ, патриціевъ и плебеевъ, старшины и черни, пановъ и мужиковъ, и т. п. Борьба принциповъ коллективной и частной земельной собственности и образованіе сословій привилегированныхъ и простыхъ обывателей,—явленія, маскируемыя при болѣе сложной организаціи общественной жизни разными побочными обстоятельствами,—тѣмъ яснѣе и проще въ исторіи Кубанскаго войска, что все это войско въ началѣ своей жизни отъ генералъ-майора Чепѣги до наименѣе выдающагося «сиромахи» изъ рядовыхъ казаковъ жило въ одинаковыхъ хаткахъ, орало землю одинаковыми плугами и косило сѣно одинаковыми косами. Одинъ и тотъ же пастушескій и земледѣльческій бытъ, существовавшій въ старину, не удержался до сихъ поръ и далъ уже начатки соціальнаго неравенства среди войска, не смотря на то, что оно и до сихъ поръ остается учрежденіемъ военнымъ и гражданскимъ вмѣстѣ, не имѣющимъ внутри себя никакихъ сословій, какія мы привыкли встрѣчать въ «губерніяхъ». Характеристика этого неравенства сдѣлана авторомъ въ каждой отдѣльной главѣ, при разсмотрѣніи формъ эксплуатаціи тѣхъ или другихъ угодій, при разсказѣ о борьбѣ общинъ съ хуторами и т. п.—на основаніи документальныхъ данныхъ, извлеченныхъ имъ изъ мірскихъ приговоровъ громадъ, и на основаніи личныхъ впечатлѣній. По про-

чтеніи статьи читатель получаетъ ясное представленіе о томъ положеніи, въ какомъ находится теперь Черноморье, Закубанье и, такъ называемыя, «линіи», соединенныя теперь въ одну «область», а также и о томъ, какъ исторически сложилось такое положеніе. Несмотря на это, авторъ обѣщаетъ въ будущемъ запастись новыми свѣдѣніями, дать очеркъ формъ собственно экономической жизни въ связи ихъ съ формами обычно-правовыми. При томъ мастерствѣ группировки данныхъ, какая отличаетъ настоящее его сочиненіе, можно только пожелать, чтобы ничто не помѣшало выполненію его обѣщанія.

Другія статьи «Кубанскаго Сборника» посвящены исторіи, этнографіи и статистикѣ края. Трудъ *М. О. Поночовнаго* о географіи Босфорскаго царства основанъ главнымъ образомъ на извѣстіяхъ Страбона, смыслъ каждой фразы котораго онъ возстановляетъ, руководясь знаніемъ мѣстной топографіи; опровергая съ картами въ рукахъ предположенія разныхъ ученыхъ о Босфорскомъ царствѣ, авторъ даетъ ключъ къ истинному пониманію разсказовъ Страбона о далекомъ прошломъ Кубанской области.

Этнографическій очеркъ *Кирилова* «Черноморская свадьба», въ которомъ послѣдовательно приведены всѣ пѣсни этого грандіознаго малорусскаго обряда, можетъ служить лучшимъ матеріаломъ для уясненія этническихъ особенностей Черноморцевъ. Обрядовыя пѣсни черноморской свадьбы то совпадаютъ слово въ слово съ черниговскими и полтавскими, или съ херсонскими и харьковскими, то представляютъ разныя варьяціи напечатаннаго уже до сихъ поръ матеріала.

Отдѣльный очеркъ *Щербины* подъ заглавіемъ «Хозяйственно-экономическій бытъ козачьихъ поселеній по бассейнамъ рѣкъ Пшехи, Пшиша и Псекурса» знакомитъ читателя съ новою интересною страною предгорій западнаго Кавказа въ Закубаньи, страною, отъ начала новаго заселенія которой, по вытѣсненіи оттуда черкесскихъ племенъ, еще не исполнилось и 30 лѣтъ. Положеніе лѣсопромышленности, земледѣлія, скотоводства въ этомъ уѣздѣ очерчено съ приведеніемъ статистическихъ цифръ, добыть которыя было очень не легко. Такими же качествами отличается его же «Очеркъ табаководства въ темрюкскомъ и закубанскомъ уѣздахъ кубанской области».

Въ объемистомъ спеціальномъ изслѣдованіи члена комитета *Ланда* о климатѣ г. Темрюка, составленномъ на основаніи многолѣтнихъ метеорологическихъ наблюденій, читатели «Кубанскаго сборника» найдутъ не только научную характеристику предмета, но и разъясненія многихъ положеній метеорологіи и физической географіи. Еще

болѣе интереса и для мѣстныхъ жителей, и для всѣхъ интересующихся прошлымъ отдѣльныхъ частей обширнаго русскаго государства представляетъ переводъ отрывковъ о западно-кавказскихъ горцахъ изъ сочиненія Пейсмеля, изданнаго въ Парижѣ въ 1787 году подъ заглавіемъ «Traité sur le commerce de la mer Noir». Выборки эти сдѣланы секретаремъ кубанскаго областнаго статистическаго комитета *г. Фелицынымъ*, трудъ котораго объясняетъ положеніе Крымскаго ханства и ордъ, населявшихъ его во второй половинѣ прошлаго столѣтія; къ статьѣ своей онъ приложилъ и факсимиле карты 1775 года, показывающей тогдашнія кочевья ногайскихъ ордъ въ нынѣшней кубанской области.

Чтеніе «Кубанскаго Сборника» доставляетъ истинное наслажденіе: кромѣ того, что читатель пріобрѣтаетъ изъ него массу новыхъ свѣдѣній, которыхъ не встрѣтишь нигдѣ кромѣ этой книги, общій тонъ статей всѣхъ авторовъ проникнутъ дѣйствительною любовью ихъ къ своему родному краю. Если не ошибаемся, то, кажется, всѣ авторы перечисленныхъ статей—козаки Черноморскаго войска по своему происхожденію. Многимъ дѣйствительнымъ членамъ нашихъ статистическихъ комитетовъ не мѣшало бы поучиться у этихъ козаковъ исполнять столь же бодро обязанности, соединенныя съ носимымъ ими званіемъ. Тогда памятныя книжки нашихъ губерній, снабженныя историческими, археологическими и этнографическими статьями, представляли бы болѣе интереса для всей читающей публики и расходились бы въ своихъ губерніяхъ въ большемъ количествѣ экземляровъ, чѣмъ то къ сожалѣнію замѣчается теперь, несмотря на репрессивныя мѣры, предпринимаемыя иногда для распространенія изданій комитетовъ.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ объ историческомъ матеріалѣ, находящемся въ изданномъ *Черниговскимъ* комитетомъ календарѣ на 1891 годъ. Озаглавленъ этотъ матеріалъ такъ: «Описаніе мѣстностей Черниговской губерніи въ предѣлахъ бывшаго Стародубскаго полка. А. И. Ханенка». Къ статьѣ нѣтъ никакого предисловія, и она начинается по алфавиту съ с. Азаровки и кончается пока на буквѣ П.—с. Пятковскимъ. При каждомъ имени селенія приводятся данныя, извлеченныя изъ документовъ XVII и XVIII вѣка о томъ, кому оно принадлежало, какія измѣненія происходили въ землевладѣніи стараго времени и т. п.; иногда приводятся и статистическія свѣдѣнія за старое время. Въ общемъ данныя этого «Описанія» могутъ служить дополненіемъ къ извѣстному изданію г. Лаза-

ревскаго о Стародубскомъ же полку. Заключается «Описаніе» заявленіемъ редакціи, что оно было составлено еще въ 1860 и 1870 годахъ, что многія «цѣнныя по своему содержанію» примѣчанія, составленныя авторомъ, комитетъ не напечаталъ за недостаткомъ средствъ на то; но если Календарь за настоящій годъ дастъ прибыль, то это описаніе будетъ опять перепечатано и пополнено. Такое заявленіе редакціи является тѣмъ болѣе страннымъ, что въ той же книжкѣ «Календаря» перепечатано 72 страницы, т. е. $4^1/_2$ листа, изъ Описанія Черниговской епархіи, изданнаго въ 1873 году. Намъ кажется, что лучше было бы не пропускать «цѣнныхъ» примѣчаній, чѣмъ перепечатывать одно и тоже по два раза.

Р.

И. А. Шляпкинъ. Св. Димитрій Ростовскій и его время (1651—1709 г.). Спб. 1891 года.

Названное нами сочиненіе И. А. Шляпкина представляетъ очень оригинальное явленіе: при огромномъ и чрезвычайно интересномъ находящемся въ немъ историко-литературномъ матеріалѣ, вполнѣ оправдывающемъ установившуюся за авторомъ репутацію большаго библіографа, и даже во многихъ случаяхъ заимствованномъ изъ рукописныхъ источниковъ и доселѣ неопубликованныхъ, изслѣдованіе И. А. Шляпкина о св. Димитріѣ Ростовскомъ и его времени отличается тѣмъ, что въ немъ нѣтъ изображенія ни св. Димитрія Ростовскаго, ни его времени. Намъ не трудно было бы доказать это, съ виду столь странное, положеніе, если бы оно не было уже доказано во многихъ статьяхъ, посвященныхъ оцѣнкѣ труда И. А. Шляпкина и принадлежащихъ такимъ знатокамъ исторіи русской литературы, какъ профессора Незеленовъ, Соболевскій и др. Достаточно указать, что авторъ почти не останавливается на анализѣ сочиненій св. Димитрія Ростовскаго, что, конечно, было безусловно необходимо для знакомства съ его личностью. Что же касается «времени» св. Димитрія, то едва-ли это не простой придатокъ для украшенія заглавія, такъ какъ время съ 1651 г. по 1709 г. и не можетъ быть предметомъ одного спеціальнаго изслѣдованія, разумѣется — серьезно научнаго, а не публицистическаго.

Впрочемъ, внося въ заглавіе своего сочиненія этотъ придатокъ, авторъ могъ имѣть въ виду, что имъ дѣйствительно затронута одна изъ важнѣйшихъ сторонъ жизни русскаго общества во второй поло-

ловинѣ XVII в.—усвоеніе имъ началъ западно-европейской культуры чрезъ югозападную Русь; но и этотъ вопросъ, тоже весьма сложный, трактуется авторомъ лишь библіографически. У него нѣтъ ни характеристики, хотя бы самой общей, западно европейской культуры въ XV—XVII в., ни выясненія тѣхъ формъ, которыя приняла она въ Польшѣ и въ югозападной Руси, ни исторіи проникновенія ея въ сѣверовосточную Русь, ни, наконецъ, характеристики ея здѣсь, съ указаніемъ на борьбу направленій въ московскомъ культурномъ классѣ, а затѣмъ и въ народѣ, въ зависимости отъ степени усвоенія ими западноевропейскихъ идей и отношенія къ нимъ московскаго общества и народа. Соглашаемся заранѣе, что изученіе указываемыхъ нами вопросовъ очень трудно, и, главное, знакомство съ жизнью и дѣятельностью св. Димитрія Ростовскаго до извѣстной степени могло бы быть достигнуто и безъ спеціальнаго изученія этихъ основныхъ вопросовъ, такъ какъ общій ходъ умственнаго развитія русскаго народа въ XVII в. (какъ въ югозападной, такъ и въ сѣверовосточной Руси) уже достаточно выясненъ; но разъ И. А. Шляпкинъ въ своемъ изслѣдованіи счелъ необходимымъ разсматривать дѣятельность св. Димитрія Ростовскаго въ связи съ анализомъ дѣйствовавшихъ въ его время направленій въ умственной жизни русскаго общества, онъ долженъ былъ сдѣлать это основательно, а не вскользь, разсыпавъ свои соображенія и замѣчанія, хотя бы и очень интересныя, по разнымъ мѣстамъ книги, внѣ всякой системы. Поэтому то однимъ изъ рецензентовъ, отнесшихся вообще благосклонно къ труду И. А. Шляпкина, и высказано было весьма обидное, по нашему мнѣнію, для автора предположеніе, что трудъ его о св. Димитріѣ Ростовскомъ — въ 35 печатныхъ листовъ — послужитъ лишь важнымъ матеріаломъ для послѣдующаго жизнеописанія этого знаменитаго дѣятеля!

Все сказанное, повторяемъ, легко было бы подтвердить обильными примѣрами и указаніями, еслибы въ томъ предстояла надобность, но такъ какъ этого не требуется, то мы предпочитаемъ сдѣлать нѣсколько кажущихся намъ небезполезными замѣчаній.

Первая глава изслѣдованія И. А. Шляпкина посвящена жизни св. Димитрія Ростовскаго до 1688 г., причемъ попутно говорится о состояніи южнорусскаго духовенства въ XVII в.; но приведенные авторомъ факты, хотя и изобильные числомъ, и любопытные, набраны столь отрывочно и несистематично, что въ результатѣ объ этомъ состояніи получается слабое представленіе.

Вторая глава изслѣдованія посвящена западному вліянію въ югозападной и московской Руси (у автора въ заглавіи: московской и югозападной Руси, что неловко); третья—вопросу о пресуществленіи Св. Даровъ въ Москвѣ на почвѣ литературной, и четвертая—тому же вопросу на почвѣ церковно-исторической и роли малорусскаго духовенства. Въ этихъ именно главахъ и изображено, такъ сказать, «время» св. Димитрія, по поводу чего мы уже говорили. Признаемъ однако, что здѣсь есть и очень цѣнныя мѣста, напр.: тѣ страницы (гл. II, стр. 66—95), гдѣ говорится о знакомствѣ сѣверовосточной Руси съ латинскимъ и польскимъ языками и о распространеніи латинскихъ и польскихъ переводовъ, или тѣ (гл. III, стр. 118—135), которыя посвящены распространенію юго-западно-русскихъ книгъ въ Московской Руси. Авторъ обнаружилъ здѣсь знаніе нашей литературы, можно сказать, выдающееся.

Нѣкоторыя свѣдѣнія о западно-европейскомъ вліяніи и о западно-европейскихъ книгахъ въ Москвѣ находятся сверхъ того на стр. 229, въ примѣч. 2, гдѣ имъ совсѣмъ не мѣсто; какъ видно, авторъ подобралъ ихъ позднѣе, чѣмъ написалъ (или напечаталъ) соотвѣтствующія мѣста своего изслѣдованія; большинство этихъ свѣдѣній взято изъ Котошихина, Соловьева, и другихъ популярныхъ книгъ и представляетъ факты, въ общемъ довольно извѣстные. Упустивъ случай привести ихъ въ своемъ изслѣдованіи тамъ, гдѣ это было умѣстно, авторъ напечаталъ ихъ уже гдѣ пришлось. Невольно думается, что авторъ слишкомъ торопился съ писаніемъ своего сочиненія.

Не ясно почему, но И. А. Шляпкинъ не окончилъ изложенія вопроса о хлѣбопоклонной ереси, не коснувшись даже спора 1705 г. между Дамаскинымъ и Домецкимъ (см. стр. 229), хотя споръ этотъ происходилъ еще при жизни св. Димитрія Ростовскаго.

Можно еще замѣтить, что авторъ видитъ слишкомъ рѣзкую разницу между старомосковскою и юго-западно-русскою партіями въ Москвѣ во второй половинѣ XVII в., тогда какъ въ дѣйствительности между ними было много лицъ переходнаго направленія; но подробное разъясненіе здѣсь этого вопроса завлекло бы насъ слишкомъ далеко.

Въ четвертой главѣ сочиненія неожиданно встрѣчаются свѣдѣнія изъ біографіи св. Димитрія Ростовскаго времени 1688—1689 г., которыя попали въ эту главу на томъ основаніи, что онъ въ 1689 г. случайно и на короткое время побывалъ въ Москвѣ. Нѣкоторыя

свѣдѣнія находятся даже въ примѣчаніяхъ, гдѣ ихъ и отыскать трудно; напр. на стр. 190 въ примѣч. 3 сообщено вскользь о смерти матери св. Димитрія—фактъ, казалось бы, не маловажный. Свѣдѣнія эти, конечно, потонули въ IV главѣ среди совершенно посторонних предметовъ, и ихъ слѣдовало бы перенесть въ слѣдующую главу, имѣющую спеціально біографическій характеръ.

Не поставимъ, впрочемъ, въ большую вину автору, что онъ, какъ въ IV-й, такъ и въ иныхъ главахъ многое, чему мѣсто было бы въ текстѣ, отнесъ въ примѣчанія (см. напр. на стр. 283 примѣч. 4, стр. 297 примѣч. 4, стр. 343 примѣч. 4, стр. 351 примѣч. 1 и др.) и наоборотъ (примѣровъ можно привесть безконечное множество); это ошибка всѣхъ молодыхъ писателей.

Въ пятой главѣ говорится о жизни св. Димитрія съ 1690 по 1700 г. въ санахъ игумена и архимандрита; въ шестой о немъ, какъ о митрополитѣ сибирскомъ; причемъ сообщено немало свѣдѣній о христіанствѣ въ Сибири и сибирскомъ духовенствѣ, хотя и любопытныхъ (статьями пр. Буцинскаго въ журналѣ «Вѣра и Разумъ» за 1891 г., авторъ, впрочемъ, еще не могъ воспользоваться), но неимѣющихъ къ біографіи св. Димитрія никакого отношенія. Здѣсь же (стр. 284) авторъ пользуется и такимъ пріемомъ для распространенія этой біографіи: въ бытность де св. Димитрія въ Москвѣ произошли многія, очень важныя событія (по выраженію автора, св. Димитрій былъ даже свидѣтелемъ этихъ событій): битва подъ Нарвою, присылка въ Москву сочиненія Корба, пожаръ Кремля и т. д., о котврыхъ поэтому авторъ и говоритъ въ біографіи святителя.

Замѣтимъ кстати, что столичному ученому, а тѣмъ болѣе такому библіографу, какъ И. А. Шляпкинъ, не идетъ брать извѣстія Корба у Соловьева, какъ это здѣлано на стр. 270. Прибавимъ заодно, что при цитированіи Исторіи Россіи Соловьева принято обозначать изданіе тома, на который дѣлается ссылка, чего авторъ не исполняетъ.

Седьмая, восьмая и девятая главы посвящены ростовскому періоду жизни Св. Димитрія, причемъ въ первой говорится объ административной дѣятельности его, какъ митрополита ростовскаго и ярославскаго, во второй—о его ростовской школѣ и въ третей—о литературной дѣятельности и частной жизни святителя въ Ростовѣ. Рецензенты справедливо указываютъ, что эти главы самыя лучшія въ излѣдованіи И. А. Шляпкина; но и то можно отмѣтить, что въ седьмой главѣ авторъ безъ нужды прибѣгаетъ къ излюбленному имъ

методу введенія въ изслѣдованіе массы матеріала, имѣющаго къ трактуемому сюжету самое отдаленное отношеніе. Напр., положеніе и нравы ростовскаго духовенства въ началѣ XVIII в. онъ изображаетъ такимъ образомъ, что нельзя понять, гдѣ идетъ рѣчь именно о ростовскомъ, и гдѣ вообще о русскомъ духовенствѣ XVII—XVIII в. [1]), а о послѣднемъ вопросѣ можно бы написать десятки книгъ потолще изслѣдованія И. А. Шляпкина. Какое значеніе могутъ имѣть, напримѣръ, для вопроса о положеніи ростовскаго духовенства въ началѣ XVIII в. наставленія о монахахъ, находящіяся въ одномъ изъ Домостроевъ XVII в., переведенномъ, по мнѣнію автора, съ польскаго? Разумѣется никакого; но авторъ нашелъ ихъ въ рукописи и, считая достаточно пикантными, не могъ удержаться, чтобы не привести ихъ, хотя бы и не кстати (стр. 295).

Въ седьмой же главѣ, излагая въ лѣтописномъ порядкѣ законодательство Петра Великаго относительно монастырскихъ имуществъ, которое задѣвало де и ростовскую епархію, авторъ попутно говоритъ о гробовой регаліи (конечно, ростовскихъ духовныхъ лицъ хоронили въ гробахъ), и о сборѣ ямскихъ и полоняночныхъ денегъ, и о бортномъ налогѣ и т. д. и т. д., а затѣмъ и о самоуправствѣ воеводъ, и кстати сообщаетъ (по рукописи) любопытный, хотя и легендарный разсказъ о воеводскомъ самоуправствѣ въ 1594 г. Какое все это имѣетъ отношеніе къ дѣятельности св. Димитрія, авторъ не указываетъ, удовольствовавшись тѣмъ, что съ помощью столь простаго пріема онъ написалъ будто бы о жизни св. Димитрія еще не мало страницъ, которыя, впрочемъ, сами по себѣ безотносительно даже очень интересны. Между тѣмъ въ случаяхъ, гдѣ автору безусловно необходимо было подробнѣе изслѣдовать какой либо важный вопросъ изъ жизни св. Димитрія, онъ отъ этой работы уклоняется. Напр., кто такой было Ѳеологъ, съ которымъ постоянно и интимно переписывался св. Димитрій? Чувствуется, что это псевдонимъ, за которымъ скрывается какое-то крупное духовное лицо, опредѣлить которое мы не въ состояніи; но авторъ даже и не останавливается на этомъ вопросѣ. Написана ли комедія о Рождествѣ Христовѣ св. Димитріемъ или инымъ лицомъ? Это уже вопросъ первостепенной для автора важности; но—рѣшеніе его представляетъ большія труд-

[1]) См. напр. любопытное извѣстіе на стр 297—298 о сраженіяхъ. Гдѣ они происходили? А важное указаніе на попа Оглоблю, спеціально относящееся къ вопросу о нравахъ ростовскаго духовенства, попало въ иную главу (стр. 371).

ности, и авторъ отъ него уклоняется, бросивъ нѣсколько малозначущихъ замѣчаній.

Глава о ростовской школѣ самая стройная во всемъ сочиненіи, но причина, кажется, та, что авторъ обильно воспользоваться трудами ярославскихъ ученыхъ, Ѳ. Я. Никольскаго и Н. Н. Корсунскаго, помѣщенными въ Ярославск. Епархіальн. Вѣдомостяхъ, причемъ авторъ лишь перваго изъ нихъ называетъ почтеннымъ провинціальнымъ дѣятелемъ, умалчивая о второмъ.

Пользуемся случаемъ, чтобы исправить промахъ (конечно, невольный) автора, хотя бы простымъ замѣчаніемъ, что труды Н. Н. Корсунскаго не менѣе почтенны и многочисленны (И. А. Шляпкинъ, какъ это видно изъ его примѣчаній, ими широко воспользовался), несмотря на весьма неблагопріятныя условія, при которыхъ приходится работать скромному автору.

Девятая глава—о литературной дѣятельности и частной жизни св. Димитрія въ ростовскій періодъ тоже написана хорошо, такъ какъ она въ достаточной мѣрѣ знакомитъ читателей съ отрывками изъ сочиненій святителя, особенно изъ его проповѣдей. Можно даже пожалѣть, въ противоположность отзывамъ о прежнихъ главахъ, что девятая недостаточно обширна [1]), такъ какъ авторъ, напримѣръ, совершенно не останавливается на поэтичности изложенія въ житіяхъ, написанныхъ св. Димитріемъ, умышленно уклоняется отъ сравненія составленныхъ имъ Четій-Миней съ другими аналогичными произведеніями, увѣряя, что главная задача его изслѣдованія о св. Димитріи—біографическая. Исходя изъ этого положенія, онъ не дѣлаетъ даже общей характеристики его проповѣдей, хотя и упрекаетъ лицъ, писавшихъ о русскомъ проповѣдничествѣ, въ отсутствіи или недостаточности у нихъ оцѣнки этихъ проповѣдей, отказывается отъ анализа проповѣдническихъ пріемовъ св. Димитрія, рекомендуя желающимъ заняться этимъ вопросомъ знакомство съ описью книгъ Святителя, напечатанною въ приложеніи къ своему изслѣдованію и т. п. Но о томъ, что авторъ слишкомъ мало вниманія оказалъ литературной дѣятельности св. Димитрія, говорено уже было выше.

Наконецъ, десятая и послѣдняя глава—очень краткая (три страницы), представляетъ резюме изслѣдованія.

---

[1]) Напр. на стр. 385 авторъ говоритъ, что поученіе св. Димитрія 26 декабря 1705 г. замѣчательно по своей простотѣ—и не приводитъ изъ него ни одной выдержки.

Рецензентами обращено было вниманіе и на небрежность изложенія въ изслѣдованіи И. А. Шляпкина [1]), и на сильную шероховатость его слога. Признаемъ эти отзывы правильными, но останавливаться здѣсь не станемъ [2]), чтобы не увеличивать рецензіи, а вмѣсто того укажемъ на неправильное и, можно сказать, крайне неряшливое отношеніе автора къ своимъ цитатамъ. Примѣровъ мы набрали съ сотню, но здѣсь приведемъ лишь нѣсколько, безъ особаго подбора.

На стр. 70 въ текстѣ напечатано: А. Ѳ.召динъ Нащокинъ (,) желая образовать сына (,) окружилъ (его) плѣнными поляками. Самъ онъ былъ обученъ латыни еще отцомъ своимъ [6]).

Въ примѣчаніи: [6]) Соловьевъ, XI, 93. Послѣдній бѣжалъ въ Польшу въ 1658 г.

Кто бѣжалъ въ Польшу? Не Соловьевъ, конечно; но уже навѣрное отецъ извѣстнаго Ордина-Нащокина? Нѣтъ, сынъ его. Не всякій сообразить, что здѣсь простая ошибка; скорѣе можно подумать, что рѣчь идетъ о какомъ либо иномъ, менѣе извѣстномъ, Ординѣ Нащокинѣ, котораго притомъ звали А. Ѳ., тогда какъ знаменитаго дипломата звали Аѳанасіемъ Лаврентьевичемъ.

Другой примѣръ на стр. 231, пр. 4, гдѣ авторъ дѣлаетъ такую ссылку: Странникъ 18 № стр. Очевидно, онъ хотѣлъ сдѣлать справку, да забылъ, а при корректированіи это мѣсто проглядѣлъ. Сравни еще стр. 243 строчку 4: Мазепа универсаломъ отъ 2 февраля 1691 г. далъ Батуринскому монастырю? Конечно, вопросительный знакъ здѣсь обозначаетъ желаніе автора справиться, что именно далъ Мазепа Батуринскому монастырю, и авторъ даже ссылку сдѣлалъ на книгу, въ которой нужно было справиться—и все же таки справки не сдѣлалъ.

На стр. 271 примѣч. 1: Тамъ же л. 480; см. также л. 477 и 481. Обращаемся къ предыдущей цитатѣ—ссылка на XIV т. Соловьева; въ слѣдующей—ссылка на статью Брикнера, и лишь пятая передъ приведенною нами цитата объясняетъ, что рѣчь идетъ объ одной изъ рукописей. И такихъ случаевъ можно привесть сколько

---

[1]) Самъ авторъ, впрочемъ, не прочь упрекнуть въ этомъ другихъ—см. стр. 366 примѣч. I.

[2]) Не можемъ, однако, не обратить вниманія на стр. 371, гдѣ авторъ поставилъ свои замѣчанія въ скобки такимъ образомъ, что ихъ можно приписать св. Димитрію. Также: кѣмъ написано то, что напечатано на стр. 378 примѣч. 1?

угодно. Кстати сказать, изложена цитата въ пр. 1 къ стр. 271 очень нескладно, тоже и въ пр. 2 на стр. 278, гдѣ нельзя даже понять, въ чемъ дѣло; и такихъ цитатъ можно найти въ изобиліи. Напр. о какомъ письмѣ идетъ рѣчь на стр. 377 пр. 2 и откуда авторъ получилъ о немъ свѣдѣнія? Что за автографъ, на основаніи котораго авторъ дѣлаетъ соображенія на стр. 386 пр. 2 объ авторѣ одного изъ цитируемыхъ имъ сочиненій? Почему любопытно сравнить съ духовною Св. Димитрія сродную (?) грамоту Павла, митроп. сарскаго (стр. 410 пр. 3)? Какія основанія имѣлъ авторъ для высказыванія своего мнѣнія въ пр. *3* къ стр. 437? На стр. 453 пр. 4 авторъ дѣлаетъ ссылку на, повидимому, подложный источникъ; на стр. 298—299, гдѣ идетъ рѣчь о секуляризаціи церковныхъ вотчинъ въ XVIII в., цитируетъ и извѣстное сочиненіе А. С. Павлова, посвященное исторіи этого вопроса въ XVI в. и т. д.

Съ другой стороны авторъ, слишкомъ даже обильно снабдившій свое сочиненіе примѣчаніями, зачастую не дѣлаетъ ихъ именно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это было существенно необходимо; напр. примѣч. 1 на стр. 435 слѣдовало бы быть гораздо обстоятельнѣе, тоже и пр. 1 на стр. 440; нуждаются въ примѣчаніяхъ и многія мѣста стр. 443—444, 448 и др.

Отмѣтимъ и часто встрѣчающіяся у автора, хотя и невинныя въ сущности, но необоснованныя предположенія въ такомъ родѣ, что присланное Св. Димитрію изъ Іерусалима полотенце было знакомъ благоволенія отъ патріарха за окончаніе Миней, или что св. Димитрій могъ присутствовать на похоронахъ царевны Маргариты, а царевичъ Алексѣй Петровичъ могъ слушать проповѣдь Св. Димитрія, сказанную въ 1708 г. въ Москвѣ и т. п. Отмѣтимъ и нерѣдкую, къ сожалѣнію, погоню за фразою, въ примѣръ чего укажемъ хотя бы крайне неловкое примѣчаніе 2 на стр. 359. Наконецъ, сдѣлаемъ и нѣсколько маленькихъ поправокъ и дополненій:

На стр. 174—175 упоминается сѣвскій воевода Леонтій Романовичъ; причемъ авторъ оговаривается: кажется Неплюевъ. Навѣрное—Неплюевъ, что общеизвѣстно.

На стр. 182 примѣч. 3 упоминается лѣтописчикъ Аѳанасій. Конечно, это тоже самое лицо, которое упоминается на стр. 202 пр. 3 и 204 въ текстѣ и въ пр. 3, т. е священникъ Аѳанасій Заруцкій нѣжинскій, работавшій по лѣтописямъ. Правда, на стр. 201 пр. 2, говорится объ іеромонахѣ Заруцкомъ, тоже бывшемъ въ 1689 г. въ свитѣ Мазепы въ Москвѣ, но это, видимо, ошибка Костомарова, у ко-

торого авторъ взялъ извѣстіе. Въ 1688 г. Аѳанасій Заруцкій былъ глуховскимъ учителемъ, что почему то очень удивляетъ автора.

На стр. 204 кн. Алексѣй Вас. Голицынъ ошибочно названъ братомъ кн. Вас. В. Голицына: первый былъ сынъ второго.

Упоминаемый на стр. 431 Гр. И Племянниковъ не могъ въ 1707 г. быть сенаторомъ, такъ какъ тогда и Сената еще не было.

Закончивъ свое изслѣдованіе, И. А. Шляпкинъ счелъ умѣстнымъ приложить къ нему (стр. 459—460) нѣсколько дополненій и поправокъ; но и это онъ сдѣлалъ очень небрежно. Такъ, на стр. 14 имъ была приведена любопытная псалма, по рукописи Ундальскаго; въ дополненіи на стр. 459 читаемъ, что схожая напечатана въ пѣсняхъ Головацкаго. Но это указаніе въ дополненіяхъ отнесено къ стр. 24. Конечно, здѣсь простая опечатка; нападать на опечатки (хотя бы и не исправленныя на приложенномъ въ концѣ книги листѣ) считаемъ себя не вправѣ; но подобныя опечатки очень досадны, такъ какъ онѣ сбиваютъ читателя. При этомъ къ стр. 24 дѣйствительно есть дополненіе (о пребываніи Св. Димитрія въ Вильнѣ), напечатанное на стр. 460, которое авторъ отнесъ къ стр. 28, и это уже не опечатка, а небрежность.

Что обозначаетъ послѣднее дополненіе, напечатанное на стр. 460, и куда его отнести? неизвѣстно.

Къ изслѣдованію есть и нѣсколько (9) приложеній, довольно интересныхъ, но нѣкоторыя изъ нихъ уже были напечатаны: №№ 2, 4 (частью), 5, 6 и 7, хотя и въ иныхъ спискахъ; печатаніе № 3, на важности котораго настаиваетъ авторъ, не представляло особаго интереса по причинамъ, указаннымъ на стр. 317 пр. 2, а № 9 никакого отношенія къ Св. Димитрію Ростовскому не имѣетъ и могъ быть напечатанъ въ иномъ мѣстѣ. Затѣмъ мы бы предпочли, чтобы нѣкоторыя изъ проповѣдей, писемъ и грамотъ Св. Димитрія, цѣликомъ внесенныя въ текстъ изслѣдованія (и часто даже взятыя изъ печатныхъ источниковъ), вынесены были въ приложенія[1]), если уже нужно было ихъ печатать, что, впрочемъ. не о всѣхъ сказать можно.

Этимъ и заключимъ нашъ бѣглый обзоръ изслѣдованія И. А. Шляпкина. Сознаемъ, что онъ вышелъ нѣсколько строгимъ, даже

---

[1]) Имѣемъ въ виду напр. тѣ три акта, которые напечатаны на стр. 320—324, послѣдній изъ нихъ уже былъ напечатанъ раньше, также напечатанный на стр. 328, по поводу котораго И. А. Шляпкинъ заявляетъ, что ему удалось найти въ немъ самое раннее указаніе на ростовскую школу, хотя актъ этотъ былъ напечатанъ уже въ 1859 г. и др.

придирчивымъ; трудъ И. А. Шляпкина имѣетъ не мало и достоинствъ; но намъ досадно было, что почтенный авторъ сдѣлалъ изъ своей колоссальной начитанности, при большомъ въ то же время и трудолюбіи, далеко не соотвѣтственное употребленіе. Пожелаемъ поэтому, чтобы его иныя изслѣдованія болѣе отвѣчали его ученой репутаціи.

Ал. Маркевичъ.

Городъ Кременчугъ. — Историческій очеркъ Ѳ. Д. Николайчика. Спб. 1891. 217 стр. Цѣна 1 р. 25 коп.

Цѣль автора — написать исторію города Кременчуга; задача, нужно сказать, не очень благодарная. Для болѣе ранняго времени матеріала очень мало, и его приходится собирать по крохамъ. При такихъ условіяхъ, легко потерять историческую перспективу и уйти въ мелочи. Иногда это и случается съ нашимъ авторомъ; но въ общемъ онъ хорошо поставилъ свою тему: у него есть попытка разсмотрѣть исторію Кременчуга въ связи съ исторіей всей Малороссіи (гетманскій періодъ), и не его вина, если, при отсутствіи источниковъ, порой ему приходится говорить намеками, предположеніями. Одинъ только упрекъ позволимъ мы сдѣлать автору въ этомъ отношеніи. Намъ кажется, что, онъ ужъ слишкомъ поскупился на характеристику событій малорусской исторіи. Гетманство Выговскаго, Брюховецкаго, русская политика въ Малороссіи, борьба Дорошенка съ Самойловичемъ изображены слишкомъ ужъ безцвѣтно и обращаются въ простое перечисленіе именъ, между которыми фигурируетъ и имя Кременчуга. Авторъ предполагаетъ, очевидно, всѣ событія, ихъ главный характеръ извѣстными читателю; но, нужно сказать, что и для человѣка, знакомаго съ событіями малорусской исторіи, легко потеряться въ массѣ нагроможденныхъ именъ, не говоря ужъ объ обыкновенномъ читателѣ, который, читая эти страницы труда г. Николайчика, просто умретъ со скуки и вынесетъ мало представленія о ходѣ, причинѣ и слѣдствіяхъ событій, разыгрывавшихся возлѣ Кременчуга; для него будетъ неясна и судьба этого города въ періодъ разныхъ малорусскихъ «шатостей».

Болѣе подробно авторъ останавливается на новѣйшей исторіи Кременчуга, и эта часть, нужно сказать, вышла у него и живѣй, и интереснѣй. Здѣсь авторъ располагалъ гораздо большимъ матеріаломъ, пользовался архивомъ Кременчугской думы, только, къ со-

жалѣнію, далеко не въ той степени, какъ бы это было желательно: обстоятельства ему помѣшали.

Новѣйшему времени въ книгѣ г. Николайчика, посвящены *пять* послѣднихъ главъ (III — VIII: Новороссійскій періодъ. Посѣщеніе Кременчуга Екатериной II. Посадъ Крюковъ. Внѣшность города. Населеніе. Отрывки изъ внутренней исторіи города). Наибольшій интересъ представляютъ главы: «Населеніе» и «Отрывки изъ внутренней исторіи города»; въ первой авторъ подробно говоритъ, напр., о старообрядцахъ, переходѣ ихъ въ единовѣріе, объ евреяхъ, ихъ самоуправленіи; во второй разсматриваетъ дѣятельность думы и полиціи въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія, учебныя заведенія и торговлю.

Въ концѣ книги сдѣланы приложенія, не имѣющія, по нашему мнѣнію, никакого raison d'être; особенно странно видѣть «въ приложеніяхъ» перепечатки изъ разныхъ справочныхъ изданій—для чего онѣ сдѣланы?

Не смотря на нѣкоторые недостатки, краткость и сухость изложенія, книга г. Николайчика, во всякомъ случаѣ, не лишена своего интереса и значенія: это—очень добросовѣстный трудъ, исполненный съ знаніемъ и осторожностью спеціалиста.

Н. В.

Труды четвертаго археологическаго съѣзда въ Россіи, бывшаго въ Казани съ 31 іюля по 18-е августа 1877 г. Томъ второй. Казань. 1891 г.

Первый томъ «Трудовъ» IV-го археологическаго съѣзда вышелъ еще въ 1884 г., и лишь теперь, черезъ семь лѣтъ, появляется настоящій, второй. Редакціонный комитетъ объясняетъ такое позднее изданіе его препятствіями, встрѣтившимися при печатаніи; для насъ нѣтъ необходимости разсматривать эти препятствія, и мы обратимъ вниманіе лишь на ту, болѣе интересную, часть редакціоннаго предисловія, въ который сообщается подробный отчетъ по печатанію обоихъ томовъ, съ атласомъ къ 1-му изъ нихъ; изъ этого отчета мы видимъ, что денегъ, оставшихся послѣ съѣзда и предназначенныхъ на изданіе «Трудовъ», было вообще 3936 р. 99 коп.; на всѣ расходы по печатанію обоихъ томовъ съ атласомъ, въ 700 экземплярахъ, издержано 3860 р. 25 коп., т. е. одинъ экземпляръ обошелся около $5^1/_2$ руб., что, при высокихъ достоинствахъ типографскаго матеріала и работы, весьма недорого.

Настоящій томъ редакція посвящаетъ «незабвенной памяти графа Алексѣя Сергѣевича Уварова, инціатора, основателя и перваго организатора русскихъ археологическихъ съѣздовъ.

Во второй томъ «Трудовъ» съѣзда вошли научные матеріалы и изслѣдованія о «бытѣ домашнемъ, общественномъ и религіозномъ (отдѣлы IV-й V-й), о «памятникахъ языка и письма» (отдѣлъ VI-й) и о «восточныхъ древностяхъ» (отдѣлъ VII-й); въ «приложеніи» помѣщены археологическіе и историческіе матеріалы, библіографія и, наконецъ, указатели личныхъ и географическихъ именъ; всѣ статьи и матеріалы въ указанныхъ отдѣлахъ, за весьма немногими исключеніями, имѣютъ предметомъ исторію и этнографію сѣверо-восточной окраины Россіи по преимуществу; къ немногимъ же исключеніямъ мы относимъ рефератъ К. Н. Бестужева-Рюмина, который имѣетъ значеніе для исторіи русскаго государственнаго права вообще и потому одинаково важенъ какъ для сѣвера, такъ и для юга Россіи, и два реферата: И. А. Сребницкаго да А. Я. Гаркави, касающіеся собственно исторіи Южной Россіи; поэтому мы и остановимся на нихъ подробнѣе.

Въ своемъ небольшомъ, но цѣнномъ по содержанію, рефератѣ *«О характерѣ власти варяжскихъ князей»*, почтенный историкъ нашъ *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ* еще разъ поднимаетъ старый вопросъ о происхожденіи русскаго государства; указавъ на всѣ пройденные фазисы и испробованные методы въ рѣшеніи этого вопроса, онъ признаетъ необходимость приложенія давшаго уже блистательные результаты историко-сравнительнаго метода изслѣдованія русскихъ государственныхъ учрежденій; съ этой цѣлью въ краткихъ словахъ авторъ описываетъ тотъ путь, который прошли средневѣковыя государства для своего образованія, и находитъ, что этотъ путь былъ таковъ: сначала племена имѣютъ отдѣльныхъ князей; они ведутъ между собой борьбу, пока одинъ изъ нихъ не одерживаетъ верхъ надъ другими и не подчиняетъ своему племени всѣхъ остальныхъ; русскіе славяне также дѣлятся сначала на племена, имѣющія своихъ особыхъ князей, и послѣдніе, постоянно воюя между собой, обнаруживаютъ попытки къ образованію государства путемъ выдѣленія болѣе сильной династіи, подчиняющей себѣ другія племена; съ этого же времени начинается раздача земель въ управленіе, характеръ котораго сходенъ съ таковымъ же у западно-европейскихъ народовъ; онъ обусловливается, по мнѣнію автора, «переходомъ (народа) цѣлою массою изъ племеннаго быта въ государственный, отъ раздѣльности къ еди-

ненію»; способъ перехода онъ также считаетъ вездѣ одинаковымъ и заключаетъ отсюда, что «нѣтъ нужды признавать въ этой творящей дѣятельности государства какое-нибудь чужое вліяніе, но», прибавляетъ авторъ при этомъ, «едва-ли нужно непремѣнно признаніе туземнаго происхожденія самой династіи». Позволимъ себѣ замѣтить на это, что разъ чужого вліянія на образованіе русскаго государства не было, то признаніе туземнаго происхожденія династіи является естественно болѣе необходимымъ. Во всякомъ случаѣ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, затрогивая этотъ важный историческій вопросъ, оговаривается, что не принимаетъ на себя отвѣтственности за полное рѣшеніе его, а имѣетъ въ виду указать только на возможное рѣшеніе.

Рефератъ *И. А. Сребницкаго*: «*Слѣды церковныхъ братствъ въ восточной Малороссіи*», касается одного изъ важнѣйшихъ явленій въ южно-русской народной жизни. Приступая къ объясненію происхожденія братствъ, авторъ находитъ, что вопросъ этотъ не вполнѣ изслѣдованъ наукой и, не принимая на себя переизслѣдованія его, повторяетъ и старается поддержать старую, не имѣющую за себя прочныхъ данныхъ, теорію о связи братствъ съ цехами; когда же ему приходится обратить вниманіе на братства юго-западной Руси и встрѣтить здѣсь въ числѣ членовъ лицъ всѣхъ сословій, а не исключительно мѣщанскаго, ремесленнаго, то онъ, видимо, недоумѣваетъ, замѣчая: «это обстоятельство можетъ указывать на возможность возникновенія братствъ независимо отъ цеховъ». Такъ писалъ автовъ въ 1877 году и былъ совершенно правъ; но съ тѣхъ поръ и до появленія въ свѣтъ этого реферата, т. е. въ теченіе протекшихъ 14 лѣтъ, появилось не мало новыхъ матеріаловъ для исторіи братствъ и на основаніи ихъ уже создалась новая теорія [1]), по которой церкви и монастыри считаются полной частной собственностію строителей и позднѣйшихъ блюстителей; отсюда является фактъ продажи, залога и завѣщанія частными лицами церквей и монастырей; отсюда же возникаетъ право патронатства, какъ личнаго, такъ и коллективнаго; коллективное патронатство сформировалось въ церковныя братства, которыя съ теченіемъ времени, вызванныя на борьбу за вѣру, должны были расширить программу своей дѣятельности. Эта же теорія даетъ, по нашему мнѣнію, и наилучшее объясненіе появленію и группировкѣ братствъ на лѣвомъ берегу Днѣпра. Авторъ, напр., не находя здѣсь,

---

[1]) См. изслѣдованіе *С. Т. Голубева*: „*Исторія Кіевской духовной Академіи*“. Кіевъ. 1886 г.

причинъ для развитія такой дѣятельности братствъ, какую усвоили они на правомъ берегу, думаетъ, что возникновеніе ихъ въ Малороссіи должно быть объяснено подражаніемъ и вліяніемъ Кіева, какъ центра религіозно-умственной жизни; подтвержденіе своей мысли онъ видитъ въ томъ, что слѣды существованія въ дошедшихъ до насъ формахъ братствъ встрѣчаются преимущественно въ приднѣпровскихъ уѣздахъ черниговской и полтавской губерній; намъ же кажется, что это произошло не изъ подражанія, а вслѣдствіе того, именно, что лѣвое принѣпровье долго находилось во владѣніи польской шляхты, которая, будучи католической, не хотѣла знать о православныхъ храмахъ, составлявшихъ предметъ первой необходимости для ихъ крестьянъ; послѣдніе должны были сами заботиться о сооруженіи и содержаніи своихъ церквей и монастырей; если братства не встрѣчаются далѣе къ востоку, то потому, что эта мѣстность, нѣсколько вѣковъ оставаясь пустынной, заселялась благодаря правительственнымъ мѣрамъ Московскаго государства; оно не только строило укрѣпленія, снабжало ихъ боевыми припасами, назначало гарнизоны, но посылало также для новыхъ поселенцевъ полное церковное строеніе, свящ. утварь, иконы и богослужебныя книги, а равно поповъ, дьяковъ и даже проскурницъ [1]); такимъ образомъ поселенцы совершенно освобождались отъ заботъ о храмѣ и для возникновенія братствъ не было основанія или такой потребности (кромѣ дѣлъ благотворительности), какая существовала на западѣ.

Во второй главѣ своего труда г. Сребницкій разсматриваетъ собственно сельскія братства, наиболѣе по своему строю подходящія къ древнимъ юго-западнымъ, а третью главу посвящаетъ очерку состоянія городскихъ братствъ. Эта часть труда не потеряла значенія и теперь, но воспользоваться ею едва ли кто будетъ въ состояніи, потому что авторъ скрываетъ почему то названія селъ, мѣстечекъ и городовъ, въ которыхъ сохранились братства, и дѣлаетъ невозможнымъ провѣрку или дополненіе своихъ описаній, обстоятельность и точность которыхъ ничѣмъ, такимъ образомъ, не подтверждается. Что касается до связи цеховъ съ братствами, то несомнѣнно, что она существовала, только цехи, какъ болѣе поздняго происхожденія общины въ городахъ, слились съ существовавшими до нихъ

---

[1]) Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта харковской и отчасти курской и воронежской губ. въ XVI и XVIII ст., собранные Д. И. Багалѣемъ т. 2-й. Харьковъ. 1890 г.

братскими общинами, а въ городахъ новыхъ происхожденіе тѣхъ и другихъ могло быть и одновременно; сельскія же братства имѣли въ основаніи только патронатство, къ которому нерѣдко принадлежали и помѣщики.

Но само собою разумѣется, что при своевременномъ появленіи статьи г. Сребницкаго въ свѣтъ намъ не пришлось бы указывать на отжившую свое время теорію происхожденія братствъ, потому что авторъ, какъ видимъ мы это изъ его настоящаго труда, старательно знакомится со всею, по возможности, литературою изслѣдуемаго вопроса, и въ 1877 году его трудъ былъ новъ и интересенъ.

Наконецъ *А. Я. Гаркави* въ своемъ рефератѣ: «*Крымскій полуостровъ до монгольскаго нашествія въ арабской литературѣ*», старается пріурочить каждое географическое названіе въ произведеніяхъ арабскихъ писателей Ибнъ-Хордадбе, Ибнъ-Дусте, Массуди, Идриси, Ибнъ-Саида и др. къ той или другой мѣстности, острову, проливу, горѣ и проч., продѣлывая на своемъ объяснительномъ пути большое количество филологическихъ и археологическихъ трудностей. «Если эти данныя», скажемъ мы въ заключеніе словами автора, «вообще бѣдны, а подчасъ темны и сбивчивы, они тѣмъ не менѣе, какъ мнѣ кажется, заслуживаютъ вниманія по отношенію къ древней Руси, ибо они представляютъ намъ въ одно и тоже время и свидѣтельство о значительныхъ сношеніяхъ древнихъ руссовъ съ Востокомъ, и объясненія, какими путями шли эти сношенія, имѣвшія своимъ послѣдствіемъ образованіе черноморской Руси уже при первыхъ шагахъ русскаго народа на поприщѣ всемірной исторіи». Въ этихъ словахъ самого автора, какъ нельзя болѣе, выражается значеніе его изслѣдованія.

И. Каманинъ.

Юридическія воззрѣнія и обычаи крестьянъ сѣверо-западнаго края, преимущественно ковенской губерніи. Составилъ частный повѣренный при поневѣжскомъ судебно-мировомъ съѣздѣ Б. А. Фридманъ. Вильна 1890 г. XII+99 стр. in 8.

Изученіе народныхъ юридическихъ воззрѣній подвигается у насъ такъ слабо, что всякая вновь выходящая книга по этому вопросу обращаетъ на себя вниманіе изслѣдователей обычнаго права. Многія мѣстности остаются почти нетронутыми въ этомъ отношеніи; та-

кою мѣстностью былъ и сѣверо-западный край. Поэтому, слабая попытка г. Фридмана заслуживаетъ вниманія.

Въ обширномъ введеніи г. Фридманъ указываетъ самъ на тотъ порядокъ, которому онъ слѣдовалъ: его книжка представляетъ отвѣтъ на программу, изданную г. Матвѣевымъ въ 1878 г. Въ изложеніи своемъ онъ, слѣдуя вопросамъ программы, разсматриваетъ слѣдующія области права: союзъ родовой и семейный (стр. 1—57), опеку и попечительство (стр. 57—60), раздѣлы и наслѣдство (стр. 60—73), вещное право (стр. 73—86), договоры (стр. 86—99). Какъ видно, авторъ захватываетъ въ своей книжкѣ всѣ области гражданскаго права.

Сообщаемыя авторомъ особенности народныхъ воззрѣній имѣютъ значеніе и для занимающихся изученіемъ юго-западнаго края.

Представляя многія сходныя черты съ обычаями крестьянъ этого послѣдняго, правовыя воззрѣнія литовскаго народа могутъ помочь прослѣдить ходъ развитія ихъ въ юго-западномъ краѣ. Укажемъ на нѣкоторыя изъ такихъ особенностей въ области семейнаго права. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ обычное право литовцевъ стоитъ на одинаковой степени развитія съ правами крестьянъ юго-западнаго края. Такъ, согласіе родителей на бракъ ихъ дѣтей требуется обычаями обѣихъ мѣстностей (стр. 8, ср. «Труды» Чубинскаго, т. VI, стр. 38); если свадьба послѣ сговора не состоялась, то обиженная сторона требуетъ удовлетворенія у отказавшейся (стр. 15, Чубинскаго, т. VI, стр. 37); женщины имѣютъ свои опредѣленныя работы, помогая лишь мужьямъ въ ихъ мужескихъ (стр. 55, Чуб., 33—39). Въ области имущественныхъ отношеній семьи замѣчаемъ, что обычаи Литвы и юго-западнаго края допускаютъ пріобрѣтеніе имуществъ въ личную собственность членовъ ея, если это не идетъ въ разрѣзъ съ общими интересами (стр. 53, Чуб., 42); женщина не наслѣдуетъ въ недвижимомъ имуществѣ и бываетъ только опекуншей своихъ малолѣтнихъ сыновей (стр. 64, Чуб., 52); приданое же, въ случаѣ смерти бездѣтной жены, возвращается родителямъ ея (стр. 13, Чуб. 54). Но въ тоже время въ крестьянахъ юго-западнаго края сознаніе родственной связи гораздо крѣпче, чѣмъ у литовцевъ, которые признаютъ родство только во второмъ поколѣніи и вовсе не знаютъ свойства (стр. 2); малороссы же хорошо знаютъ родство въ пятой степени и самое разнообразное свойство (Чубинскій, VI, 39, «Степъ», стр. 145). Нельзя не отмѣтить также, что въ литовской свадьбѣ данной мѣстности исчезаютъ важныя черты древняго свадебнаго ритуала: женихъ

не даетъ даже даровъ родителямъ невѣсты (стр. 18; срв. у Чубинскаго обязательность такихъ подарковъ, «Труды», VI, стр. 37, 38). Что касается до перехода имущества, то въ неразделенной семьѣ владѣетъ имъ отецъ (стр. 50), а отъ него переходитъ къ старшему сыну (стр. 51, 67, ср. Чуб. VI, 43). Замѣчательно, что при раздѣлахъ старшему сыну достается большая часть имущества и постройки (стр. 61) и это составляетъ, повидимому, коренное убѣжденіе литовцевъ. (Ср. ст. г. Гуковскаго въ Памятной книжкѣ ковен. губ. на 1891 г., стр. 392). Власть отца вообще сурова и женщина находится въ болѣе подчиненномъ положеніи, чѣмъ у малороссовъ.

Авторъ, очевидно, хорошо знакомъ съ обычаями описываемой имъ мѣстности, но способъ изложенія его намъ кажется не совсѣмъ удачнымъ. Авторъ не вполнѣ отчетливо отдѣляетъ народныя юридическія воззрѣнія отъ существующихъ законоположеній, на многое смотритъ съ точки зрѣнія послѣднихъ; наконецъ, часто переходитъ къ разсужденіямъ чисто публицистическаго характера, вступаетъ въ борьбу съ сельскими «аблакатами» и пр.; затѣмъ, странное дѣленіе крестьянъ «на благоразумныхъ и честныхъ» и наоборотъ (напр. стр. 19 и мн. др.), и разсматриваніе многихъ обычаевъ у тѣхъ и другихъ отдѣльно вводитъ въ недоумѣніе читателя, ищущаго этнографическаго матеріала. Всѣ эти черты въ значительной мѣрѣ умаляютъ достоинство труда мѣстнаго изслѣдователя. Попадаются иногда сбивчивыя выраженія и даже противорѣчія. Напр. на стр. 27. авторъ указываетъ на то, что жена безропотно повинуется мужу, который является неограниченнымъ властелиномъ надъ нею, на стр. 29. говорится, что жена только помощница мужа, на 31-ой, что мужъ и жена съ одинаковымъ правомъ распоряжаются дѣтьми. Ясно, что первое противорѣчитъ послѣднимъ двумъ. Несмотря на эти недостатки, трудъ г. Фридмана, при бѣдности нашей литературы о Литвѣ, представляетъ интересную новинку.

М. Довнаръ-Запольскій.

Обозрѣніе журналовъ.

Вѣстникъ Европы—10 Сѣверный Вѣстникъ—10 Наблюдатель—10 Русское Обозрѣніе—10 Русская Мысль—10 Русскій Архивъ 10—Русскій Вѣстникъ 10—Историческій Вѣстникъ—10 Русская Старина—10.

Русская Мысль X. 1891. Вс. Миллера. Экскурсы въ область русскаго эпоса. Продолженіе разбора вліянія иранскихъ эпическихъ сказаній на древне-

русскія, примѣнительно къ сказкѣ о Еруславѣ Лазаревичѣ (стран. 1—20).

Въ библіографическомъ отдѣлѣ краткая рецензія на книгу: «Отчетъ о работахъ, произведенныхъ на опытныхъ поляхъ за 1890 г. А. Зайкевича». Означенныя опытныя поля были въ харьковской губ. (стр. 451).

Русскій Архивъ X. 1891. Записки Ф. Ф. Вигеля. Характеристика извѣстнаго министра народнаго просвѣщенія при Александрѣ I, графа Завадовскаго, котораго авторъ называетъ *умной украинской головой.* (стр. 13).

Русскій Вѣстникъ X. 1891 г. Въ одѣлѣ Новости Литературы: одобрительный отзывъ о книгѣ «Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта харьковской и отчасти курской и воронежской губ. въ XVI — XVIII ст., собранные въ разныхъ архивахъ и редактированные *Д. И. Багалѣемъ*» т. 2-й стр. 361—362).

Историческій Вѣстникъ X. 1891 г. Въ отдѣлѣ критики: краткій отзывъ о книгѣ: «Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта харьковской и отчасти курской и воронежской губерній въ XVI—XVIII столѣтіяхъ, собранные въ разныхъ архивахъ и редактированные *Д. И. Багалѣемъ* т. II.“ (стр. 259—261).

Тамъ же отзывъ о книгѣ Довнара Запольскаго—„Очеркъ исторіи Кривичской и Дреговичской земель до конца XII стол.» (стр. 261—262).

Въ отдѣлѣ смѣси: краткій отчетъ о 4 археологическихъ экскурсіяхъ проф. В. Б. Антоновича, предпринятыхъ нынѣшнимъ лѣтомъ въ различныя мѣста юго-западнаго края. Изъ нихъ найболѣе замѣчательна экскурсія въ подольскую губ., гдѣ, въ ушицкомъ уѣздѣ, около с. Бакота, г. Антоновичемъ раскопанъ очень древній монастырь, высѣченный въ скалѣ (стр. 279—280).

Тамъ же подъ заглавіемъ «какъ мы охраняемъ наши древности», дѣлается краткое извлеченіе изъ сообщенія преосвящ. Димитрія—предсѣдателя каменецъ-подольскаго историко-статистическаго комитета о томъ, какъ небрежно относится православное духовенство къ памятникамъ старины, имѣющимся въ приходскихъ церквахъ (стр. 281).

Тамъ же: краткая замѣтка о существующихъ подъ г. Полтавой подземельяхъ, изъ которыхъ одно было изслѣдовано въ настоящемъ году (стр. 281—284).

Тамъ же краткій некрологъ извѣстнаго галицко-русскаго дѣятеля И. Г. Наумовича (стр. 286—287).

Русская Старина X. 1891 г. «Н. М. Смирновъ и П. Н. Кулишъ». Жизневскаго. Небольшая замѣтка по поводу письма г жи Смирновой (ноябрь 1890 г. въ Русской Старинѣ), въ которой авторъ укоряетъ г-жу Смирнову въ ложныхъ обвиненіяхъ противъ П. Н. Кулиша (стр. 182).

А. Е. Мартыновъ. Переписка Островскаго, Трубина и Щербины съ Θедоровымъ. По поводу смерти и погребенія извѣстнаго артиста Мартынова, умершаго 16 авг. 1860 г. въ Харьковѣ по дорогѣ изъ Крыма въ Москву (стр. 183—204).

ровкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій Университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ, знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при Университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, состоявшихъ близко къ Казанскому Университету, обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ періодически шесть разъ въ годъ книжками въ размѣрѣ не менѣе 15 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать въ редакціи по 1 руб. 50 к. Подписка принимается въ Правленіи Университета.

—2— Редакторъ *Ѳ. Мищенко.*

Дозволено ценз. Кіевъ, 31-го октября 1891 г.

хиерею, у которого доволно посидѣлемъ, а потомъ отехалемъ. Пасѣчникъ мой приходилъ зъ Плавиница о томъ, что 4 рои Богъ далъ. Генералъ Девейзбахъ писалъ до родителки о возвращеніи забратихъ косъ, будто напрасно, бо, якъ онъ написалъ, андріяшовцѣ на своей землѣ косили траву, а не на нашей. Отецъ Фома Збрискій пріехалъ въ Роменъ до архиерея. Зъ Лукомля о коню писано, которого Тишко, сторожъ чорнускій, у Горошка отобралъ. Тишко, сторожъ чорнускій, повернулся зъ сотенъ и привезлъ реестра именіе отъ сотниковъ о козакахъ, пошовшихъ въ походъ.

12. Неделя. Зъ Короваювъ привезено моей вовни бранки 50 рунъ старихъ, а ярачихъ 50, якая вся зложена въ муру. Циганъ Василенко приходилъ ко мнѣ и кружку срѣбную принеслъ мнѣ. Объ откупѣ атаманства циганского просилъ. Отецъ ректоръ Волчанскій бувъ у мене и просидѣлъ долго, а взялъ библіотецкую книжку Opera Gregorii Thaumaturgi, а другую позичилъ для прочитання Алъкоранъ Русскій . . . . (?). Черезъ козака лукомского писалемъ до Цися о присланню сторожа лохвицкаго, для отсилки оного въ походъ за п. Гамалѣею; 2, до атамана сенецкого, о присланню отвѣту о козакахъ, если всѣ війшли; до лукомского сотника и Орановского о коню рижомъ, Тишкомъ сторожемъ зъ Горошина припроваженномъ. Роменъ горѣлъ въ ночѣ и два двори згорѣло.

13. Архиерей кіевскій бувъ у Ромнѣ и службу Божую служилъ въ церквѣ Свято-Успенской Богородичиной. По службѣ у насъ обѣдъ кушалъ и до вечора забавился, а познѣй его еще писаръ и архидіяконъ.

14. У архиерея кушалисмо обѣдъ и доволно гуляли. Присланъ черезъ значкового товарища полку чернѣговского указъ зъ інструкцѣею обервалтмейстерскою, и другій указъ о утѣкачахъ, чтобы онихъ висилать за полкомъ, а утѣкачахъ тихъ, якіе отъ коменди Корицкого бѣжали. Писаръ Савѣцкій просилъ прощенія и за нимъ отецъ Єлѣнскій, ігуменъ кирилскій, у таборѣ архиерейскомъ.

15. Олховскій, архиерейскій покоевій ближайшій, обѣдалъ у насъ. Архиерей киевскій отехалъ изъ Ромна въ Гадячъ. Стадо, кобили зъ лошатами п. полковника миргородского, продавано въ Ромнѣ. Получилемъ указовъ два зъ войсковой енер. канцелляріи: 1, о недержаню долгомъ въ вязенню колодниковъ, но рѣшеніе скорое онимъ, именно въ главныхъ винахъ сидячихъ, чинить; 2, о томъ, чтобъ зъ полку лубенского вислать подводъ 165 посполитихъ въ Царицинъ для подіому козаковъ болнихъ, при крѣпости обрѣтающихъся. Отецъ писаръ Ладинскій и архидіяконъ мились въ лазнѣ и вечерали. Котляръ лубенскій явился у насъ, которому карту далемъ до Романа, жеби въ Лубняхъ кухву меду взялъ, по настоящей цѣнѣ, розситити до шинку моего. Сторожъ лохвицкій посланъ въ сотнѣ зъ указомъ о висилцѣ въ походъ утѣкачовъ и зъ другимъ указомъ о береженіи лѣсовъ и зъ інструкцѣею обервалтмейстерскою. Остапъ Бондарусь опредѣленъ атаманомъ надъ значковыми роменскими. Карпъ ушолъ. Атаману Гинѣ говорилемъ, чтобъ уговорилъ зробить колѣсъ 60 воловихъ. Старостѣ засулскому, говорилемъ, жеби людямъ продалъ горѣлки моей куховъ 2, якая есть на Засуллю. Пархомъ о двухъ телицяхъ приблуднихъ, у его обрѣтаючихся, говорилъ, что мѣлъ отослать въ Криворудскій мой футоръ. Чабаную телицю приблудную казалемъ атаманови у себе удержати, до указу. Верещацѣ Петру судами ярмарковими казалемъ завѣдовать.

16. Капитанъ кгранадѣрского полку Философовъ бувъ у мене. Остапъ Глумъ скаржился на дячиху лубенскую, же межи скиртами его покосила сѣно. Кагве фунтовъ 5 купилемъ собѣ, взявши у Дениса шинкара 9 копъ. Зъ Ромна въ Глуховъ виехалемъ, а на ночъ пріехалемъ за Борзенку. Едучи билемъ въ Плавиницахъ, у своей пасѣцѣ, где улліовъ новихъ роевъ показалось 5, а самихъ роевъ 6.

17. Зъ ночлѣга писаръ Петрановскій отпущенъ въ Роменъ, а черезъ его писалемъ: 1, указъ въ сотнѣ о висилцѣ подводъ въ Царицинъ, именно: зъ ромен. 20, зъ смѣлян. 13, зъ глин. 13, зъ

лохвиц. 17, зъ сенец. 13, зъ город. 9, зъ чорнус. 11, зъ перат. 18, зъ лубен. 23, зъ луком. 18, зъ чигириндуб. 10, итого 165; 2, указъ о недолгомъ держаніи въ вязенняхъ колодниковъ; 3, до Семена Слюзенка, о висилцѣ козаковъ зъ сотнѣ сенецкой; 4, до Билима и Дяченка, о порученномъ имъ правленіи полковомъ; 5, до Верещаки, о судахъ ярмарковихъ и присутствіи его къ суду полковому; 6, до сотника наказ. пѣратинского, о висилцѣ утѣкачовъ нинѣшнихъ; 7, до родит. и сотника лохвицкого, черезъ сторожа лохвицкого. Лубенскій сторожъ въ Роменъ отправленъ для посилки его зъ указами. Федоръ Чуйкевичъ, едучи въ Роменъ, на ярмарокъ, бувъ у мене. На обѣдъ у Сухого Ромна, за Смѣлимъ, стали. Черезъ сторожа глинского отправилемъ указъ до Громѣки Івана, жебы приставомъ ишолъ при подводахъ въ Царицинъ. О томъ же и до Билима зъ товарищи писалемъ, чтобъ они о семъ опублѣковали въ сотнѣ, особливе писали би о подводахъ до городничого смѣловского. Селецкій зъ указомъ до прапорщика споткался. На ночъ пріехалисмо за Грузкую и стали на шляху, до Бѣлихъ Береговъ лежачомъ. Сотниченко сенецкій вернулъся зъ Глухова и сказалъ, что 20 р. денегъ отдалъ въ коллегію. Пріехалемъ до Грузкой и за Грузкою якъ би у милю ночовалемъ. Черезъ сторожа лукомского указъ послалемъ о меду продавать оного вѣдерко по 8 зол., буде дорогше неможно продати.

18. Оттуду поехавши къ перевозу Бѣлимъ Берегамъ и переехавши у озера, прозиваемого Святого, обѣдалемъ. Зъ обѣда поехавши къ Глухову черезъ Волокитинъ и Уздицю, билемъ въ пасѣцѣ своей, где пчоли роевъ молодихъ показалось 28. Оттуду едучи къ Глухову, стрѣтилемъ Василя и Грицка Перехриста, ехавшихъ въ Баничи, затимъ что тамъ атаманъ тамошній сѣно наше забираетъ, интерессуючись до сѣножати. Пріехалемъ на ночъ въ Глуховъ.

19. Неделя. Билемъ въ городѣ рано у дворѣ ясневелможной и не засталемъ самой, а видѣлемся зъ п. Скоропадскимъ. Листъ правителскій, въ Роменъ ко мнѣ посланній, зъ Ромна присланъ ко

мнѣ, о висилцѣ коммендѣра якого полкового, справного до козаковъ, коммендерованихъ до крѣпости, при которихъ якобы искусного нѣтъ коммендѣра, зъ донесення о томъ п. Милорадовича. Пріехала родителка въ Глуховъ. Былемъ у прокурора и просидѣлемъ. Марса хорта Павелъ п. Скоропадского взялъ, за которимъ и прокуроръ присилалъ.

20. Бувъ я рано у п. Левенца и служби Божой у Михайла ст. слухалемъ. Романъ тулиголовскій, будши въ Глуховѣ, доноситъ, что горѣлки въ Тулиголовахъ есть 4 кухви и 3 бочки. Отправленъ козакъ сотнѣ роменской въ Роменъ отъ мене, зъ писмами отъ архиерея бѣлогородского и родителки, до ігумена Сумдвома, ского о ваннѣ, до Билима о выправѣ подводъ въ Царицинъ, до роменской старшини. Писмо до пѣратинской старшини посладемъ черезъ руки п. Яснополского, взглядомъ чинячихся отъ нихъ обидъ подданимъ ясневелможной. Поехалисмо въ монастиръ Гамалѣевскій зъ родителкою до ясневелможной, и ночовали на половинѣ дороги, за Словутомъ.

21. Пріехалисмо рано въ Гамалѣевку, где Вѣжевскій хлопецъ, за неисправность свою наказанъ зоставши, ушолъ. Указъ зъ Глухова принесенъ у вечеру за подписаніемъ колежскимъ зъ канцеляріи, въ которомъ предложено тое, ежели кто пожелаетъ смалцугъ свой продать, тотъ бы для торгу явился въ комерцъ-колегіи, а смалцугъ билъ бы добрій, крѣпкій, голубий.

22. Салдатъ зъ інструкцѣею пріехалъ, ехать мнѣ въ Глуховъ. Суддя нѣжинскій Лазаревичъ бувъ у ясневел. Гуляли до шуму.

23. Отправленъ салдатъ зъ картою, отъ мене данною ему, въ якой обявилемъ свой пріездъ въ Глуховъ, явленіе себе завтрійшого дня въ коллегіи. Староста лучанскій пріехалъ по указу правителей. Поехалемъ зъ Гамалѣевки и пріехалемъ въ Глуховъ передъ вечоромъ и былемъ у Кошелева.

24. Ездилемъ въ Сварковъ и тамъ ночовалемъ.

25. Поліовали зъ прокуроромъ и Скоропадскимъ; обѣдали въ Сварковѣ. На ночъ пріехалемъ въ Глуховъ, заехавши до Калюж-

ного футора. Получилемъ зъ Ромна писма: 1, указовъ 3, между которими и соственноручній монаршій о содержаніи овецъ; 2, отъ сотника лохвицкаго, о утекшихъ зъ походу козакахъ; 3, отъ правящихъ Билима и протчихъ, о принесенныхъ тудажъ указахъ и опубликованнихъ ими и о худолѣевскихъ; 4, указъ о послушенствѣ духовнихъ суду въ коллегіи; 5, отъ п. суддѣ прилуцкого о отцу Василію сорочинскомъ и о болѣзни его.

26. Неделя. На службу Божую пріехала родителка зъ Гамалѣевки въ Глуховъ. Бувъ я на службѣ въ Михайла, а по службѣ у сотника глуховского.

27. Бувъ въ коллегіи рано. Родителка отехала въ Роменъ. Пріехавши зъ коллегіи, отправилемъ черезъ п. Василя глинского, сотника наказного, указовъ два въ полкъ о присланню вѣденій: у многихъ ли, и именно у кого, обрѣтаются собственніе свои овци, и съ тихъ указовъ единъ Кривокобилскому, а другій Іосифу Васильченку въ сотнѣ везти інструкцѣи послалемъ. О семъ всемъ, такъ же о посилцѣ Петра Верещаки въ сенецкую сотню, для злѣцення уряду наказного сотничества Семену Слюзенку и о худолѣевскомъ Гайдученку предерзостнику писалемъ до Билима. Бувъ у Николая злотника и видѣлъ шаблѣ свои, едну готовую, полскую, а другую непозолоченую.

28. П. Андрѣевая, швакгровая, пріехала зъ Сумъ. Зъ Овсѣемъ мѣрочникомъ торгъ учинился за зробленне и зовсѣмъ спораженне млина, на греблѣ Калюжновской: дать ему грошей зол. 50, житной муки полъ 2 четверика, гречаной полчетверика, пшеничной четверть, пшона полчетверти, горѣлки носатку, соли и сала по полтора пуда, риби вялой сотня, задатку дали 5 зол. Пива полъвару, тоесть 3 мѣрницѣ, зварили. Тишко сторожъ, посиланній до Овдоколля, повернулся зъ мужиками тамошними, привюзшими сюда гусей, утятъ и курей. Онъ же Тишко отправленъ зъ листами до паней о 100 зол., Зарудному отъ родителя даннихъ, на покупку верблюдовъ и комличатъ. До глинского Василя о присилцѣ меду, до Романа молодика о заплатѣ въ Ромнѣ за медъ, до Мартина о

пріездѣ его сюда и припроваженню коня сивого старого, до Лезовского о отосланню въ Роменъ каретокъ и посланню реестра объ штукахъ ихъ. Обозній Мартосъ лубенскій оженился на Кичкаровской.

29. Подводи зъ житомъ пошли до Тулиголовъ, на которихъ сюда прислать 2, а въ Камень 3 куховъ горѣлки, писалемъ до старости. П. Скоропадскій у насъ обѣдалъ. У лазнѣ билемъ. Зъ Смѣлого стрелцѣ дичину привезли

30. Получилъ я письмо отъ Артемія Петровича Волинского о присланню бандурки и скотини, коровъ и биковъ. У прокурора кушалъ я и билъ до вечера. Донесено мнѣ отъ войта Плетюнки, же на Калюжновскомъ полѣ нажато жита копъ 294. Допрошувалемъ Леонтія Янковского и писара Василя о допросѣ ихъ, что показали, будто они збирали викладніе денги по указу моему, чему они таятся и себе того не говорившихъ, признаютъ бити.

31. Сторожа бывшого смѣловского отправилемъ въ Роменъ зъ листами до Билима и Дяченка о присланню сюда Котляренка и Якима Кулябки въ комисари полковіе. До ихъ же листъ правителскій о утекшихъ зъ коллегіи 2 колодникахъ, для опубликовання о томъ послалемъ. Особливо указъ о подрадѣ смалцуги въ камерцъколегію для того жъ послалемъ къ нимъ. Сторожа глинского послалемъ въ Прилуку зъ листомъ до п. суддѣ прилуцкого и зъ лѣкарствами. Алексѣй Макодонскій, пѣвчій княжій, бувъ у мене и игралъ на клавицимъбалѣ. У ключника грошей отобралемъ шинковнихъ рублей 30, 10 себѣ удержалемъ, а 20 Василеви господ. на росходъ всякій далемъ. Тарасъ ездилъ до Уздицѣ, гдѣ видѣлъ роевъ всѣхъ 53, а всей пчоли 211 изъ роями.

1. Августа. Князь Янъ Четвертинскій[1]) бувъ у мене, которому въ позику далемъ жита четверикъ розмѣрного зъ млина родионовского. На горѣ тутъ бувши, самъ смотрѣлемъ воску, кото-

[1]) Братъ Юрія Четвертинскаго, зятя гетмана Самойловича. (См. о немъ Историч. Вѣстн. 1880 г., августъ, 720 и слѣд.

рого показалось грудокъ 26, а една маленкая и въ нихъ ваги фунтовъ 712, опрочъ воску того, которій въ склепу 9 грудокъ.

2. Сторожъ чигириндубровскій отправленъ зъ Глухова, а чрезъ него писалемъ: 1, до Билима и проч., о присланню сюда въ комисари двохъ зъ 5-ти, Котляренка, Якима Кулябку, Громѣку меншого, Черняховского и Христича; 2, до чигиринду. старшины, о меду и лубенской о томъ же; 3, до комиссаровъ пол., о посланной къ нимъ інквизиціи о убійствѣ тамошнего человѣка; 4, до Орановского, о господарскихъ дѣлехъ. Черезъ Тараса молодика до пана Левенца послалемъ доношеніе, въ канцолярію надлежащее, о колодникахъ, въ Ромнѣ державныхъ. Бувъ я у млинѣ Калюжновскомъ, где розмѣру по малой части було, а въ карбу мѣрочника показалось отъ Дмитровой суботи, когда онъ сталъ у млинѣ, до сего дня 86 четвертей жита.

3. Рано бувъ у коллегіи и получилъ указъ о томъ, чтобъ за тютюнъ и пчолу десятину брати по 20 л., а зо всѣхъ млиновъ противъ великороссійского по четвертой долѣ розмѣру, а владѣлцѣ сами мелници оправлялибъ. Мартинъ молодикъ повернулся зъ Ромна и привезлъ писма: 1, отъ родителки листъ утѣшителный зъ приложенною цедулою, требуемихъ п. суддѣною енер. вещей 41; 2, отъ Петрановского, о его зеханню въ Пѣратинъ; 3, отъ Слюзенка, о повороте Криштопенка и взяткахъ; 4, отъ Гаврила Юска зъ Астраханѣ; и 5, реестръ о повернувшихся возахъ зъ Астраханѣ зъ рибою при Величку, а всей риби на 4 возахъ било: сазани 800 сотце, по полъчварта рубъ. зъ 5 копѣйками, сомовъ сотня 7 р., сули 1000, 6 р. и того на покупку рибъ пойшло грошей 189 зол. и 5 копѣй., а на протчіе розійшлись подорожніе росходи и харчъ, 12 зол. и 6 коп.; всѣхъ 201 зол. и 11 коп. Особливе зъ кримской дороги соли возъ присланъ. Черезъ козака, зъ Мартиномъ пріехавшого, сотнѣ чорнуской, зъ Курѣнки, Ярему пасинка пи . . . . . ного (?) послалемъ въ Роменъ: 1, до Билима, указъ колежскій вишенаписанній, для публѣкаціи; 2, до Петрановского, объ его въ Роменъ поворотѣ; 3, до Билима жъ и роменской стар-

шини, объ опредѣленіи ему жъ села . . . . . (?); 4, до Семена Слюзенка о виправѣ козаковъ сенецкихъ; 5, къ нему жъ цедулою, о взяткахъ и приложенъ указъ до старшини тамошней о битіи его сотникомъ наказнимъ; 6, до Романа, чтобъ рибу и соль сюда припровадилъ. Николай злотникъ принюсъ шаблю едну полскую, а на другую далемъ еще червоного.

4. Въ коллегіи бувъ у допроса о виїждяхихъ. Джикгилъ, бившій сенецкій сторожъ, пріехалъ отъ слѣпого Криштопенка, зъ листами его однимъ, а другимъ Милорадовича, о его поворотѣ въ домъ. Козакъ роменскій стойчикъ привезлъ письма отъ Савѣцкого писара, інквизицію о проступцахъ чорнускихъ.

5. Черезъ двохъ козаковъ стойчиковъ писалемъ до род. о присланню крѣпостей на Калюжновскій футоръ и о указѣ къ Волжину, посланномъ о слѣдованіи на зборщиковъ поданнихъ чолобитнихъ. До Билима о худобѣ ляха Яна Мутяшевского, о посланню кого въ Сенчу взглядомъ болѣзни Криштопенка, о магазенахъ и о нестроеніи амбаровъ. Джикгилъ посиланъ зъ листами правителскимъ и моимъ до старод. товарищей, объ отпуску двохъ подводъ овдоколскихъ.

6. Преображеніе. Коммунѣковался. Вижевского хлопця сторожъ глинскій зъ Прилуки привезлъ. Другій сторожъ глинскій привезлъ зъ Глинска куфу меду. Джикгилъ повернулся зъ отвѣтомъ, нѣчого нескуравши, поневажъ оніе товарищи не вернули тихъ подводъ овдоколскихъ, но зъ собою въ Царицинъ потягли. Червоного Василеви отдалемъ писару.

7. Ездилемъ въ Калюжновскій футоръ и въ Сварковъ, и тамъ осмотрѣвши, пріехалемъ въ Глуховъ. Вѣжевскій въ Сварковъ отосланъ. Антонъ и Соколничій пріехали зъ Ромна и дрикганта вороностinnerокатого привели. Вимѣрали куфу меду и показалось 12 вѣдерокъ ровно глинскихъ, по 8 зол., итого 96 зол.

8. Билъ въ склепу и замѣровалъ вина. Получилъ указъ колежскій о томъ, чтобъ увѣдомить о здѣланномъ магазейну въ Ве-

ремѣевцѣ. Зъ вой. енер. канцеляріи принесено ко мнѣ доношеніе, отъ чаусовцевъ подданное въ оную на овдоколцовъ, за кгрунта.

9. Джикгилъ, бившій сторожъ сенецкій, отправленъ зъ указомъ и обявленіемъ о екзекуціи, въ С.П.Бурху януар. 24 бывшой, во всѣ сотнѣ. До Билима, о присланню сюда худолѣевскихъ людей, писалемъ черезъ его жъ. Въ Овдоколле глинского сторожа послалемъ. Заплатинъ и проч. обѣдали и подпияхомъ. Тогда жъ къ нему о слабости жени его вѣдомость прійшла.

10. 3 рублѣ Николаю злотнику послалемъ черезъ Клима за шаблѣ, и того далемъ 5 рублей всѣхъ, а еще 5 доводится. Тросгь купилемъ за 4 зол. Отъ атамана горошинского, пріехавшого въ Глуховъ, увѣдомилемся, что въ Круворудского футора зробили 70 скиртъ сѣна. Василя послалемъ въ Есмань за житомъ, сколко нажато, а Тараса въ Обложки за грошми, въ Тулиголовы за горѣлкою и житомъ, сколко нажато жъ, въ Уздицю за грошми, отъ шинкарей доводячимися. Соколничій отправленъ въ Ромеңъ зъ листомъ до родителки, а Антонъ въ Кролевецъ. Карпъ Огіенко явился у мене. Ездилемъ въ Сварковъ, где Козелъ хлопецъ утекъ.

11. Івану шабелнику далемъ шаблю полскую оправлять и на срѣбро 10 л. Допросъ мой читано въ коллегіи У прокурора бувши, розговорувалемъ о віиждяжихъ.

12. Зъ рибою Романъ пріехалъ: 4 вози риби, а пятій соли; риби, сомовъ „ “, короповъ 780, сули 9. Тарасъ молодикъ пріехавши сказалъ, что въ Тулиголовахъ жита нажали 134 копи; въ Уздицѣ пчоли 219. Романъ сказалъ, что на Кривой Рудѣ накосили сѣна 80, а въ степу сухоносовского—10 скиртъ.

13. У ясневел. обѣдалъ. По обѣдѣ, у склепу бувъ; потомъ у Кошелева, прокурора и князя Четвертинского, зъ прокуроромъ, а оттоль поехавши, до мене на вечеринку заехали и тутъ до полночи просидѣли.

14. Черезъ сторожа смѣловского получилемъ писма отъ родителки, и родителя 6 юня зъ Сулаку и отъ брата Семена, отпра-

вленіе. Антонъ Маценко бувъ у мене, допрошуючись реестровъ о козакахъ вишедшихъ. Писалемъ до родителки черезъ старосту лучанского, отправившогося; до сотниковъ сенецкого, городиского и лукомлского о присилцѣ сюда именнихъ реестровъ козаковъ, вишедшихъ на низъ, а писалемъ черезъ сторожа лукомлского. Обослалемъ колекгистовъ рибою, сомовъ—, короповъ—, сули—. Шаблю полскую, оправивши, шабелникъ принеслъ. Пшеницѣ нажали въ Калюж. хуторѣ 51 копа, а еще другая нива не зжата.

15. У п. Левенца рано билъ. Обѣдалъ у ясневел., где и прокуроръ, у которого по обѣдѣ сидѣли. Привезли зъ Тулиголовъ кабана оправного.

16. Неделя. Обѣдалъ у себѣ. Бувъ у Хрипунова. Оттоль у ясневелможной и поехалъ зъ попомъ Островскимъ въ футоръ Калюжновскій и тамъ ночовалъ. У футорѣ тогда оказалось овса нажатого 110 копъ, а еще часть недожата.

17. На обѣдъ въ пасѣку до Уздицѣ пріехалемъ, где пчоли 27 убито, а осталось 192.

18. Пріехавши оттуду, приспѣлемъ на обѣдъ у футоръ Калюжновскій, где у млина на обмѣлѣ, противъ скринѣ, докопались ями, куда вода текла. Коня сивого отцу Островскому за позиченное у его жито 4 четверики, далемъ, а онъ мѣетъ додать 2 четверти. Ему зась за брусся рубля. Поехавши оттуду къ Сваркову и тамъ бувши, велѣломъ майстрови свѣтелку дѣлать еще одну и ему жъ, жеби войтъ далъ 6 копъ грошей, казалемъ, а каменщику рубля Пріехалемъ на ночъ въ Глуховъ. Господинъ брегадиръ Велъяминовъ пріехалъ въ Глуховъ и сталъ на Веригинѣ, у которого позно билемъ и просидѣлемъ до полночи и вечералемъ. Взялъ п. Николай злотникъ срѣбра 3 гривни, 13 лот. и 2 злотника. У полской шаблѣ 2 гривни 7 лот. безъ ползлотника. У турецкой шаблѣ, 1 гривня и ползлота.

19. Брегадиръ у ясневелможной билъ и, по двѣ чарки випивши, отехалъ, а ми гуляли. Люде худолѣевскіе въ интересномъ дѣлѣ привезени въ Глуховъ. Полвару пива зварили.

20. Указъ зъ коллегіи получилемъ о показаніи імбаровъ для зсипки хлѣба надзирателю Нелидову. Моду 3 дѣжки розситили, а било 2 казани броварнихъ, зъ которихъ взяли розваренного меду куфу болшую и 4 бочки, мѣрницъ 4. У брегадира вечералемъ.

21. Въ колегіи бувъ и зятя Плетюнчиного на поруку освобожено. Романа послалемъ въ Роменъ зъ двома скринями запечатанними. До Билима о нескоромъ присланню худолѣевскихъ людей; до сенецкого сотника наказнаго о висилцѣ козаковъ зъ Буйнѣцкимъ и опредѣленіи наказного атаманства Коцубѣю Лукяну; до Глинского о моей горѣлцѣ; до Савѣцкого объ изслѣдованіи въ сотняхъ пѣр., гор., сенец. и лох. колодниковъ и въ онихъ же сотняхъ о продажѣ меду писалемъ. Романови далемъ указъ въ пунктахъ що чинить. Скоропадскій и князь били рано у мене. Овса въ Калюжновскомъ футорѣ нажали копъ 130 и гречки 130.

22. Указъ зъ коллегіи повторній о томъ, чтобъ увѣдомить оную о магазенѣ въ Веремѣевцѣ будучомъ, если въ цѣлости есть и нѣтъ ли течѣ дожчу и починкѣ оного, получилемъ. У прокурора рано былемъ, а зъ нимъ у брегадира. Брегадиръ пріймалъ гостей въ себе, где и я подпялій бувъ. Патрекой, секретаръ бившій колежскій, умеръ. Сенецкій сторожъ пріехалъ зъ писмами отъ сотника сенецкого, въ якомъ его писмѣ виражаетъ прежде посланную ко мнѣ вѣдомость, о взяткахъ сотника наказ. Криштопова; и отъ Орановского, въ якомъ пишетъ, что въ Кривой Рудѣ стало скиртъ сѣна нового 46, а еще 7 велѣлъ уробить, а старого 33; въ Сухоносовцѣ 11 уробили, а старого 6. Шабелнику на шаблю турецкую далемъ грошей 2 гривни; особливо ему жъ въ заплату далемъ зол. 2. Николаю злотнику доводится дать за шаблѣ еще 27 зол. и 5 ш. Ключникъ Климъ далъ грошей должнихъ Пуховичу зол. 30.

23. Неделя. Циганка, мужика сварковского, послалемъ подрадитись на дубину и грошей далемъ ему зол. 4. Василь поехалъ въ Ясманъ зъ людми орать. Столповскій бувъ у мене. П. Миклашевскій пріехалъ въ Глуховъ.

24. Заливали горло за городомъ двумъ грошоробамъ. Зъ Матвѣемъ, цехмистромъ гончарскимъ веригинскимъ, умовилемся, при отцу Островскомъ печъ въ боковой свѣтелцѣ зробить за 5 копъ. Билемъ у Сварковѣ и казалемъ дать Андрѣеви майстрови 5 рублей Плетюнцѣ. Сторожа сенецкого зъ писмами послалемъ въ Прилуку до п. суддѣ и п. Федора.

25. Рано бувъ у брегадира, оттуду въ дому. У ясневел. гуляли и подпияхомъ. Пуховиченку отдали и решту грошей 4 рублѣ и уже не виновати.

26. Зъ Матвѣемъ, цехмистромъ гончарскимъ, торгъ учинился, зробить ему 3 печи въ Сварковѣ, а ему за то дать 20 зол., а теперь задатку даломъ ему на всѣ печи рублей 2. Ездилемъ до радионовского млина, где розмѣру било близъ четверика. Полвару пива зварили.

27. Отъ Билима писмо о медленномъ присланню худолѣевскихъ людей получилемъ. Отъ родителки писмо жъ объ овцахъ получено жъ. Шинкарѣ тулиголовскій и уздицкій приездили, которимъ зъ денгами пріехать казалемъ.

28. Ясневел. була у брегадира и о нашемъ дѣлѣ говорилось. Билемъ у секретаря, у коллегіи и у ясневел.; тамъ кушалемъ. П. Левенца зъ коллегіи отпущено въ домъ. Романъ тулиголовскій бувъ у Глуховѣ. Въ писмѣ сотника лукомского наказ., август. 10 писанномъ, приложенъ реестръ пригнанних коней моихъ зъ Хорола и статку, именно: шкапа гнѣдая зъ лошамъ, тожъ гнѣдая безъ лошати, чалій конь, гнѣдій, воловъ 6, гнѣдій, два половихъ, рижій, рябій, чорній.

29. Писма послалемъ черезъ козака пѣратинской сотнѣ села Осюковъ, Дмитра Макуху до правителей въ Роменъ о присланню сюда Криштопенка; объ овцахъ, жеби вѣдали силу указу: не овци, але господарей зревѣдовать. До ігумена мгарского о грошахъ 100 рубляхъ, брегадиромъ требуемихъ. До старшини роменской объ овцахъ же, толкуючи имъ указъ. До Билима о его правленіи. Ездилемъ въ Калюжного футоръ, где еще вновъ ужали пшеницѣ копъ 27,

а всей будетъ 82 копи. Оттоль билемъ въ Сварковѣ, где Циганокъ, вернувшійся отъ послушанія своего, ему о подрадѣ дубини приказанного и, нескуравши нѣчого, гроши вернулъ данніе ему 4 зол., зъ которихъ зъ двѣ гривны садовнику далемъ. Степанъ Новомлинскій дуль полумисокъ принюсъ, у вечеру. Епископъ чернѣговскій Іродіонъ Жураховскій бувъ въ Глуховѣ и отехалъ у монастырь Гамалѣевскій. Брегадиръ, прокуроръ, Скоропадскій въ Кролевецъ отехали. У Калюжновскомъ футорѣ засѣяли житомъ поле все, а пойшло жита полъ 5 четверика.

30. Неделя. Бувъ рано у секретара. Отправивъ Василя, господара, въ Кролевецъ, на ярмарокъ, за воскомъ, которого грудокъ 6 давнихъ, а семая теперъ забитая, въ якой ваги 40 фунт., а всего воску въ семи грудкахъ 6 каменей, да вовни 100 рунъ. Яманскій шинкаръ, пріехавши, взялъ пиво и далъ 6 рублей и 10 алт.

31. Отцу Островскому, едучому до Кролевца, на ярмарокъ, далемъ еще воску 50 фунт. Поехалемъ въ Гамалѣевку, где чернѣговского епископа Жураховскаго засталемъ.

Септевр. 1. Архиерей въ Гамалѣевцѣ молебенъ новому году отправилъ, и подпияхомъ. Сторожъ сенецкій повернулся зъ Прилуки зъ тимъ отъ п. суддѣ и п. Федора писма привезлъ, въ которихъ болѣзнь, пухлятиною усугубившаяся, п. суддѣ означается.

2. Рано епископъ отехалъ. У лазнѣ въ Гамалѣевцѣ билемъ. Потомъ, надъ вечери, виехалемъ оттуду и пріехалемъ позно въ Тулиголови, где брегадира, прокурора и п. Скоропадского Михайла, зъ ярмарку кролевецкого повернувшихся и пріехавшихъ сюдажъ, въ мой дворокъ, засталемъ.

3. Брегадиръ, зъ протчіими поснѣдавши, поехали поліовать, а потомъ брегадирша зъ дочерю Василиссою, поснѣдавши жъ, поехала въ Глуховъ. Въ імбарѣ засталемъ горѣлки куховъ 3 и часть бочки. Моя сожительница на обѣдъ сюда жъ, въ Тулиголови, пріехала. Плетюнчинъ синъ пріехалъ по кухву горѣлки, на вишинкъ. Романъ, дворникъ, повернулся зъ Кролевца и сказалъ, что проданъ воскъ по 27 зол. камень, а всего воску, якоби было 7 камен. безъ 8 фунт.

Джикгилъ сенецкій повернулся зъ полку лубенского и привезлъ: 1) писмо отъ Билима и Дяченка, отвѣтное на многіе укази, до нихъ засиланіе, и приложеній реестръ писемъ, до нихъ посиланнихъ отъ мене; 2) репорти о полученномъ обявленіи бившой въ С. П. Бурху екзекуціи; 3) тожъ репорти о анбарахъ, жеби онихъ вновъ до указу не строить; 4) о утекшихъ съ походу козакахъ; 5) о подводахъ, виправленнихъ до Царицина; 6) о дачи вѣдомостей, у кого собственніе свои имѣются овци; 7) о подрадѣ смалцуга; 8) о утекшихъ зъ коллегіи колодникахъ; 9) о пчелной и проч. десятинахъ, жеби грошми платить въ казну, а не пчолами; 10) отъ Тонконога писмо о зимнихъ квартирахъ и мисячной платѣ; 11) отъ Занковскаго, о подсусѣдкахъ козацкихъ, въ Веремѣевцѣ будучихъ, якихъ притягаетъ Галаganъ до подданнихъ своихъ; 12) отъ старшины чигиринъ-дубровской, о Никифору, еремѣевскому жителеви, на которого показано во взятіи воровскихъ денегъ розискъ, особно ли онъ отъ матери своей живетъ и добрій ли человѣкъ, о томъ зъ коллегіи розискать велено; 13) отъ родителки писмо, желаючое нашего прибытія; 14) отъ Билима жъ отвѣтъ о слѣпомъ Криштопенку, по которого посланъ значковій, сюда оного припроводить въ Глуховъ, по указу канц. енер.

4. Стрѣлца чорторійского отпустилемъ домой, чтобъ бувъ въ понедѣлокъ взглядомъ шинку. Плетюнцѣ куфу горѣлки видано зъ імбару. Шинкарка тулиголовская принесла за медъ копъ 9, якіе взялъ Мартинъ и вмѣсто ключника Клима, писмомъ оную квѣтовалъ. Роману старостѣ наказъ далемъ о непередержованню великороссійскихъ людей. Ему жъ казалемъ деревъ, хвоини товстой, нарубать 200, якое мѣютъ въ Сварковъ перевезти тамошніе мужики, осипное жито мѣючіе возити. До старости ярославского писалемъ о томъ, чтобъ вернулъ тамошній мужикъ заграбленного коня, чили кобилу, Куриленка Іґната. Василь господаръ, зъ грошей, принятихъ за воскъ, Роману далъ рублей 9. Виехалъ зъ Тулиголовъ, а едучи поузъ шинкъ мой, казалемъ тамъ погребъ сдѣлать. Пріехалемъ въ футоръ Калюжновскій, где противъ скринѣ прокопано, а землею и гноемъ засипали, для того, что вода поузъ тарасованне ишла. У

футорѣ тютюнникъ сказовалъ, что шнуровъ на 1500 есть тютюну, а еще на 500 и болшъ, якоби мѣетъ бити. Тамъ же дворникъ говорилъ, что ліонъ першій змолотивши, насѣння полубочокъ зобралъ, а теперъ еще молотилъ послѣднего копъ на 5. Просо вязали тамъ же, у футорѣ. У Сварковъ пріехалемъ, где десятника, за невистатчение работниковъ садовнику, наказалемъ боемъ кіевимъ. Оттоль въ Глуховъ едучи, споткалемъ Плетюнку, зъ мѣста ехавшого, зъ побитимъ окомъ и щокою, пяного. Заездилемъ до шинковъ замѣскихъ и пріехалемъ въ домъ. Надзиратель Нелидовъ и зборщики пріехали въ Глуховъ.

5. У брегадира рано бувъ зъ княземъ и, не увидѣвши его за слабость, отехали къ прокурору, а отъ его поехалемъ домой и кушали у насъ князь и Скоропадскій. П. п. сотниковая седневская Войцеховичева и Григоріева Жоравкова пріехали въ Глуховъ, такъ же и отецъ Павелъ Свѣтъ зъ своею сожителницею. Отправилемъ Джикгиля въ Роменъ зъ писмами: 1) до родителки, о небытіи нашемъ въ Андрѣевцѣ на празднику, и о листѣ, Селецкимъ писанномъ до Леонтія, и о присилцѣ сюда овецъ и водки; 2) до правителей полковихъ, о присилцѣ сюда зъ сотенъ, город., луком, и сенец., именнихъ реестровъ козаковъ, въ низовій походъ виправленнихъ; 3) до Орановскаго, о присилцѣ сюда барановъ и овецъ непотребнихъ килка десятъ, о пчолѣ, жеби самую подлую бити, о запасѣ на хмѣль и о протчемъ, и чтобъ озимую пшеницю посѣять на степу сухоносовскомъ, и жита бъ болшъ посѣяно; 4) до Романа, слуги, объ увѣдомленіи мене о полѣценнихъ ему дѣлехъ. Зъ Ромна и съ Каменя пригнано сюда овецъ 20, да кухву горѣлки привезлъ конюшого хлопецъ; горѣлка оковитая пополамъ зъ простою.

6. Неделя. Надзиратель бувъ у мене и говоривъ о імбарахъ и придаванню карауловъ до коморъ, хлѣбомъ насипаннихъ, которому указъ зъ коллегіи ко мнѣ виправити о томъ казалемъ и въ тотъ часъ тое будетъ чинитися по оному. На службѣ Божой билемъ у Михайла ст. и на службѣ у церкви. Докторовичъ, на лѣвомъ криласѣ стоявшій, ссоръ зъ дяками имѣлъ и зъ криласа випхано. Артѣлному барановъ 3, а козловъ 1, и по барилу водки даровалъ.

Столповскій обѣдалъ у мене и о своей сватби говорилъ. Отецъ Павелъ Свѣтъ отехалъ изъ Глухова. Ямщикъ привезлъ зъ Ромна письма: 1) отъ Івана Славѣнского доношеніе, что онъ овецъ продавать въ Коровинцяхъ не запрещалъ; 2) отъ Петрановского, о его отездѣ въ домъ прошеніе; 3) отъ Билима, о уменшенню компанѣйцевъ у Хмѣловѣ, а притягненню Медвежого къ дачѣ оного, и о глинчанахъ, нехотячихъ за зборщиковъ, зъ Ромна въ сотню ихъ вибраннихъ, дачи давать; 4) отъ Билима же, о присилцѣ сюда въ Глуховъ Івана Криштопенка; 5) отъ правител. пол., о полученнихъ указахъ зъ колегіи объ откупѣ индукти, о суддяхъ родственникахъ, о преступленіяхъ государственнихъ и партикулярнихъ, о переписованіи овецъ въ Коровинцахъ, по доношенію тамошнего старости, о амбарахъ, что оніе въ цѣлости суть; 6) объ овцахъ вѣденія и о полученномъ тамъ моемъ ордерѣ, о продажѣ меду зборного и о трембачахъ; 7) отъ отца ігумена мгарского отвѣтъ о денгахъ, 100 р., за павиліонъ должнихъ; 8) отъ сотника городиского, о пожежѣ двора его и реестру присланномъ козаковъ, въ походъ низовій ордипованнихъ, безъ подпису руки его; 9) отъ Шимка, о магазейну, же цѣлъ увесь; 10) отъ чорнуского уряду, о проявившихся ворахъ. Вѣденіе объ овцахъ положено, сколько господарей въ полку лубенскомъ обрѣтается, которіе имѣютъ свои собственіи овци, именно въ сотняхъ лубенской—1976, въ ром.—2420; въ смѣлов.—744; въ глин.—1169; въ лохвицкой—1856; въ сенецкой—904, въ городис.—317; въ чорнуской—1139; въ пѣрат.—2344; въ луком.—1271; въ чигриндубров.—1350 и того всѣхъ господарей 15485.

7. Въ Ромевъ послалемъ листи, черезъ почтара ямщика, до правителей—резолюцію о трембачахъ компанѣйцяхъ и въ Чорнухахъ держимихъ ворахъ и чтобъ допросили, зъ якой причини перепѣсь овечая учинилася, и оніе реестра овечіе отослалемъ назадъ. До сотника городиского о пожежѣ двору его учинившойся зъ диссимуляціею и чтобъ на Саданку суда искалъ, и не самъ собѣ управу чинилъ, и реестра, козаковъ внизъ посланнихъ, для подпису руками ихъ, воспятъ послалемъ. До правителей же и инквизиція чорнуская послана. Степану, шевцю сварковскому, —шинковать казалемъ въ

„Кіевская Старина“ выходитъ въ 1891 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, въ срединѣ каждаго мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Открыта подписка на „Кіевскую Старину“ на 1892 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“, Кузнечная № 14.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какой либо книжки журнала гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки присылать заявленіе о неполученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890 по 8 р. 50 к. за 12 книжекъ, съ пересылкою 10 р. При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—90 г. по 1 р.

Издатель **К. М. Гамалѣй.** За редактора **Е. Кивлицкій.**

Дозволено Цензур. Кіевъ. 1-го ноября 1891 г.